

Альманах

13

Семейка: Литературно-художественный альманах, вып. 13

Составитель: В.М. Авцен

«Цифровая типография», 2012 – 240 стр.

*«Семейка» – альманах для взрослых
и детей, из которых, собственно,
и состоит этот мир...*

© Авцен В.М., составление

© Лозенко В.И., обложка

© Маша Лавринюк, рисунки обложки

В оформлении альманаха использованы рисунки Евгения Мокина (стр. 10, 30, 40, 55, 68, 75, 80, 84, 96, 99, 107, 113, 194, 210, 229, 234).

ISSN 1862 - 7781

*Литературно-художественный
альманах*

Семейка

выпуск тринадцатый

*Вупперталь
2012*

Уважаемые читатели,

взрослые и маленькие!

Едва вышел в свет 12-й номер нашего альманаха (хочется верить, лучший из всех предыдущих, хотя бы потому, что число это считается совершенным, символизирует божественную гармонию: 12 апостолов, 12 знаков Зодиака, 12 месяцев в году и т.д.), как мы с дизайнерами Мариной Белоцерковской и Виктором Хариком в смятении обнаружили, что следующий номер... Вот-вот, даже произнести страшиновато! Число это издревле считается несчастливным, и мы решили поступить, как суеверные владельцы домов, гостиниц, пароходов и самолётов, которые, нумеруя объекты, пропускают эту цифру. Мы уже приступили было к работе над 14-м номером, но тут кто-то из нас вспомнил, что в 12-м году этого века пессимисты ожидают очередной конец света, а значит, число 12 тоже не без изъяну... А вдруг, подумали мы, и с 13-м не всё так однозначно... Сначала вспомнили про индейцев майя, тех самых, из-за календаря которых этот съф-бор с концом света и разгорелся и у которых это число считалось священным (13 уровней неба и соответственно 13 богов, 13-дневная «неделя» в календаре), потом, что в Америке в 17-м веке был создан клуб почитателей этого числа – «Тринадцатый», затем, что у каждого из нас есть друзья-знакомые, обожающие цифру 13...

Короче, решили мы выпустить 13-й альманах и сделать его насквозь весёлым: мир, как известно, смеясь, расстаётся... со своими фобиями. А чтобы номер вышел ещё и хорошим, я кинул ключ знакомым, а главное, талантливым юмористам – и в первую очередь замечательному донецкому писателю Вячеславу Верховскому. Славик – давний и активный автор одесского юмористического журнала «Фонтан», недавно у него вышла книга «Я и Софи Лорен», из которой я и черпал его, не побоюсь сказать, иронические шедевры. Всего же на страницах этого номера представлено творчество 45 авторов. Чтобы совсем уж превратить этот выпуск во что-то типа мини-антологии юмора, пригласил в наше «Литкафе» на чашечку кофе Одессу, ну не всю Одессу, а журнал «Фонтан», ну не весь журнал, а отдельных его авторов... Но зато каких!

Хороший юмор нередко соседствует с печалью. И у нас не без этого. Так что, если, улыбнувшись, вы вдруг задумаетесь о серьёзном, не обижайтесь. Такова жизнь. А на неё, как сказано у неодонократно поминаемого Верховского, жаловаться нельзя – «узнает – будет мстить».

Всегда ваши

Составитель

Стухи

и проза

ОДНОСТИШИЯ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Предчувствие конца нет-нет да и обманет...

На память о зиме – гербарий из снежинок.

Признание

Женюсь: разнообразие приелось!

Народная примета

Гасите свет, а то не будет денег.

Рассказ о современном журналисте

Служить бы рад, прислуживаться – точно!

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

Она опять покончила с собой.

Не упрощай – не делай сказку былью!

По слухам дважды два – четыре. Странно!..

Умеет ли наука кроме гитик?

Владимир АВЦЕН

Похмелизмы

Ох, лучше бы рассол я пил вчера!
Старею: с трёх бутылок стал косеть.
Под мышкой почесал и понял – не моя.
С циррозом мне не страшен даже СПИД.
А всех непьющих обложить налогом...
Чего лежишь в моей канаве, гад?!

Бандитизмы

Тот не воришка, кто не метит в воры.
Давайте зонами дружить, братва!
«Народ нищает!» – воры бьют тревогу.
«Делёж закончен» – текст для эпитафии.

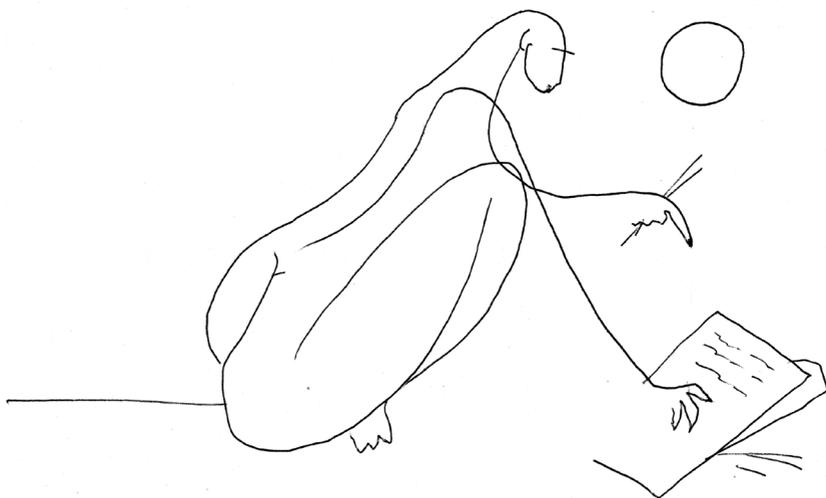
Эротизмы

Давно я не склонял к сожительству жену.
Игра в бильярд так эротична, доктор...
Зелёный голубому – не чета.

Транссексуал от трансвестита – в транс!
Поспать иль переспать? Вот в чём вопрос.
Другим бы стал, так ты ж мне с ним изменишь!
Контакт был с властью. Надо б сдать анализ...

Наталья МЯГКОВА

О графа мания Толстого!

ОДНИМ СЛОВОМ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Ключья

Не верьте предсказаниям: Богу самому интересно, чем всё это кончится.

Не родись красивым: вырастешь – не узнают...

Происхождение человека: заработал денег – стал человеком.

В эпоху религиозных войн Бог – на стороне атеистов.

А меня совесть любит: она меня не мучает!

Если людей подслушивать, они окажутся такими подлыми!

Как часто свет в конце тоннеля – это озарение, что нам туда не надо.

Казалось, ничего не предвещало – но Бог миловал...

Опасения – это надежды на худшее.

Самый безопасный секс – это любовь.

Приснился свежий взгляд на человека: рожденный ползать, вставший на дыбы.

Слабость интеллигенции в том, что ее толпа неубедительна.

Назвали Завет Ветхим, и сразу устарели эти все: «не убий», «не укради»... ну и т. д.

Иногда с человеком имеют дело только для того, чтобы с ним не связываться.

В мире есть вещи, за которые мне стыдно. А возвращать жалко.

А Бог-то, оказывается, есть! Даже как-то не верится...

Как горько, что на молодость я потратил свои лучшие годы!

На жизнь не жалею: узнает – будет мстить...

Сколько хороших людей стало на путь исправления!

Критик – писателю: учись скромности у своего дарования!

Если правительство идет нам навстречу – столкновения неизбежны.

Это ложь, мы Родину не покидали – мы просто отбежали на безопасное расстояние.

Весь ужас в том, что он еще не весь!

Владимир ПУРОВСКИЙ

Афоризюминки

И серость становится заметной, если уничтожить весь цвет.

Эй, кто тут могильщик капитализма? Получите пособие по безработице!

Привыкший быть пешкой в чужих руках, легко может стать и шашкой.

Когда есть свобода выбора – выбирают свободу!

Этапы большого пути лучше всего известны конвоирам.

Стоит только один раз подать повод, и вас обязательно попросят подать кнут.

Мы все стоим у черты бедности, правда, по разные ее стороны.

Люди должны верить в светлое будущее, иначе они потребуют светлого настоящего.

Страшно, когда вопрос о том, кто именно является «паршивой овцой», решает само стадо.

Бедность – не порок, и, видимо, поэтому так непривлекательна.

Теория – это практика, наученная горьким опытом.

Когда солнцу перестают поклоняться, на нем находят пятна.

Американцы работают, если платят хорошо. Русские работают. Если платят – хорошо.

Наконец-то временные трудности закончились. Наступили трудные времена.

Коллектив у нас хороший. Люди – дерьмо!

Наталья МЯГКОВА

Афонаризмы

Весною добрые сердца тают, а злые размораживаются.

В дружной компании болезней чувствовал себя крайне одиноко...

Астрологи напоминают: ваш спутник жизни – тоже планета!

О не пинайте мое упавшее настроение!

Я не рассеянный, а просто еще не собранный человек.

С моей точки зрения, на это нужно смотреть с моей точки зрения.

Жизнь проходит... Так и мы ж не остаемся!

Объявление в газете: трезвость без ведома пьющего.

Бог – неопознанный субъект во вселенной.

Что бы произошло, если бы исполнилась мечта каждого о всеобщем счастье?

Жизнь – это медаль с двумя оборотными сторонами.

Демьян ФАНШЕЛЬ

Говорит российский орёл:

1. «Ум хорошо, а два – лучше», – говорит российский орёл.
2. «Сами вы двуличные», – говорит российский орёл.
3. «Да что это такое: одна голова не ведаёт, что другая делает!» – говорили российскому орлу.
4. «Орёл российский назад не оглядывается! Да и вперёд не смотрит», – объясняет российский орёл.
5. «Веселие Руси есть: пить и петь – одновременно!» – говорили головы российского орла.
6. «Каково дышать на самоё себя?! На гербе всегда – отвернувшись», – говорит российский орёл.
7. «Тут надо бы... эта... пораскинуть... мозгами», – говорит российский орёл.
8. «Мужчина, не найдётся двух папиросок?», – говорит российский орёл.
9. Однажды российский орёл рассказывал себе анекдот...
10. «Оставьте меня тет-а-тет», – говорит российский орёл.
11. Приказ: «Пионерский лагерь “Орлёнок” переименовать в “Двуглавый орлёнок”»
12. Сиамский российский орёл.
13. «Сыночек!», – умилился трёхглавый дракон.

14. Команду «Равняйся!» российский орёл выполнил евразийским манером: ост-вест.

15. «Пить меньше надо – двоиться не будет!», – говорит российский орёл изумлённому первочеканщику.

16. «Да не пятна Роршаха!», – объясняет российский орёл.

17. «Дикси», – сказал российский орёл. – И никаких таких «монокси»!

18. «Какие-то полудурки!», – говорит российский орёл, рассматривая гербы Польши и Германии.

19. «Орлиная зоркость, конечно, отсутствует. Зато – стереопанорама!..», – говорит российский орёл.

20. Новая хрестоматия: «Песня о двуглавом соколе».

21. И расхохотался российский орёл на обе стороны.

22. «Камо грядеши?», – спросила проснувшаяся левая.

23. «Сам себе голова!», – расхвасталась правая.

24. Объявление: «Городской голова г. Орёл чувствует себя одиноким».

25. «Вознёсся выше он главою непокорной» второй своей – покорной – головы.

26. Двуглавая решка.

27. Российский орёл-табака.

28. «Птица-двойка, куда несёшься ты?! Дай ответ». (Даёт два ответа.)

29. Что-то бурлацкое чудилось в российском орле, пытающемся взлететь.

30. Российский орёл имел два подсознания: левое и правое.

31. Редко, но случался у российского орла припадок асимметрии. В виде правосудия.

21. Российский орёл был дуэт. Бывало, тихо подпевал сам себе. И тихо внимал.

33. Результаты мозговой деятельности российского орла именовались «коромысли».

34. Т.е. центральная нервная система российского орла находилась в животе.

35. Однажды левая и правая везти с поклажей груз взялись.

36. «Глава вторая», – подписалась левая.

37. «Ты меня уважаешь?», – прослезилась правая.

38. «Всех левых повесим!», – грозила правая.

39. «Наше дело – правое!», – кричала левая.

40. «Головокружение от успехов?», – язвительно спросила правая.

41. «С утра – поправившись?», – икнула левая.

42. «Знаем мы ваши левые дела!», – кричала правая.
43. «Единые и неделимые!», – заявили правая с левой.
Вразной. С отвращением отвернувшись друг от друга.
44. Две головы, одна – один хер!
45. Крылья Родины!
Когти Родины!
Клювы Родины!

Владимир АВЦЕН

Закавыки

Не верю политикам. Никому. Ни единому слову. Скажет «здрасьте» – и уже врёт.

Жалуетса, что был гоним, тогда как не был допущен...

Вообща я нудист. Но голым не хожу – стесняюсь.

Глаза у неё – от папы, бюст – от мамы, а ноги – от ушей!

В молодости – восторженная дура. С годами восторженность прошла.

Если вас обидели, не становитесь в позу – могут обидеть ещё хуже...

Юбилей – идеальный повод сказать человеку всё, чего о нём не думаешь.

Деньги – вода. Помыться бы!

ДВУСТИШИЯ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Что отличает праведных от грешных?
Процент успешных!

Я б на рожу пенять не стал
В королевстве кривых зеркал!

Крутой пиджак
Диктует шаг.

В диетстоловой

Здесь не описка – автор прав,
Что написал: «Отрав из трав».

Вездесущие

Известно: даже в пальцев отпечатки
Нет-нет да и вкрадутся опечатки.

Вечером у телевизора

Меня опять
Будили спать.

Догадка

На самом деле он не Дон Кихот,
На самом деле – это тонкий ход...

Вопрос из чемодана

Зачем провоцируют янки
Меня на «Прощанье славянки»?

Владимир ПУРОВСКИЙ

Наше государство правовое –
Каждый в нем имеет право воя.

Мы все учились понемногу
И потому шагаем в ногу.

Разве может надоесть
Мысль о том, что надо есть?

Владимир АБЦЕН

Почти у каждой у идеи
в отцах и в братьях иудеи.

В вопросах братства нам пример
хотя бы Каин, например.

Утка

Что себя в сметане утка
обожает – это утка.

Напутствие футбольного тренера

Проку нет от нападения?
Ставьте, парни, на падения!

Без иллюзий

Я вас, мадам, беру на содержание
за формы ваши, а не содержание!

Наблюдение

После смерти либо до
послабее либидо.

Глухариное

Полюбил тебя такую
и токую, и токую...

Эпитафия жуку

Ты угодил негаданно в раствор
за крыльев удивительный раствор...

Павел СЕРДЮК

Коммунары,
кому нары?

Ура! Новые рудники!
Урановые рудники.

На поле битв добра со злом
себя я чувствую козлом.

Чем старше я, тем всё моложе
тела в моё стремятся ложе.

Пора подумать о душе
или начать её шерше.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Из автобиографии

Родился в неблагополучной семье республик-сестер...

Фашизм

Кто мог подумать, что все повторяется? Никто не мог – оно и повторилось.

Мое жизненное кредо

Червяк, черепаха, улитка... И что, они куда-то не успели?!

Мы и те

Закон всегда на нашей стороне, а к тем он – даже сунуться боится!

Лекарство от гордыни

«Неповторимым вход в Ноев ковчег категорически запрещен!»

Прозрение

Если дуракам везет, так что, я умный?!

Деньги – зло?

Не знаю. О деньгах у меня остались лучшие воспоминания.

Поклонница поэзии высокой

Пошла муха на базар и исключительно для рифмы купила абсолютно ей не нужный самовар.

Несправедливо

Киркоров с Пугачевой – это для богатых, а бедные вынуждены ходить на Баха и Бетховена.

Недавно

Слова-паразиты покушаются уже на самого человека. Спросил одну: а как ее зовут?

И что мне отвечает?!

– Как бы Люда.

Правда

Когда маленький мальчик узнал всю правду, он заплакал:

– Родины такими не бывают!

О большом и малом

У жука должна быть гордость.

Обязательно!

Слону довольно и великодушия...

После развода

Мою жену прошу ни в чем не винить: она меня не бросила, а оставила в покое...

Слово

Весь XX век стал заложником одного-единственного слова. Назвали мировую войну первой – предопределили вторую. Нужно со словами осторожней!

Перед рассветом

Ночь, но человечество не спит. Просто не находит себе места, все в неведенье. Через несколько часов начнется день. День, которого на свете еще не было...

О гражданском долге юмориста

Пока не поздно, пока война еще не началась – нужно срочно обратить всё в шутку!

Владимир ПУРОВСКИЙ

БРАЙТОН – ЭТО БИЧ (Непутевые заметки)

– Боже вас упаси сказать «негр», – шепотом предупреждает меня одна дама. – Говорите «афроамериканец».

Как же нас плохо учили в школе – приеду домой, обязательно найду на карте эту «Афроамерику»!

На Брайтоне нет расовой дискриминации – белые пьют по-черному.

Объявление в русской газете: «Срочно требуется программист с опытом работы на пять долларов в час».

Счастье в эмиграции – это мгновение, когда одна неприятность закончилась, а следующая еще не началась.

Сергей ЗУБКОВ

Утро

Утром встаёшь мудрее на одну ночь, но глупее на ещё не прожитый день.

Определение поэтов

Недолюбленные, которым Господь частично компенсирует...

Парадокс субстанционального восприятия

Наши души сейчас вместе, а тела – на расстоянии семь тысяч километров. Интересно, где будут души, если тела встретятся?

Вот такие сырники...

Он заставил её приготовить сырники, как это делала его мама.
Она приготовила, и было вкусно, но тревога почему-то не проходила.

Сила благодарности

Она сказала три коротких слова: «Спасибо за ночь», и он вычеркнул из памяти годы неуверенности и сомнений...

Странно

Признание позволяет тебе думать, что ты – один из лучших, а одиночество, что ты – единственный.

Непрописная истина

У всех своя жизнь, а у нас – наша!

Владимир АВЦЕН

Хитрость

Обожаю опаздывать. Заходишь – и сразу в центре внимания. Хоть и крохотный, а успех!

Оригинал

Оригинален. Во всём. Даже ожёг у него... от чихания. Наливал чай и чихнул.

Шкала ценностей

Помните? Проезд пассажира в троллейбусе – 40 копеек, провоз багажа – 80...

Шифровка

В Центр, Путину. Сижу на берегу. Не могу поднять ногу. Шойгу.

Эти странные немцы

Странно: немцы мой плохой немецкий понимают, а я их хороший – нет...

Объявление

Только секс! Интим не предлагать!

Автоэпитафия

Я так и знал!

ПАРАДОКСЫ

Парадокс футбольных ворот

Ширина футбольных ворот сильно зависит от того, собираетесь вы пробить или взять пенальти.

Парадокс утрат

Утраты посыпались, как из рога изобилия.

Политический парадокс

Кандидат, ставший депутатом. Человек один и тот же, а какие разные люди!

Милицейский парадокс

Подобрать избитого и бить пока не сознается, кто его избил.

Парадокс невинности

Многодетная старая дева.

Парадокс гордости

У меня какая-то нехорошая гордость. Проявляю её – мне же и плохо. Не проявляю – мне же и хуже.

Парадокс парадокса

Если ты сказал парадокс и все поняли, что это парадокс, – это парадокс!

ТРЕХСТИШИЯ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Шут глупость сморозил.
Но смехом своим
мы ее отогрели...

* * *

Все хорошо.
Жизнь сложилась...
Как карточный домик.

Владимир АВЦЕН

Всё приходит в своё время,
даже «поздно»
является точно в свой час.

Так сладко спит жена,
так жаль её будить,
а хочется...

Терзай, младенец, вишенку соска,
с пелёнок постигай
любви науку.

Ты меня разлюбила,
а я тебя нет –
классический двуугольник.

Практика относительности

Время ползёт –
жизнь летит...
Эйнштейн – отдыхает!

Бессонница

Сон – репетиция смерти.
Репетирую каждую ночь.
Не стремлюсь к совершенству...

Птицы судьбы
не любят белых ворон...
Счастья, ишь, захотелось!

Олег ЯРОВ (ТЭНГУ)

ХАЙКУ
12 МЕСЯЦЕВ
КАЛЕНДАРЬ-МУРЗИЛКА

апрель

капель
кот жмурит
один глаз

май

вишни в цвету
смотрит в окно
персидская кошка

июнь

летнее утро
делает ласточку
кот

июль

отстань, Леопольд!
набрался
с утра росы

август

выходные на даче
мимо местных дефилирует
городская кошка

сентябрь

осенние шорохи –
кот переступил
слетевший лист...

октябрь

под зонтом
перевожу через двор
кота

ноябрь

аромат кофе
на кухню входит
заспанная кошка

декабрь

пятится кот –
учуяла мокрый нос
снежинка...

январь

Новый Год на носу
кошка сторожит
селедку под шубой

февраль

чищу апельсин
шурится
кот

март

на хвосте написано –
зачирикали кота
воробьи

РАССКАЗИКИ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Помню...

Первый день я в детском садике. Мама приходит меня забирать. А я ребенок «оторви и выбрось».

Мама, с опаской:

– Ну и как там мой Слава?

Воспитатель:

– Если вашего Славу любить, то хороший...

Кризис

В Козельске я был приглашен к раввину в гости. Ну когда я там работал, у него. Говорим о том о сем. И вдруг он:

– Славик! Я забыл тебя спросить: а мировой финансовый кризис по тебе ударил больно?

Я, конечно, тут же намекнул:

– У меня нету таких денег, извиняюсь, чтобы так уж мне страдать!

– Везет тебе! – ответил мне раввин.

Друг

Который день мой друг Исаак Шриффтгиссер меня доводит – он думает о жизни после смерти.

Я:

– Ты думаешь о жизни после смерти?! Ну Исаак! У тебя же мания величия! Неужели ты не понимаешь: ну зачем ты Богу еще раз?!

Ростропович в Донецке

Человек не бедный, на концерт Мстислава Ростроповича я купил входной билет, то есть без места.

Мне сказали:

- Слава, ты ж не бедный!
- Разумеется!
- А чего ж ты?!
- Перед Ростроповичем сидеть?!

Пароль

- Здравствуйте, а Степу можно?
 - Я тоже еврейка, но вы не туда попали. Заходите!
- Так я встретился с китайским резидентом.

* * *

Однажды в порыве нежности Боря воскликнул:

- Дорогая Циля! Я в жизни не знал женщины лучше, чем ты!
- А Циля про себя подумала: «Несчастный!..»

Замена

В магазине экзотических товаров приобрел большую морскую раковину. Приложил к уху – и сквозь шум моря услышал крик о помощи. Продавщица:

– Ох уж мне этот крик о помощи! Достал! Неужели это вся такая партия?! А знаете, купите лучше зонтик, он исправный...

Раскрыл я зонтик, он действительно исправный. И ступил под дождь, исправный тоже...

Но в ушах стоял всё тот же крик.

И я вернулся...

О неотвратимости

За вырубку деревьев я бы ввел такое наказание: человек срубил дерево – и тут же в это дерево превращается он сам. И пусть он осыпается листвой, шатается под ветром. Зимой и летом и без перерыва на обед. Все, он дерево – и никаких отмазок. Белки в ветках. Муравьи в коре. Бездушный дятел лупит по живому...

В общем, пусть он настрадается по полной!

И вы увидите: здесь будет город-сад!

Человек

Присутствовал в Одессе. Видел сам: к Жоре, который на Привозе чистит рыбу, подходит старушка. Бедная, скорей всего, несчастная. И так тихо:

– Жора, детка, трудоустрой моих карасиков!

В смысле: чтоб помог он их продать. А караси, поверьте, никакие. Жора – старушке:

– Без проблем, мамаша, получайте!

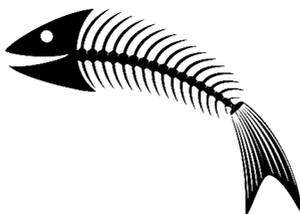
– Что, так сразу деньги за карасиков?!

– Я, мамаша, в них уверен, как в себе!

Старушка, пересчитывая:

– Ого! – поражена. – Такие деньги!

Она ушла – он бросил кошке.

Александр ШОУБЕРГ

СПИЧЕЧНЫЕ РАССКАЗЫ

Князь Рюрик

Князь Рюрик решил построить что-нибудь этакое, чтоб запомнили.

Он въехал на гору на вороном мерине, собрал соратников и приказал:

– Здесь будет хлам!

Приказ есть приказ. Соратники удивились, но засыпали гору хламом.

Рюрик потом долго злился и вопил:

– Дулаки, плидулки, дегенелаты!!!

Палач

После первого успешно оконченного дела палач написал письмо домой. Начиналось оно словами: «Матушка, можешь меня поздравить, наконец-то я вышел в нелюди...»

Археология

Откопали древнего монгола.

– Здравствуйте, уважаемый кочевник.

Монгол удивился:

– Какой же я кочевник? Я всю жизнь провёл в седле. Значит, я – оседлый.

Пришлось переписывать древнюю историю.

Настоящая любовь

Шушундрикков пришёл на работу с бланшем. Коллеги поинтересовались – откуда, мол, фонарь.

Шушундрикков загадочно улыбнулся и сказал:

– Я был с женщиной.

Больше он ничего рассказывать не стал. Но только на следующий день пришёл уже с двумя бланшами и расцарапанным лицом. И опять, расплывшись в блаженной улыбке, загадочно пояснил:

– Я был с женщиной.

А потом Шушундрикков на работу не вышел. Коллеги узнали, что его забрала «скорая» с сотрясением мозга, многочисленными ушибами и множественными переломами чего попало.

Опять та же самая женщина – поняли коллеги и подумали: а может, это и есть настоящая любовь?

Владимир АВЦЕН

Подлец Станиславский

Когда я вижу усердно просящего нищего, во мне просыпается великий Станиславский: «Переигрывает, неорганичен, выжимает слезу», – шепчет он мне на ухо и, барственно улыбаясь, роняет своё коронное «не верю!», и я легко обхожу нищего, и совесть моя чиста, и старик Станиславский так одобрительно мне: «А вот вам, батенька, верю!», и трясёт мою руку, и кивает головой, и улыбается, улыбается, улыбается, подлец...

Элементарно

– Пап, а как называются пальцы на ноге? – спрашивает трёхлетняя дочь, и я ей бойко:

– Элементарно! Так же, как на руке: мизинец, безымянный, средний...

Стоп! А между большим и средним? Неужели указательный?!

Важен настрой!

Гипертонический криз. Реанимация. Пришёл в себя. Звонит приятель:

– Тебе сейчас важен настрой! Тащу афоризмы.

Явился: «Отлично выглядишь!» Положил книжку на тумбочку: «Потом прочтёшь». Пожелал: «Чтоб завтра – домой!» Ушёл.

Через день – чуть попустило – тянусь за книжкой. Читаю на обложке: Геннадий Малкин. «Живым из жизни не уйти»...

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

Анна ЛЮДВИГ

ЧИСТО ЖЕНСКИЕ КРАЙНОСТИ

Кто сказал, что жизнь по кругу ходит?
Это лишь вопрос организации –
я, к примеру, даже в хороводе
умудряюсь крайней оказаться.

Себе казалась юной и безвременной,
но рентгенолог опроверг мой тезис:
он раньше вопрошал: «Вы не беременны?»,
а нынче выясняет: «Есть протезы?»

Пускай в глаза не сразу и бросается,
но я – покруче хищников иных
и на пути к успеху
остальных
всегда перед собой гоню, как зайцев!

Когда мечты переполняет курица
и шкварки на огромной сковородке,
осознаешь, что быть костлявой умницей
куда трудней, чем полной идиоткой...

Спор вавилонский стар и бестолков,
и не совсем понятен мне: ведь я же
из всех разнообразных языков
предпочитаю всё-таки говяжий.

Владимир ПУРОВСКИЙ

ЭПИТАФИИ

Храбрецу

Надгробною плитой твоей я любовался –
В ней блеск и красота, богатство и размах.
Ты взятки брать робел и воровать боялся,
Но, судя по плите, ты пересилил страх!

Редактору

Он уж в аду, а может, и в раю,
Но если бы явился в этом мире,
То знаю – эпитафию свою
Он сократил бы строчки на четыре.

Снобу

Наш друг, да упокоится твой прах!
Отлично все прошло, сверх ожиданья!
ВСЕ были на твоих похоронах,
И ты был в центре общего вниманья!

Татьяна ШЛЕВА

Из дневника путешественника

1.

В туристическом угаре
Я плыву по Ниагаре,
Если кто-то мне не верит,
Пусть догонит и проверит.

2.

Вот на площади соборной
Хлопцы согнулись до кучи.
Слышу я – родной, отборный,
И великий, и могучий...

* * *

Напрасно Вы в меня стреляете словами:
Витаю в облаках – меня не просто сбить.
Признаюсь, добрый друг, я ранена не Вами,
А значит, и не Вам от ран меня лечить.

Тоска в провинциальном театре

В театре на подмостки вышла «ТОСКА»,
и ТО СКАзать – не «ТОСКА», а тоска...
Тоска, быть может, этой «ТОСКЕ» – тёзка,
и ТО СКАзать – совсем издалека.

Эрнест ОБМИНСКИЙ

Прогресс

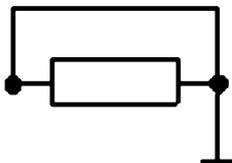
Прогресс – отнюдь не звук пустой,
Стоять на месте не годится...
Давно ль мы охали «Застой!»,
Теперь вздыхаем «Что творится!»

Подарок

Споткнулись мы: куда идти-то?
А бес шепнул: «Халява, плиз»,
И, элегантно вздев копыто,
Нам преподнёс «копытолизм».

Современник

С новой техникой освоюсь,
Ты о прошлом не тужи.
Может, ты и продал совесть,
Но купил детектор лжи.

**СОПРОТИВЛЕНИЕ
БЕСПОЛЕЗНО!!!**

Евгений ХАГАН

История

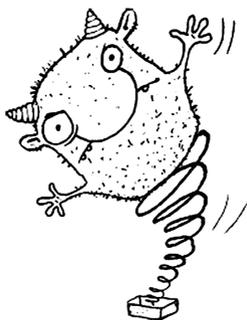
История – наука точная;
но понял я не так давно:
как будто в сундуке фарцовщика,
в истории... двойное дно.

Над Лазурным берегом

Модель всех моих отношений с людьми:
мерцает огнями под «Боингом» Ницца,
но даже и Ниццы огни не одни –
от Канн и Монако нельзя отстраниться!..

Презентация

Гости, слушатели, читатели!
Мне неважно, без даты ли, к дате ли,
но: хотелось бы вам всем представиться –
ещё – до того, как... преставиться!

Владимир АВЦЕН

К Гераклиту

Не в жилу нашему народу
ни скрип реформы, ни мятеж...
Коль в разную мы входим воду,
что ж грабли там одни и те ж?!

Глазами антисемита

Я их давно ненавижу, и люто,
только и видишь, куда ни взгляни:
«евроремонты» и «евровалюта»...
Знаю, что «евро»! Но чую – они!

* * *

И львам живется тяжело, и орлам,
несут свой крест медуза и креветка.
Всем тварям воздается по делам,
а вот тварюкам почему-то редко...

Этапы небольшого пути

Экспрессия,
агрессия,
депрессия,
процессия.

О свободе

Свобода всё-таки нужна!
Какое счастье знать, что вы
свободны. Вас послали на...,
а вы себе идёте в...

Я пришёл на встречу с киской,
ну а в ней центнера три...
А всё эта переписка –
Интернет её дери!

Извините, друзья!

Вдруг случится такая фигня –
на моей соберетесь вы тризне,
на поминки не ждите меня:
их не очень любил я при жизни!

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

Наша реклама

Будильники славлю,
которые есть,
Но трижды –
которые будят.

СВОИМИ ГЛАЗАМИ...

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

БЫЛЬ

В филармонии – Второй концерт для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова. В Донецк приехал выдающийся пианист, народный артист России профессор Михаил Воскресенский. Все было замечательно.

А через день в «Донбассе» напечатали. Но что?! Как водится, похвалили Рахманинова, отметили высокий уровень оркестра. И, наконец, о Воскресенском: «Оркестру подыграл...»

Из аннотации: «Действие сказки разворачивается в германском городе Вуппертале осенью 1834 года»...

Раввин Соловейчик принимает соплеменников ежедневно с трех до шести. Об этом гласит объявление на его дверях. Где так и написано: «Морочить голову с трех до шести. Раввин Соловейчик».

Не верь глазам своим

Объявление на церкви, что в Печатниках: «Внимание! Храм закрыт на спецобслуживание. Ближайшая церковь находится...»

Детали

Заметил вывеску: «Сопричастность» – негосударственный пенсионный фонд» – и, не скрою, даже умилился. Все пронизано заботой о человеке, ну буквально! Правда, слегка тревожит, что «Сопри...» – но это «... частность».

Не забуду никогда: в Петродворце – «Извините, туалет на реставрации!»

Виктор ШЕНДРИК

Из нашей «Кулинарии» вышла тётка. С огромной сумкой в одной руке и только что купленным пирожком в другой. Перекусить решила на ходу – спешила, видимо, на базар.

И упала. Споткнулась, раззява, на ровном месте и лежит, здоровенная, поперек тротуара, проходим мешает.

Я ж, джентльмен безнадежный, бросился поднимать. Вернее, помочь подняться. Пока добежал...

Такого я ещё не видел – клянусь! Пока я добежал, она три раза от пирожка откусила!

Владимир АВЦЕН

Кто б сомневался!

В 90-е годы в Донецке видел афишу: «Бои без правил. Проводит облгосадминистрация».

Профи

В 52 номере «Литературки» за 1998 год главный токсиколог России Евгений Лужников признался: «Я по своей профессиональной предназначённости занимаюсь отравлениями».

Не ешьте диких медведей!

В бюллетене горбольницы № 24 о кишечных паразитах прочитал: «Этой болезнью человек заражается, поедая свиное мясо диких медведей и кабанов»!

Непостижимые недопалки

Лечу из Дортмунда в Киев самолётом компании «Wizz air». Захожу в туалет. В глаза бросается табличка: «Недопалки не кидати!»... Эвфемизм «кинуть палку» мне знаком с детства. А что такое «недопалка» и почему именно здесь должно возникнуть желание её кинуть?! Ход фривольных мыслей прерывает ещё одно попавшее в поле зрения предупреждение: «Палити заборонено!». И тут доходит: это ж на «ридный мови» – «Курить запрещено!». А значит, и предыдущее надо читать: «Нэдóпалкы нэ кы́даты!», то есть «Окурки не бросать!». И только я порадовался своей сообразительности, как новый вопрос чуть не заставил меня забыть, ради чего я, собственно, сюда пришёл. Есть ли ещё в мире что-то подобное? Если курить запрещено, откуда взяться «недóпалкам»?!

ПЯТИСТИШИЯ

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

ЛИМЕРИКИ

Пожилой господин из Констанции –
Мастер бега на длинных дистанциях –
Чтоб отведать котлет
Вышел в город в обед...
А к утру очутился во Франции.

Молодая гражданка Марокко
Покупала с утра кофе мокко,
Чтоб его наливать
Не в сосуд, а в кровать –
Эта прихоть достойна Востока!

Человека из Неандертала
Откопали и долго пытали.
Вмиг его раскололи:
Базы, явки, пароли...
Могут так еще в Неандертале!

Владимир АВЦЕН

ЛИМЕРИКИ

Бандитский

Один мафиози в джакузи
сидел с автоматом на пузе,
и пела душа,
что жизнь хороша –
в джакузи и с «узи» на пузе...

Английский

Два старых усталых верблюда
плевали друг в друга, покуда
один поперхнулся,
другой ужаснулся:
– Сэр, что за манеры? Откуда?!

Украинский

Собака, укравшая сало,
себе приговор подписала.
Поп Жучку прибил
и надпись прибил:
«Любил. Но меня ты достала!»

Эротический

Сексуальный маньяк из Непала
(хуже просто земля не рождала)
юных дев раздевал,
равнодушно зевал
и не трогал – убить его мало!

НЕМЕЦКИЕ «ТАНКИ»

* * *

Алкаш из местных
другом обозвал,
на водку попросив.
Горжусь: хоть дать ещё не в силах,
зато понять сумел без словаря!

* * *

На распродаже шлёпки оторвал
за двадцать центов.
Ночь провёл без сна:
оказывается, рядом за углом
такие же за десять мог купить.

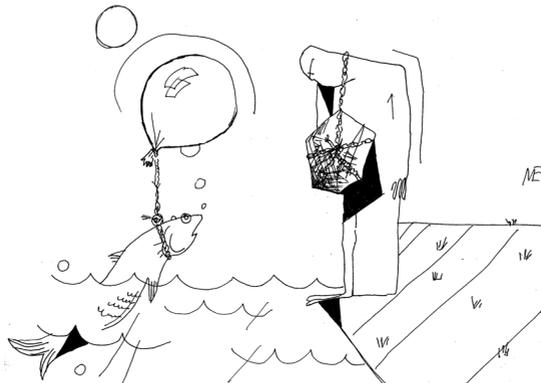
* * *

Антисемит, налогоуклоняльщик,
путанолуб, мздоимец, наркоман –
что ни политик, то и смертный грех!
Что ж мы из нас, из праведных таких,
достойного не выберем никак?..

– Небось, поэт? – Двух слов не слажу в рифму.
– Прозаик? – Даже писем не пишу.
– Художник, стал быть? – Лишь в сортире школьном
я рисовал известный всем сюжет.
– Так я ошибся? Ты не иммигрант?!

Что предпочтительней: снотворных горсть
или с моста – головкой?
Ночные мысли...
А наутро
потерянную пуговицу жаль!

За водкой эту жизнь клянут
и хвалят взапуски былую
казахский немец
и еврей с Украины.
...Этюд на тему «Русская тоска».

СВОИМИ УШАМИ...

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

«Пушкин родился не в Донецке и был убит, к сожалению, тоже не у нас. И все же, товарищи, юбилей нас поджигает...»
(Из Пушкинской речи городского головы)

Недопонимание

- Я не люблю тебя, Миша!
- Сима, возьми себя в руки!..

Оно

Проходил я мимо женщины с собакой. Меня учуяв, собака дернулась и натянула поводок. Хозяйка той собаки – обо мне:
– Вот оно тебе надо?!
Обижаться на собаку я не стало...

Мама и папа

Я услышал: снова препираются. А потом такая фраза, гениальная:
– Извини, дорогой, уже поздно меня не любить!

Достала

В дороге одна старушка проводницу ну просто заболтала, и тогда – о!

– Женщина, тихо! Двадцать минут – санитарная зона!

Огород

Мой дедушка еще при жизни был святым. Как-то одной даме он подрядился вскопать огород. За пару ботинок. Возвратился ни с чем.

– Что такое? Ты вскопал?

– Вскопал.

– А обувь?

– Огородик маленький, на один ботинок. Я не взял...

Мой знакомый, прочитав поучение еврейских мудрецов: «Еврей должен быть радостным!» – сочувственно вздохнул:

– Тяжелая у вас религия!

Женская логика

– Я уверена!

– Но почему?!

– А мне так кажется!

Владимир ТСУРОВСКИЙ

– Мы через неделю прилетаем! Если не очень трудно, подыщите для нас квартирку. Только, бога ради, не в русском гетто.

И повесил трубку. А в каком гетто хотел бы жить – так и не сказал.

В кафе за столиком беседуют двое – русский американец и русский израильтянин.

Американец:

– Так ты работаешь на двух работах? Плюс сверхурочные?

Израильтянин (гордо):

– Да. 14 часов в день!

Американец:

– 14 часов! И дорога туда-сюда отнимает часа два?

Израильтянин:

– Ровно час сорок пять.

Американец:

– Ну и восемь часов ты все-таки спишь?

Израильтянин:

– Конечно.

Американец:

– А теперь расскажи мне подробно, как ты проводишь свои свободные 15 минут.

– Вы не желаете подписаться на нашу газету?

– Не желаю.

– Почему?

– Потому что газета ваша – глупая, примитивная и безграмотная.

– Зато мы будем доставлять ее вам совершенно бесплатно.

– Бесплатно?! А можно два экземпляра?

Виктор ШЕНДРИК

Олег Бондарь взялся помогать мне в издании романа. Сказал, что знает в Харькове типографию – недорогую и обязательную в исполнении заказов. К счастью, в дальнейшем его рекомендации полностью оправдались.

Речь о другом. Когда мы вошли к верстальщикам, – парень и девушка сидели, уткнувшись в мониторы компьютеров, – Олег велеречиво заявил:

– Будем печатать исторический роман!

Не знаю почему, но я смутился.

– Псевдоисторический, – уточнил на всякий случай.

Не оторвав взгляда от экрана, девушка за компьютером дёрнула плечиком:

– А какая разница?!

Стою я как-то в среду на улице. Подчёркиваю, в среду – это важно.

Мимо меня шествует мужчина лет шестидесяти. Одет чисто и выглядит заурядно – ничего особенного.

Поравнялся и прошёл уже было мимо, и вдруг, вполоборота, спрашивает:

– Извините, а какой сегодня день? Воскресенье?

Я так и подался к нему, проникшись участием.

– Боюсь, что придётся вас огорчить, – говорю. – Сегодня среда.

– О-ё! – дёрнулся он и прошествовал себе дальше, не оборачиваясь.

А я даже взвыл от восхищения и зависти. Три дня туда, три дня сюда – какой грандиозный проброс, какая широта натуры!

Наталья МЯГКОВА

Постепенно прилавки магазина «Хобби и ты» заполнили кольца Саурана, мечи орков, кольчуги гномов. «А что делать? – разводит руками администрация. – Люди спрашивают!»

Пьяный мужик идет домой, опираясь на велосипед:
– Послушал бы жену, оставил бы дома, как бы теперь без него дошел?

Ребенок в компании взрослых замечает: «Всех нас тут пятеро, а меня всего один!»

В Одессе:

- Скажите, пожалуйста, как мне пройти по адресу...
- А вы откуда?
- Из Донецка.
- Тогда вам направо!

Владимир АВЦЕН

Купейная правда

Поздняя, переходящая в раннее утро ночь. Сна ни в одном глазу – дико храпит сосед с верхней полки. Цокаю языком, трясу храпуна, толкаю – бесполезно! Включаю ночничок, раскрываю газетку. Храп обрывается. Голос с верхней полки:

– Слышь, хорош шуршать, спать мешаешь!

Лихие 90-е

– Всё путём, коллега. Выживут сильнейшие!

– Да-а-а... А если – мерзейшие?!

Спрашиваете? Отвечаем!

На автовокзале киоск с надписью «Платная справка». Подходит молодой человек, протягивает деньги:

– Не знаете, где продают билеты на Ханжонково?

Девушка берёт деньги и отвечает:

– Не знаю!

Язык мой...

– Сэрпэнь, домой!

Обернулся на возглас, думал – собаке. Оказалось – мальчику.

Не удержался, спросил маму:

– Простите, что за имя?!

– Мы с Украины. Когда оформлялись документы на выезд, всё в них, в том числе имена и фамилии, было переведено на украинский. Тогда и обнаружили, что сын у нас Сэрпэнь. Зовём в шутку. А так он – Август...

РАССКАЗЫ

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

БРАТЯ

В городе Донецке жили два брата Поташниковы, Зяма и Сема, а потом разъехались: один укатил в Америку, другой – в Израиль.

Американский брат стал музыкантом, израильский – в киоске продает журналы и, между прочим, совсем не жалеет.

И вот однажды продавец журналов Сема Поташников получает новый американский журнал, где на глянцевой обложке фотография его очень печального братца, сидящего за решеткой.

Катастрофа! Светопреставление!

Продавец Сема бросает все дела – и к телефону. В Америке раздается звонок, трубку поднимает сам брат.

– Алло, Зяма, тебя уже выпустили?!

– Откуда?!

– Из тюрьмы!

Пауза.

– А меня туда и не сажали.

– А фотография?!

– А, фотография... Это я играю на арфе, но с той стороны.

– А почему же ты такой тоскливый?!

– Сема, ты меня удивляешь! Ты хочешь, чтоб на Бетховене я смеялся?..

КАРТИНКА С ВЫСТАВКИ

Я знал одного торгового работника. Все свое состояние он сделал на воде, еще в те годы. На газированной. Был он тупым и мелкотравчатым, лицом не вышел, вышел животом. Низкорослый и с кривыми ножками. Кстате, писать он так и не умел, а считать если и умел, то лишь обсчитывать...

Спустя год после кончины вдова поставила на его могиле памятник. Недавно проводывал я бабушку на седьмом участке – и увидел. А увидев – просто обомлел! Он – и в полный рост. Выбит на куске гранита. Художник оказался дилетантом: выбивать он начал снизу. А на голову места хватило не очень. И голова оказалась сплюсненной. И все же художником он будет! Так уловить черты этого идиота способен не каждый!

Но самое интересное оказалось все-таки не сверху, а внизу. Это была эпитафия: «Какой светильник разума угас, какое сердце биться перестало!» И подпись: «Фира и дети».

Его дети мне и даром не нужны, ну а Фиру я, конечно же, нашел:

– Какой светильник, Фира, между нами, он же был таким идиотом?!

Фира согласилась:

– Не то слово!

– А сердце, Фира?! – я не унимался.

– Оно было каменным, это сердце, – ответила Фира и заплакала.

Я изумился:

– А зачем же вы отгрохали такое?!

И сквозь слезы Фира прошептала:

– Он – при жизни – сделал это сам...

Виктор ШЕНДРИК

ГЛАВНОЕ – ПОРЯДОК

Почти пустой салон троллейбуса, на двойном сидении я еду в одиночестве, благодушно поглядывая в окошко.

Через проход напротив меня, также один, устроился мужчина, которого и мужчиной называть ещё рановато. Одним словом, парень. Внешности самой заурядной: сидит, шапка на лоб, глазееет в своё окно.

Едем. Как ни свободно, как ни вольготно в троллейбусе, но у нас не забалуешь. К нам приближается контролёр – сурового вида женщина с замусоленной красной тряпицей на запястье. Первым контролю подвергаюсь я – сказывается извечное везение.

– Ваш билет?!

– Проездной.

– Предъявляйте!

Достаю, предъявляю. Похвал, замечаний, напутствий не достаиваюсь. В сфере внимания – едущий напротив меня паренёк.

– Билет?!

– Служебный.

– Предъявляйте!

– Не видно, что ли? – с недовольным видом парень простирает вниз ладони, заостря внимание контролёрши на своих брюках.

При совершенно заурядных куртке и шапке, брюки на нём действительно замечательные: серые с тонкими милицейскими кантами по бокам, которые только из-за непростительной узости нельзя назвать лампасами.

– Извините.

С чувством выполненного долга женщина удаляется. В троллейбусе – полный порядок. Я предъявил проездной, мент – штаны. Едем дальше.

Анна ЛУКАШЕВА

ПЕРЕХОД

Словарь терминов:

БМП – боевая машина пехоты, предназначенная для транспортировки личного состава к переднему краю, повышения его мобильности. Обладает высокой маневренностью.

Боевая группа – тактическое формирование в некоторых армиях.

Десант – выброска боевой группы из транспортного средства на занятую противником территорию.

Штурм – способ овладения сильно укрепленной позицией.

Наша боевая группа медленно двигалась к месту назначения. БМП лениво поскрипывала и переваливалась через крупный щебень. Мишка дремал. Голубой берет сполз ему на глаза. Предстоял самый трудный участок пути – переход. Черная бездна ревела, гремела и извергала пыль. Мы медленно сползли вниз, сманеврировали влево и вынырнули на вокзальной площади. Нам предстояло преодолеть рынок и две трассы.

У «машины» отвалилось колесо, на ходу вбила его ногой, и она покатилась дальше. Нашей БМП уже десятый год, в ней выросли крестница Даша, дочь Соня, сын подруги Артем, а теперь тихо сопит мой полуторагодовалый Миша.

Мы живем за ЖД вокзалом и сегодня, второго сентября 2011 года, бредем в школу искусств номер восемь – Соню приняли во второй класс художественного отделения. Она будет два часа рисовать, а я толкать коляску.

Некоторое время все было однообразно – нырнули, глотнули пыль, вынырнули, но к середине месяца в переходе сняли асфальт и вплотную к пандусу центрального выхода поставили забор. Туфли на каблуках пришлось отложить, потому что при спуске моя левая нога всегда попадала в какую-то яму. С забором было сложнее: я въезжала

на предпоследнюю ступень и на себе втаскивала коляску на площадь.

Вокзал преобразался: уже появились мостики, связывающие Застанционный поселок с городом или Донецк с Европой, что в принципе одно и то же. Они еще не работали, но особого доверия не вызывали. Я с детства боялась высоты и железнодорожных мостов, а здесь объединились оба страха. Все чаще снился кадр из фильма «Потемкинская лестница». Может, поэтому подземелье казалось более надежным, и наш маленький боевой отряд штурмовал его три раза в неделю. Переход не оставался в долгу и готовил новые тактические задачи.

Со стороны поселка началось благоустройство, и мы оказались в «тылу врага». Нужно было делать немислимые маневры, прибегать к помощи «гражданского населения», десантировать Мишку, чтобы перетащить БМП через бордюры и ограждения.

Над головой носились стрелы – стрелы подъемных кранов. Они пролетали с поддонами тротуарной плитки и железными балками. Иногда в переход можно было попасть по тропинке шириной в метр. Строители часто кричали:

– Куда прешь с коляской?

– А что, есть вариант? – спрашивала в ответ.

– Иди в задницу!

И я молча погружалась в темную расщелину.

Противник не отличался культурой речи и, похоже, Соня уже освоила «язык врага».

Нас ждал удар – замуровали центральный выход. Выбраться из ловушки можно было на первую платформу перрона через боковую ветку. Здесь один полоз для колясок был нормальным, а второй узким и без ограничителя. Мы поднимались и спускались на левой паре колес, после чего БМП повело вправо.

Новый маршрут был проложен: по перрону до транспортных ворот, через стоянку к гостинице «Рубикон». Иногда эта

спасительная дверь была закрыта, приходилось возвращаться и петлять закоулками и ступенями здания вокзала. Двустороннее движение в одну узкую боковую дверь – и чужие люди говорили о моей маме три раза в неделю.

Для тактических действий нужен был план, но работа строителей вокзала не поддавалась никакой логике и каждый раз мы совершали разведку боем. В самом переходе пыль постепенно осела, зато выросли электрические джунгли – лианы проводов, и змеи кабелей свисали с потолка и вились под ногами. Вскоре появился забор из профнастила, его назначения я совершенно не понимала – думала, чтобы оградить пешеходов от строителей, но они мирно стояли в «проходе» и замазывали щели потолка. Узкий рукав заполнялся людьми, отчаянные сносили ограждение и шлепали по свежему бетону. Меня радовало, что кроме нашего боевого отряда здесь работает и диверсионная группа.

Незаметно воздушные коридоры обросли стеклом и пластиком и стали похожи на две гигантские зеленые сороконожки, выползшие из старого и нового вокзалов поймать парочку гусеничек – электричек.

Работы в «тылу» были завершены – тротуарная плитка вмурована в мерзлую землю. Строители держали оборону, забаррикадив выход на первую платформу. Пандусов для выезда в город не осталось. Мы не сдавались. Я десантировала Мишку и тащила его под мышкой по ступенькам, а БМП волокла за собой. Спасибо, что в Донецке живут отзывчивые люди, чаще всего это женщины и кавказцы.

Вверху вторая платформа была очень узкой, между надстройкой перехода и ее краем коляска втискивалась тютелька в тютельку. А путь лежал через рельсы на первую (сюрприз, когда там стоял поезд).

Зимние каникулы, ОРЗ и морозы прервали походы больше чем на месяц. В середине февраля мы собрались с духом и пошли на штурм. Со стороны поселка остался последний спуск для БМП. Началось погружение. Враг прямо из-под колес вы-

бывал последний пандус ломом. В переходе положили черные могильные плиты, под которыми похоронили огрехи ремонта. Профнастил заменили пленкой, она запутывалась в колесах. Пол скользил, я споткнулась и упала, на «поле боя» пролилась первая кровь.

P.S. Сегодня 17 февраля: колено посинело, губа распухла. Соня угрюмо листает рисунки. Она больше не пойдет в художественную школу. Боевой дух нас покинул.

Ми чекаємо на Євро 2012!

Александр ШОУБЕРГ

ЗВЁЗДЫ

Метеоров вышел на улицу. Жена послала, чтоб ведро с мусором вынес. Днем-то некогда, а ночью – в самый раз.

Метеоров побрел к мусорным контейнерам. Подумалось: «А чё это светло так вокруг? Вроде бы последнюю лампочку на столбе намедни Астролябьев разгрохал. Бутылкой водки. Пустой, конечно... Чё ж так светло, а?»

С трудом Метеоров выпрямил сколиоз, разогнул понурую шею и воткнулся глазами в небо.

– О, – удивился Метеоров, – вот это да! Как же оно называется?.. М-зззз-зы...

Подошел дворник Галактионич. Он вышел покурить свежим воздухом.

– Чего тебе, Метеоров, не спится, – говорит, – бессонница на почве радикулита?

– Не-а, – отвечает Метеоров и тычет пальцем в небо, – во, погляди, светятся.

Галактионич поглядел.

– Мать честная, – говорит, – и вправду светятся. И много-то как. Лампочки, что ль? Так нет... Ах ты, забыл слово-то. Красивое такое слово, блестящее. Гирлянды, что ль?.. Так нет...

Бомж и по совместительству алкаш Астролябьев выбрался на ночное randevу по мусорным контейнерам. Бомжем он стал недавно, поэтому пока что стеснялся промышлять днем. Он увидел людей у мусорника и решил было, что появились конкуренты. Осторожно приблизился. Вроде лица знакомые. К его помойке интереса не проявляют. Пялятся куда-то вверх.

Подошел Астролябьев, осмотрел неподвижные фигуры и тоже вверх поглядел.

– Ух ты, не может быть, – говорит, – крррасотааа, так её рас-так! Вот только названию забыл. Салют, што ли? Не, не он... Надо пить бросать, а то я так совсем деградироваю...

Мент Марсианский заметил скопление народа и заподозрил неладное. Не хватало ещё инцидентов в его дежурство. Подковылял гусиным шагом, браво помахивая новенькой резиновой дубинкой.

– Что за митинг? – спрашивает. – Почему ночью? Где санкция?

Но все молчали и на вопросы Марсианского никак не реагировали. Только в небо тарацились.

Тогда Марсианский ткнул дубинкой Метеорова.

– А ну, признавайся, что в ведре? Взрывчатка?

– Мусор, – честно сказал Метеоров.

– Чего? – оскорбился мент Марсианский.

– Говорю же, мусор, – пояснил Метеоров.

– Да как ты смеешь! Оскорблять! Меня! При исполнении! Да я!.. – взбеленился Марсианский и стрельнул в воздух из табельного оружия.

Очарованные фигуры даже не вздрогнули. Только дворник Галактионыч сказал шепотом:

– Тише ты. Погляди вон лучше туда. Подскажи, как оно называется?

– Чего оно? – прошептал в ответ обескураженный Марсианский. Сдвинул дубинкой на затылок фуражку и – посмотрел.

– Ой, – выдохнул потом, схватил ртом окружающую среду и добавил. – Прямо как у лейтенанта на погонах. Как же ж оно называется?.. На букву «зю», кажись... И сколько их, сколько...

На выстрел мента Марсианского стали сходитья прохожие и жители ближайших домов. Взволнованные, постепенно успокаивались и отвешивали затылки на спины.

Бомжу Астролябьеву шибануло в нос дешевым одеколоном. Это подошел интеллигент... как бишь его фамилия?..

– Слышь, интиллихент, – сказал Астролябьев, – ну-ка, колись, как твоё фамилиё?!

– Хм, – дернул костлявым плечом интеллигент... что вы имеете против моей фамилии? Да будет вам известно, в моих жилах течет дворянская кровь...

Бомж Астролябьев схватил его за лацканы пиджака и встряхнул:

– А ну колись, гад, как фамилиё?

– Что вы себе позволяете! – завопил интеллигент, – Звездунков я, Звездунков!

Крик его всполошил всю толпу. Она забормотала, заволновалась, и над ней завспыхивали разноцветные слова:

– Звезды, звезды, да это же звезды! Как мы могли забыть! Какие прекрасные звезды. Какие чудесные. Какие горячие. Какие... такие... эх, красота-а!..

А когда появилось утро, мент Марсианский сказал:

– Солнце, оно тоже – звезда, нам в школе говорили...

И все стали расходиться.

Метеоров вернулся домой. Его встретила злая жена.

– Ты где всю ночь шлялся? Ты почему мусор обратно принес? Я...

Метеоров посмотрел ей в глаза чистым, неземным взором.

– Ма-ма... – сказала жена и отшатнулась.

– Звёо-озды, – многозначительно поднял палец вверх Метеоров. – Звёо-озды...

Елена МОРОЗОВА

ДОЖДЬ НАД САН-ФРАНЦИСКО

- Девушка, кастрировать кота сколько стоит?
– А в ветеринарную лечебницу не пробовали обращаться? Она представила его недоумённое лицо. Прыснула. Мужчина тоже засмеялся.
– А что, совсем замучил? – посочувствовала девушка.
– Вообще-то он мирный. Знаете такую породу – непалец? В естественном состоянии – приложение к дивану. Пока не перевернёшь, не поймёшь: игрушка или настоящий. Эх... весна на дворе! А у вас-то хоть кошка есть?
– Даже керамические не водятся.
На том конце трубки вздохнули.
– Я и был против. Но разве меня кто в доме слушает? Уси-пуси. Фигли-мигли. Пластилиновый. Лепи из него что хочешь. Тиберий Франц Критский! А вас как зовут?
– Лора, – сказала Лора.
– А меня Рома. Вот и познакомились.
– Ага, тем более на улице март, – сказала Лора.
– Что вы имеете в виду? – не понял Рома.
– Спросите у Тиберия Франца Критского.
Рома насупился.
– Что вы всё шутите?! У нас дома армагеддон! Этот тиран критский всех строит. А я крайний.
– А что, денег нет на ветеринара? – посочувствовала Лора.
– Почему? – не понял хозяин кота.
– Так вы же вместо того, чтобы животное в больницу везти, уже полчаса к девушке пристаёте.
– Это я пристаю? – опешил Рома. – Да я вот сейчас трубку положу и забуду вас насовсем. Тем более вы не ветеринар.
– И кладите!

– Уже положил!

– Кладите-кладите!

Мелкая пауза оладила пыл спорщиков.

– А если кастрируете, он совсем в диванную подушку превратится. Будете из него пыль выбивать, – сухо констатировала Лора.

– А вы откуда знаете? У вас же даже кошечек-копилок нет.

– У меня есть жизненный опыт. И то, что вы не кладёте трубку, говорит о том, что я вам понравилась.

– Ну допустим. Вы симпатичный собеседник! И голос у вас приятный. Вы не поёте в хоре?

– Даже «В лесу родилась ёлочка» не спою.

– Не скромничайте! Такое чистое сопрано...

– По сравнению с кошачьими концертами?

– Всё равно. Там домашние упаковывают Тиберия в коробку. А это – процесс. И к тому же на улице сильный дождь. Пока мы с вами беседуем, он может пройти. Кому охота мокнуть?

Лора выглянула во двор. Что-то её смутило. Ах да, солнце! Прозрачное весеннее солнце.

– Дождь? Вы сказали «дождь»? Рома, вы где? Ну... живёте где?

– Калифорния-стрит.

– Это где? Я – в Донецке! Это Украина.

– Вы хотите сказать, что я из Сан-Франциско в Украину звоню? – голос явно заволновался. – Подождите-подождите, а как я вас вообще набрал?!

Послышались короткие гудки.

– Вот видишь, Райска, вежливые люди начинают разговор с погоды, – погладила Лора свою сямку.

Владимир АБЦЕН

БЕЗ УМА...

Одним прекрасным утром в райкоме партии раздался звонок:

- Аллё, здравствуйте! У вас ум упал.
- Кто говорит?
- Прохожий.
- Что вы себе позволяете?!
- Ничего... У вас действительно упал ум!

Выяснилось, что со стенда показателей райкома, над которым аршинными буквами красовалось привычное «Партия – ум, честь и совесть», обрушился «ум». Лёжа на дороге, он изрядно веселил проходящий люд.

Звонившего поблагодарили за сигнал, «ум» убрали, чтобы потом приварить на законное место. Но времена уже были смутные, перестроечные, и «ум» на райкомовский щит так и не вернулся. Более того, однажды под ноги прохожим упала «честь», а затем и «совесть». «Партия» почему-то удержалась и ещё долго венчала пустующий стенд.

Просто партия – без ума, чести и совести.

КАК ВЫПЬЮ, КЛИНИТ

Пили мы как-то с поэтом Петей Захаровым пиво. Вдруг Петя и скажи:

– Помнишь Колю с физфака? Пили мы с ним как-то пиво. Пили мы, пили... Вдруг Коля и скажи:

– У меня тут, Петя, мозговая травма стряслась. После неё, как перепью, – клинит. Когда трезвый или мало выпью, – ничего. А перепью – одно и то же мелю. Ты, если что, не пугайся. Хлопни меня по плечу – все и пройдет.

– Ладно, – говорю, – если что – хлопну.

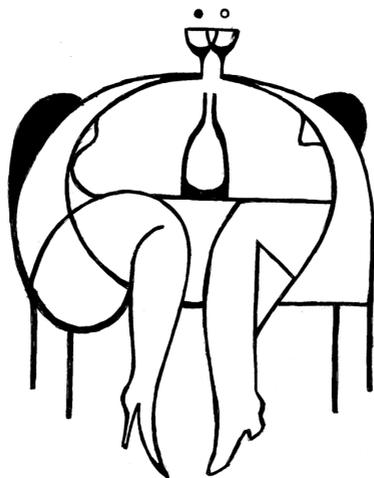
– Ты, Петя, только не пугайся, – волнуется Коля. Веришь, до травмы никогда ничего... А теперь – бывает... Если заклинит – хлопни.

– Да не переживай ты, Коля, – говорю. – Пока же всё в норме. А, не дай Бог, начнется – хлопну, нет проблем!

– Спасибо, брат, – обнимается Коля. – Ты, главное, не бойся! Хлопни – и все! Раньше хоть бочку выпью – ничего, а теперь, как перепью, – клинит... Ты меня, начну повторяться, – бей по плечу...

Тут, говорит Петя, до меня, наконец, дошло. Разворачиваюсь и Колю по плечу – бац! А он меня бокалом по голове – тресь! С тех пор, как выпью, – клинит. По трезвому ничего, а чуть выпью – одно и то же несу. Ты, Володь, если что заметишь, то сразу – по плечу...

Тут и до меня дошло. Хлопнул я Петю по плечу... Теперь клинит... Повторяюсь. Даже по-трезвому. Если что заметите, сразу – по плечу...

МНОГОСТИШИЯ

Генрих ШМЕРКИН

Рождённый в СССР

*«...Я рождён в Советском Союзе,
Сделан я в СССР...»*

Олег Газманов

У меня в кошонке – вата (это коллапсом чревато),
С осязаньем – плоховато, с обонянием – беда,
С равновесием неважно, с сексом – лишь писчебумажно,
С разуменьем – просто страшно и со слухом – никуда.

У меня в кармане – дырка, у меня ноздря, как кирка,
У меня на шее бирка, глаз на ж...пе, разум сер.
Я родился из пробирки под названием Бутырка,
Я родился из пробирки под названьем эсэсэр.

Я – урод универсальный, этнос экспериментальный,
Плод науки социальной, синтетический мужик.
Землю любящий не шибко, чьих-то опытов ошибка,
Убеждений чьих-то сшибка, ожиданий чьих-то пшик.

Гуманоид полимерный, отфильтрованный от скверны,
Эмбрион древесной спермы, клон Троянского Коня.
...Мной пробирка разродилась – и от ужаса разбилась,
На осколки развалилась – как увидела меня.

Те звенящие руины – Тбилисо и Украина,
Карабахская долина – кровь повыпустят из жил.
...На меня вы не смотрите, босиком здесь не ходите,
На стекло не наступите! В общем, я предупредил...

Молитва

Не от хвори, не от боли,
Не от снов, томящих плоть, –
От позора и неволи
Охрани меня, Господь!

С раболепием особым
Я прошу лишь одного:
Ты смотри за мною в оба –
Чтоб не слямзил где чего!

Чтобы с тещей был – как шёлков,
Дочку матом не бранил,
Чтоб с какой-нибудь кошёлкой
Я жене не изменил.

Чтоб фальшивые червонцы
Не чеканил, обалдуй.
Чтоб на статуе из бронзы
Не царапал слово «УЙ».

Чтобы долбаных соседей
Далеко не посылал,
Чтобы в дружеской беседе
Ничего на них не клал.

Чтоб утрат не знал я горечь
Иль досрочно не почил,
Чтобы сам какую сволочь
Невзначай не замочил.
Чтобы был, как из железа,
Правдой очи мог колоть –
От меня, головореза,
Защити меня, Господь!

Серёга

*Посвящается окончанию работы
над автобиографическим романом
«Кент Бабилон»*

Отцвели мимозы-недотроги,
Отшкварчали в рощах шашлыки.
«Откатали пальчики» Серёге,
Вышибли пароли и клыки.

На душе – как в «грохнутом» продмаге:
Всех друзей, все явки заложил.
Всё, что знал, поведал он бумаге,
Всё, что было, подло изложил.

Отсидит, отпарится на нарах,
От пера, от фомки отдохнёт,
И опять о цыпах вспомнит старых,
И опять кудряшками потряхнёт.

И опять ружьё своё запыжит,
На разбой несправедно идя,
И опять всё вспомнит и напишет,
Ни друзей, ни близких не щадя.

С плеч и я свой грех тяжёлый скину,
Отдохну, отмокну, и опять –
За перо, за «стук», за писанину...
И опять – век воли не видать!..

* * *

На экранах – продажные мэры.
Олигархов бесстыжих круги.
Сутенёры. Коррупционеры.
Аферюги. Барыги. Враги.

Я гнилые жую помидоры.
Я гроши задолбался считать.
Мне бы, точно, податься в актёры,
Чтоб лопатой деньгу загребать.

У меня сверхслюнявые губы.
Я картав и – собою носат!
Пучеглаз. И похож, редкозубый,
На сотрудника службы «Моссад».

Эй, киношники, рыцари плёнки,
Режиссёры с огромных дорог!
Неужели на роли подонков
Вам не нужен «типичный жидок»?!

Евгений МОКИН

Завтра

Рассованы по карманам руки.
Нащупаны ногами тапки.
А в голове постукивает
Гномик, сбивая накипь.

Медленно коридора вдоль,
Вдоль коридора медленно
Крутит спирали моль,
Выпадая из поля зрения.

Вот чёрный пупырь в стене –
Электрический выключатель.
«Щёлк!!!» –
и гномик, что в голове,
Стал в голову не вмещаться.

Сегодня мораль стара:
Товарищ, не пей вчера.

Ню

Я Вас по умолчанию любил:
Вы мне ещё давно была знакома.
Я как бы дома мимо проходил –
Вы, мнимая, всегда бывали дома.

Я Вам себя сегодня же присню,
Пришлю в цветах и изваляю в сене...
Вы будете по умолчанью – НЮ –
Всю ночь себя ощупывать в постели.

Дружок

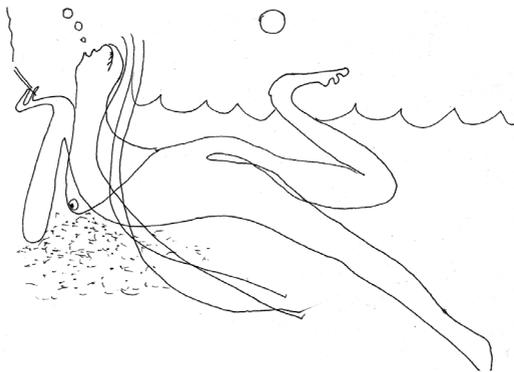
Возьми меня за пазуху,
Как нищего щенка.
Я буду выть по праздникам
И спать у котелка.

Возьми меня
и выкини
За блох, за уют...

Меня такие Зыкины
Под осень отпоют!

Физика

Траектория женщины
Не ведома ни одному математику.
Она люблю кинетику,
динамику
Движением плечика
Превращает
в статику.

Павел СЕРДЮК

Коси, Белосарайская коса

* * *

Я квартирант. А квартирмейстер –
грузин, скупивший полкосы.
Политкорректно слово «мистер».
О твердь нейтральной полосы,

где я батрачил на границе
и сторожил Кавказ от бед!
Не всё прощительно блуднице
судьбине! Комплексный обед

доем из комплексов и крошки
смахну в ладошку со стола.
Гримасы корчит, строит рожки
совок из красного угла.

* * *

Колдобины лунной дорожки
(как следствие шторма в ночи)
такие, что из неотложки
едва ли помогут врачи!

Сижу, как русалка, на камне.
Смотрю, как дробится волна.
Тепло здесь и сухо пока мне
на гладкой спине валуна.

Здесь сиживал пеший и конный,
Савраску стреножив в кустах.
Здесь брак был порушен законный
многожды. Во многих местах

лежат здесь предметы разврата.
(Субъекты здесь тоже лежат.)
Известно, что нашего брата
для подвигов бабы рожат.

Скорей бы война или голод.
Тогда бы взялись за умы.
Который не пьёт, тот наколот.
И всё за чужие, займы.

Ну пили б, гадюки, потрошку.
Всегда же пилось на Руси.
Налей-ка, земляк на дорожку!
На лунную, Боже, спаси!

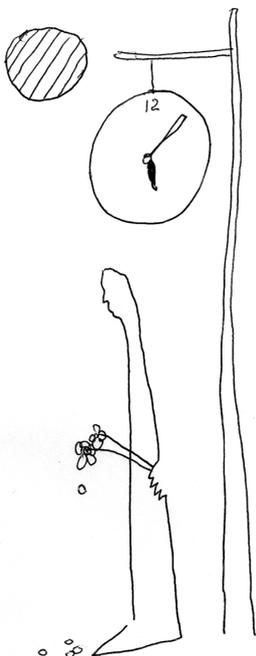
* * *

Увы, нагая красота,
что раньше – уж совсем не та.
Попьют теперишни красотки,
покурят, посчитают сотки
за свой нелёгкий труд ночной.
Не тех, должно быть, старец Ной
в ковчеге вёз на Арарат.
Вот так-то, брат!

Нашлось в стране сто пар красивых ног.
Сие – прогресс с осьмнадцатого века.
В лесу из ног всё так же одинок,
дрожит рука и дёргается веко.

И хочется в деревню, на простор
из тесноты и суетного света.
Но у Пегаса сердце, как мотор,
и я его послушаюсь совета.

И побегу по встречной полосе.
Есть у поэтов полоса для встречи,
где ждут его возлюбленные все
и ждут его возвышенные речи.

Анна ЛУКАШЕВА

* * *

Вот возьму исполню давнюю мечту –
Наколю на попе модное тату.
И покрашусь в рыжий, и куплю Харлей,
Чтобы жить на свете было веселей.

Я на мотоцикле мир объеду весь,
А еще, наверное, сброшу лишний вес.
Проживу счастливая девяносто лет
И умру тихонько, всем сказав: «Привет!».

Вот возьму исполню давнюю мечту –
Наколю на попе модное тату.
Сильно удивятся в морге, вашу мать,
Те, кто будут бабушку мыть и одевать.

* * *

А мне уже чуть-чуть за тридцать,
Нет перспектив, полно долгов.
Кому-то в глотку бы вцепиться,
Но не хватает двух зубов.

Я извелась и стала нервной
И от самой себя мутит.
Мне далеко еще до стервы,
Но знаю – я уже в пути.

А сапоги натерли ноги.
И каждый шаг, как сердца стук.
Переступила б через многих,
Да вот шатается каблук.

К тому же мучает изжога
От всех проглоченных обид
И раздражает, пусть немного,
Меня душевный целлюлит.

Еще я понимаю слабо,
Куда, зачем мне так бежать...
Кому нужна такая баба,
Звоните, буду очень ждать.

Красные трусы

Я купила новые красные трусы.
Все подружки сдохнут от такой красы.
Это долго в тайне я не удержу,
Им по телефону новость расскажу.

Позвонила Таньке, Ленке и Марго:
– «Рюшики» и ленточки вроде ничего.
Тонкая шнуровка, кружевной фасад,
Камешек Сваровски украшает зад.

Расскажу Наташке я большой секрет:
Завтра их надену в офис на банкет.
И решу с их помощью там один вопрос,
В общем, обеспечу свой карьерный рост.

Я купила новые красные трусы.
Все подружки сдохнут от такой красы.
И еще в маршрутке сорок человек
Сдохнут от восторга в наш мобильный век.

Виктор ШЕНДРИК**В защиту блондинок**

Не дамский угодник, не инок,
А просто нормальный мужик,
Я тех, кто порочит блондинок,
Прошу: прикусите язык!

Я тоже не скуп на остроты,
Не против народной игры,
Но ваши про них анекдоты...
Не так уж они и остры!

И вы отмолчитесь, потупясь,
Вопросом простым сражены:
Вот если б не женская глупость,
Кому бы мы были нужны?

Так что ж им, долбить, зеленея,
Науки постылую твердь?
Не бойтесь, блондинки умнеют,
Когда начинают сесть.

Ликуй же, душа, под сурдинку –
Заявится май-дуралей,
На улице встретишь блондинку,
И станет на сердце светлей.

Нарядится в травы суглинок,
Зальются в лесах соловьи,
А к тем, кто порочит блондинок,
Придут секунданты мои.

Всё врут календари.

Александр Грибоедов

Всё, как известно, врут календари,
Но этим не закончились обманы.
Врут в школе первоклашкам буквари,
Врут женщинам любовные романы.

Врёт радио, дурачит Интернет,
Обманывают метеопрогнозы.
Баюкает сознание поэт
И тоже врёт. Красиво, не без поэзы.

Лгут женщины и в миг, когда молчат,
Здесь перемены видятся едва ли.
Но фору даст им всякий депутат,
Его иначе просто б не избрали.

И мы вранью опасней, чем пластит,
Потворствуем, в экраны взгляды вперив,
А женщины... Их можно и простить
За то, что в ложь свою хотя бы верят.

Реклама врёт, тонометры, счета,
Филиппики и дифирамбы павшим.
Читать газеты – скука и тщета.
Поздравим их, они всегда соврамши.

Кого бы в списке нам не пропустить,
Из правдолюбцев вышибая слёзы?
Я тоже вру, чего греха таить!
Надеюсь, что красиво, не без поэзы.

* * *

Мне ни виллу на Канарах,
Ни в премьеры, ни в гаранты.
Я б хотел служить в гусарах,
Грудь украсить аксельбантом.

Слыть бретером и рубакой,
Быть решительным и стойким
И кричать «ура» в атаках,
И главенствовать в попойках.

На параде на кобыле
Гарцевал бы знаменитым,
Предварительно б от пыли
Чистил кивер, весь избитый.

Проникал тайком в альковы,
Разводил вокруг амуры
И писал стишки в альбомы
Заневестившимся дурам.

Ни к гаранту, ни к премьеру
Не имею укоризны,
Мне бы в бой пойти за веру,
Государя и Отчизну.

И погибнуть под Парижем,
Не вернуться из похода...
В общем, как-нибудь не выжить
До семнадцатого года.

Бессонница

Чтоб забыться и заснуть,
Нужно думать о хорошем,
О приятном чём-нибудь...
Вот вчера был ею брошен.
Тьфу ты! Вспомнил – вот беда!
О хорошем думать надо...
Не оплачены счета,
Не прошла трихомонада.
От работы толку нет –
Даже жалко эти груши.
Заходил вчера сосед,
За долги, сказал, задушит.
Как объевшись белены,
Кот орёт до отупенья.
Дети – скряги и вруны,
И не в первом поколенье.
Украину ждёт успех!
Правда, вышла незадача:
Снова выбрали не тех,
Будто быть могло иначе.
Печень ноет или зуб?
Гроб дешевле или урна?
Флейты водосточных труб
Прохудились от ноктюрнов.
Что же в комнате не так?
Первый луч в окошко скошен...
О хорошем, так-растак,
Думать нужно! О хорошем!

Татьяна ШЛЕВА

Собачий вальс

Собаке Марка Бранопольского

День осенний хорош для «безуха»¹!
В конуре за вокзальным мостом
Мы друг друга потрепем за ухо
И друг другу помашем хвостом.

Без «термина»² явись ко мне в гости,
Мы устроим собачий концерт!
На тарелке – две сахарных кости
И паштета кило – на десерт.

Одуревши от жизни невзрачной,
Мы повоем на дуру-луну,
Что уставилась глазом незрячим
Сверху вниз – на собачью страну.

Здесь собаки бродячие плачут,
К небу грустные морды задрав.
Звуки вальса собачьего скачут,
Скачет ливень собачий – гав-гав!

Эмиграция – доля собачья!
Масть черна – не отмывать добела...
Тянет тленом в болоте стоячем,
Там душа истлевает – дотла.

День осенний хорош для безуха,
И паштет нестерпимо хорош!
Жду у двери, и ждёт мое ухо,
Когда лапой ты в дверь поскребешь...

¹ Безух (нем. Besuch) – визит.

² Термин (нем. Termin) – назначенная встреча.

Эрнест ОБМИНСКИЙ

Обмен

Когда во мне кипели соки,
Когда я был нетерпелив,
Когда я женщин волооких
Любил, давно уж разлюбив,
Тогда-то, языком поцокав,
Сказал мне старый иудей:
– У вас таки довольно соков,
Но абсолютно нет идей.
Боюсь, они вам и не снятся,
А у меня их есть вполне.
Давайте ж иногда меняться:
Идеи – вам, а соки – мне!

Владимир ТУРОВСКИЙ

Первая

Она покинула родное дерево,
на котором до нее жили все ее предки,
спустилась на землю,
постепенно стала на ноги,
научилась трудиться,
обращаться с огнем,
наконец поумнела
и обрела человеческий вид.
Люди назвали это – ЭВОЛЮЦИЕЙ,
Обезьяны – ЭМИГРАЦИЕЙ.

Евгений ХАГАН

Рюрик, или Коррупция

Пусть Рюрик не был вороват,
но был он тем уж виноват,
что брезговал он что-то делать,
чтобы не воровала челядь.

И в том тем самым виноват,
что создал климат ломкий,
который превратили в ад
уже его потомки.

Карьера
(Психиатр)

Ал-ндру Б-му и иже...

Я в госпиталь (не помню чей)
зашёл – в запомнившийся день тот,
когда там не было врачей,
а были только пациенты.

Да что – врачей!.. Ни медсестёр,
ни нянечек, и... ни «медбрата».
Хлыщ «буйный» – «на язык остёр» –
мешал мне выбраться обратно.

Но – вышел я, преодолев
сопротивление в прихожей.
Я – на свободе! – вольный лев!
Где, впрочем... пациенты – тоже!

Менталитет: рецензия или языковой барьер (Ещё раз о проблеме перевода)

В оригинале Деррида
за деревьями – лес:
двусмысленностей череда
и остроумья блеск.

Переводимость идиом
с другого языка
напоминает вывод в дом...
фабричного гудка.

Что говорить про каламбур!
(«Буренье – бур – бура»...)
Едва ль его отыщет МУР
в словах: мурло, мура...

Как заявил Бернар Тапи:
«Едва ли я пойму
герасимовский утопизм
тургеневской Муму».

Плюя на опыт СССР,
на Рим, Иерусалим,
высок языковой барьер –
едва преодолим.

...Когда беседует с тобой
художник тет-а-тет, –
не даст ли – в переводе! – сбой –
«его» – менталитет?

Соломон БГОДКИН
и Лена ПЧЁЛКИНА

В две руки

Соломон:

Играли свадьбу, потом игра закончилась...

Лена:

Игра закончилась. И гости разошлись.

Конец веселью, лица напряжённые...

Перед судьбой стоят молодожёны.

Сыграли свадьбу, начиналась жизнь...

Соломон:

Мужик оказался, как молодой огурчик, весь в пупырышках...

Лена:

Подобрала его я в крапиве

(Угораздило так вот поддать!) –

Молодой и немножко красивый,

Ну зачем же добру пропадать...

Притащила домой. Ох, голубчик,

Приглянулся ты мне, видит Бог,

Весь в пупырышках, словно огурчик,

Да и хвостик ещё не отсох.

На кровать я его уложила,

Он лежит и смотрит в потолок.

Я зелёной пупырки смочила,

Пусть пока дозревает чуток.

Вы ходите, подружки, ходите,

У пивных, по скверам, пустырям,

Тщательней вы под ноги смотрите,

Может быть, подфартит где-то вам...

Соломон:

Если в глазах не светится ум, в глазах светится глупость. И тогда хочется их поскорей закрыть, и любить так, с закрытыми глазами...

Лена:

А любовь, и в правду, без ума,
Ведь любовь – неумное занятие:
Наважденье, приворот, проклятье,
Благоглупость, нищего сума.

Остаётся лишь глаза закрыть,
И любить, любить, любить, любить...

Соломон:

Что-то случилось, и всё пошло своим чередом...

Лена:

Как-то случай случился,
То ль мур-мур, то ль ля-мур,
Это вновь отличился
Голопузый Амур.

Не стрелял бы отлично,
Если б знал наперёд,
Что потом – как обычно:
Жизнь. Измены. Развод.

Владимир АВЦЕН

Пускай его лежит!

Не страшен ничуть, не ужасен,
нетленен, как проклятый Жид,
по-своему даже прекрасен –
Ильич в Мавзолее лежит.
Бессмертие тихо вкушая,
не пишет статей, не блажит,
лежит, никому не мешая.
Пускай его, братцы, лежит!
Мне мнится такая картина:
кладбище средь милых берёз,
наставшего века средина,
в нём грёз наших апофеоз –
в полях колосится пшеница,
заводы пыhtят там и тут,
повсюду счастливые лица,
такие же отдых и труд.
Весёлый, богатый, при силе,
профессор каких-то наук,
мой сын у меня на могиле,
а с ним его маленький внук.
И скажет чудесная детка,
слегка оттопырив губу:
«Всё класс, спи спокойно, прадедка,
я Ленина видел в гробу!»
В могиле ужасно приятно
такое услышать, друзья!

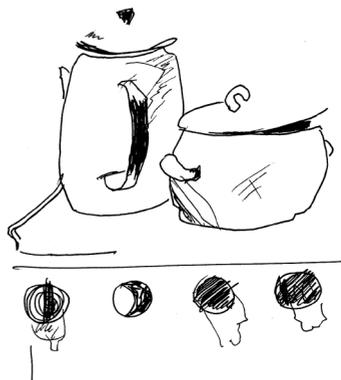
...Надеюсь, теперь вам понятно,
что Ленина трогать нельзя?!

Не звонят...

Днями солнышко не светит,
а ночами дождь бубнит.
Мне никто на белом свете
пятый месяц не звонит.
Мрут в аквариуме рыбы,
тараканы завелись.
Позвонить друзья могли бы,
что в любви по гроб клялись.
Ни привета, ни ответа –
с миром лопнувшая связь.
Позвонить могла бы Света,
хоть в любви и не клялась.
За окном кричат вороны,
ворон каркает в душе.
Позвонить могли бы жёны,
хоть и бывшие уже.
Счастья нет на белом свете,
слёзы катят по лицу.
Позвонить могли бы дети
хоть какому, но отцу.
Дождь бубнит, не светит солнце,
как бы с горя не запить...
Видно всё-таки придётся
телефон себе купить.

Воскресный день холостяка

После попойки в статус-кво
придя отчасти,
проснёшься – рядом никого.
Какое счастье!
В ушах – картечь, в глазах – песок,
во рту – курятник.
Про то, что лучше б пил я сок,
никто не вякнет.
В тиши взволнованной рукой
опохмелиться...
Женатому такой покой
лишь только снится.
Десятки лет храня обет
«Галине Бланке»,
в обед из кубиков обед
сварганишь в банке,
и снова времени река
течёт, не пучась.
Блаженна жизнь холостяка,
завидна участь!
Но быть негоже до конца
счастливо-мерзким:
на ужин сварить два яйца –
сразиться не с кем...

Германия 2008

(Из цикла «Письма другу»)

– Почему вы выезжаете из нашего дома?

– Много иностранцев...

Из разговора с соседом-турком

– Ой, мужики! Сегодня же, блин,

наша русская масленица!

*Из разговора казахского немца
и еврея с Украины*

В германских продуваемых вокзалах
зуб на зуб попадает не всегда,
но дёнеров и пицц томящий запах
сулит тепло, как всякая еда.

Тут встретишь нищих – не сыскать голодных,
что, согласишься, бывает не везде,
за тот прокорм скитальцев разнородных
зачтётся ей на Страшном на суде!

Ты всё пытаешь, всё тебе неймётся,
стал ли родным мне этот новый дом,
как мне здесь пишется и как живётся
в кругу разноплеменном и чужом?

Я негритянку не завёл подружку,
мне не о чём с арабом говорить,
но мы не хаем и не рвём друг дружку.
Хоть, может, просто нечего делить?

Как пишется? Да, в общем, туговато –
пяток стишков за год, как я ни тщусь,
но немцы в этом, брат, не виноваты,
у них я лишь хорошему учусь:

подобно им не бегаю на красный,
ценю тевтонский Ordnung и покой,
секс практикую только безопасный,
но чаще, если честно, никакой...

* * *

Очень нехорошая примета –
коль поэт дорогу перейдёт.
Не любите, девушки, поэтов,
с ними всё известно наперёд:
поначалу заверенья, слёзы
и стишки про чувства – как с куста,
если им откажете – угрозы
застрелиться, сиганув с моста,
а едва, не выдержав напора,
скажете заветное: «Твоя!»,
угасает пыл у них, и скоро
им от вас не надо ничего!
Но зато всё с той же страстью пылкой
все они горазды день и ночь
обниматься с милкою-бутылкой,
и с реальной милкою – не прочь,
с той, которую едва завидев,
млеют, растопыривши глаза...
Их за всё за это не любите!
Полюбите, девушки, их за
то, что и лихих гусар десяток
не нежнее, чем один из них,
что их жизнь не мёд, что век их краток,
как триметр, то бишь трехстопный стих,
что, когда случится озаренье
и счастливо сложится строка,
станете навек стихотвореньем.
Прецедент – Поэт и Анна К***

ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ ДРУГУ...
(Пародии, подражания, переключки)

Харина БАХМУТСКАЯ

Монолог плодовитого поэта

...и рождаются стихи в голове.

Александр Денисенко

Нет, не быть беззаботным поэту,
Словно ветром гонимой листве!
Не успеешь проснуться с рассветом,
Как рождаются стихи в голове.

Если к завтраку булочки с маком
И омлетик шкварчит на плите,
Не успеешь покушать со вкусом,
Как рождаются стихи в животе.

А последуешь зову природы,
Юркнешь радостно в кафельный рай,
Станешь думать о судьбах культуры...
Где рождаются стихи, угадай?

Слово учителя

*Невольно вспоминаю Николая
Петровича, учителя труда...
...Явившись в класс наутро после пьянки
и волю дав трясущимся рукам,
он раздавал тяжёлые киянки
трясущимся своим ученикам.
По детским пальцам ею попадая –
а это деревянный молоток, –
всей кожей ощущал уже тогда я,
насколько будет мир ко мне жесток.
Склонясь в халате синем над тисками,
я твёрдо знал, предчувствуя судьбу,
что мне свой хлеб не добывать руками.
Пахать придётся на чужом горбу...
Игорь Иртеньев*

Нередко вспоминаю Игорёшу
Иртеньева – такой был ученик.
Так, в сущности, мальчишка-то хороший –
работать, поросёнок, не привык.
Труда учитель – звание простое:
втемяшить бы... поганцам ремесло,
там, типа, гвоздь забить и всё такое,
чтоб в жизни этой... гадской помогло
(мужик с руками ж ведь любую бабу
окучит, починив ей кран, в момент).
Короче, ... надрывался я неслабо,
чтобы привить детишкам инструмент.
Ну, пацаны как пацаны, а этот
Иртеньев – знай по пальцам молотком.
Он столько мне попортил нервных клеток,
что и покойной теще далеко.

Ведь я не доверял ему рубанка
и пассатижи прятал под верстак.
Казалось бы, обычная киянка –
а он её и так, и перетак!
В физическом труде не видя смысла,
в мечтах он ехал на чужом горбу.
(Мне повезло, что я уже был лысым,
не то бы мне седым лежать в гробу.)
Он так достал – до самых до окраин –
что я на педагогику забил.
Зато теперь паршивцу благодарен,
что не ишачу в школе, как дебил.
В охоту я торгую табуретом,
и деревянной ложкой, и доской...
А Игорёк, я слышал, стал поэтом.
Вот, стало быть, сгодился и такой...

Удачный день

*... вот и не блюю,
я опять сижусь за столом,
ногу на ногу закинув
и пишу mein liebe*

Нюра Мильман

Я сижусь за столом
и, вопреки обыкновению,
не пью, не курю,
не плюю на пол,
не ковыряю в носу,
не сморкаюсь в рукав,
а просто
чешу левой ногой за правым ухом
и пишу с грамматическими ошибками
mein liebe

Анна ЛЮДВИГ

После сорока

*Вам этот дар природою завещан,
Не прячь его,
Тогда наверняка
Поверят все, что лучшие из женщин
Рождаются лишь после сорока.
Ах, как правы старинные картины,
Как понимали женщин мастера.
Ах, как несут Венеры и Афины
Свои великолепные тела.*

*Евгений Латаев,
«Сорокалетней женщине»*

Родная, не зови себя мегерой,
швырять не стоит в зеркало графин...
Да, ты стара, но не дряхлей Венеры!
Да, ты в годах, но не древней Афин!

Не стой перед трюмо, надувши губы,
не ной, что тело стало, как желе.
Ведь ты моложе, чем глоток цекубы,
хотя намного старше божоле.

Твой зрелый облик мне безмерно дорог,
клянусь душой и вот моя рука –
хороших жён судьба рождает в сорок,
а лучших – даже после сорока!

Пусть красоту считают эфемерной.
Пока есть тени, тушь и краска руж,
я очень рад, я рад невероятно,
что ты ещё жива, моя старуш...

* * *

*Сижусь за пивом. Грустный и кривой.
Ласкает слух мотивчик в стиле кантри.
Мне за себя обидно оттого,
Что Азию уже не александрить.*

.....
*Но если не умею ни черта,
То остается поступить иначе:
Забраться на заброшенный чердак
И тихими стихами пастерначить.*

Арсений Платт,

«Старушек топором наполеонить...»

Когда бы жил лет сто тому назад,
Не стал бы вегетировать в пивной я,
А смендельсонил парочку кантат,
Картин бы после завтрака нагойял...

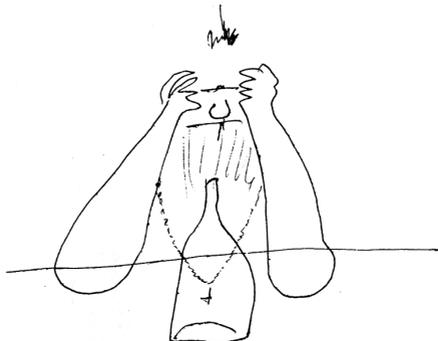
Гайдарил бы в шестнадцать лет полком,
Держинил, не страшась бандитской пули...
Немного казановя, вечером
Любимой под гитару ахмадулил...

Довольно! Я решил – пойду домой,
От мира схоронюсь на сеновале
И так шекспирну, что читатель мой,
Как лошадь, истерично запржевалит.

*Мы встретились как-то случайно
В те, ныне забытые, дни...
Ты помнишь моё: «Хочешь тайну?»
Я помню твоё: «Не тяни»...
Мы пили вино из фужеров,
Затем целовались в тиши:
Ты помнишь моё: «Буду первым?»
Я помню твоё: «Поспеши»...*

*Андрей Алякин,
«Мы встретились как-то случайно...»*

Столкнулись на сельской задворне,
А может быть, в роще, не суть...
Я помню твоё: «Хочешь, дёрнем?»
Моё: «Ну давай, по чуть-чуть...»
И, видимо, что-то заметив,
К нам лихо подсел старожил.
Я помню его: «Буду третьим!»
Моё: «Ну тогда поспеши!»
Развилье дальнейших событий
Оставило отгиск в душе.
Но, как я попал в вытрезвитель,
Увы, не припомню уже...

Виктор ШЕНДРИК

* * *

*Будешь жить, но секса не захочешь.
Но живу и всё-таки хочу.*

Яков Гершаник

Что со мною сделалось, не знаю,
Хоть к попу беги, а хоть к врачу...
Если где-то женщину встречаю,
Пять секунд – и я её хочу.

Целый день брожу я очумело,
Головой до одури верчу
И за каждой юбкой вижу тело,
То и дело я его хочу.

Тяжкий крест – ходить по магазинам.
Стану у прилавка и мычу.
Продавщица выгнется картинно,
Мне платить, а я её хочу.

И весна пьянящая такая –
Впору возбудиться кирпичу.
Вон бабё дорогу подметает...
Я их всей бригадою хочу.

Поп червонец скомкал, но не боле.
Врач со мной был тоже ни гугу.
Чёрт возьми, непаханое поле
От «хочу» простёрлось до «могу».

Марина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

Мой кот

(Подражание Р. Киплингу)

Он пришел с вопросом в очах –
В длинных зеленых глазах:
Что дашь ты мне, чтоб я не зачах
И не утонул в слезах?
Я сказал: возьми колбасу,
Возьми вчерашний творог.
Хочешь, рыбу тебе принесу,
Что утром доесть не смог?
Он ответил: любой каприз
Мой ты исполнить готов,
Но я предпочел бы мышей иль крыс –
Обычный обед котом!

Сказал я: мышей уже нет давно –
Щелкунчик выиграл бой!
Об этом видели мы кино
И книгу прочли с тобой.
И крысы канули в небытие –
Ушли за дудкой вослед.
Соня? Не видывали её,
Считай, уже сотню лет.
Сверчки, тараканы – не наше меню,
Птицы – оставь, пусть поют!
Я твою доблесть весьма ценю,
Но мил мне домашний уют.

И ты мне мил, полосатый лорд, –
Славу тебе пою!
Из тысячи рыжих усатых морд
Я узнаю твою.

Оставь охотничий свой инстинкт,
Пой песенки у огня!
За это тиранство меня прости
И тоже пойми меня.
Я тоже раньше мечтал, как ты,
О дальних морских краях!
Все знали (в твоём лексиконе – «коты») –
Не ведал я слова «страх»,
Теперь же камин – это мой маяк,
А кресло-качалка – причал,
Я больше не грежу о южных морях –
Мне лишь бы мой кот урчал...

Ладно, побалуй себя воробьем,
Пока я трубку набью,
И приходи – помурлычем вдвоем
Пушистую песню твою.

Владимир АВЦЕН

Талантовы муки

*Как-то стыдно изящной словесности,
Отрепённости на челе...*

*Всё к Некрасову тянет, к Некрасову,
ну, а он – глубоко, глубоко...
И все к Пушкину тянет, все к Пушкину,
ну, а он – высоко, высоко...*

Евгений Евтушенко

Я смертельно устал от полярности,
отуманивающей чело.
Как-то стыдно своей популярностью,
если непопулярных полно.

Как-то хочется слога капризного,
чтоб никак не давалась строка.
Всё в непризнанность тянет, в непризнанность –
без особых успехов пока.

Потому что в российской словесности
я довольно известный пиит.
Как-то стыдно сидеть в безызвестности,
если знаешь, что ты знаменит.

Как-то хочется девственной пластики,
слов, лиующихся звонко-легко.
И все в классики тянет, все в классики,
но до них – далеко, далеко...

Собачья жизнь (Почти пародия)

Помню – словно бантик, ротик.
 Два батистовых крыла...
 Но невинность ученицы
 Охранял свирепый дог...
 А теперь в смятенье духа
 Я девочку встретил вновь.
 Но соседскою старухой
 Стала первая любовь.
 Стала плакать, стала квакать
 Про веселье прошлых дней.
 Сразу вспомнил ту собаку
 И сказал «спасибо» ей.

Генрих Кац,
 «Почти баллада о собаке»

Так давно, что даже странно,
 Как про то не позабыл,
 Я мучительно и страстно
 Эту девочку любил.
 Эти губки ярче мака,
 Рук округлость, крылья ног...
 Но ужасной был собакой
 Стерегающий деву дог.
 Мне девочки той ключицы
 Много лет мугили кровь.
 Надо ж было приключиться,
 Чтоб её я встретил вновь!
 Хорошо, я парень стойкий,
 А не то бы мог упасть:
 Вместо милых грудок – дойки,
 Вместо алых губок – пасть.

Стала плакать, стала квакать.
Стал мне белый свет немил.
Слава Богу, ту собаку,
Я тогда не отравил.
А иначе б жил до смерти
С этой старою трандой
Я, семидесятилетний, –
Статный, пылкий, молодой!

Вадим НЕФТЕР

Пусть парадом командовать буду не я –
 Ни умом и ни рожей не вышел.
 Вяло катит по жизни моя колея
 Вдоль контор адвокатских и вышек.
 Чем орать бесновато в полночный эфир,
 Поезжайте, пожалуйста, в Киев,
 Я серебряной ложечкой кушал кефир –
 Не хватало копеек на ливер.
 По безумным дорогам судьбы колеся,
 Так и хочется крикнуть сквозь годы:
 – Михаил Самуэльевич, бросьте гуся,
 Пусть подавятся эти уроды!

Все не так, все не то и спокойствия нет,
 Как-то тошно живется на свете.
 Я у жизни ворую счастливый билет,
 Что б хоть милою проехать в карете.
 Но не нужен мне домик с мансардой резной,
 Ни к чему мне унылая старость,
 Я хромаю за пенсией по Прорезной,
 К счастью, гражданам свойственна жалость.
 По безумным дорогам судьбы колеся,
 Вспоминаю минувшие годы.
 А вы знаете, как я иду на гуся?
 Могут рухнуть небесные своды.

Как, скажите, на жизнь эту можно смотреть?
Где, ответьте, живет справедливость?
Мне осталось немного,
пусть четверть, пусть треть,
Но знакома мне божия милость.
Так таскайте вы рыбу в дырявых сачках,
Ни с собою, ни с чертом не споря,
Выхожу на работу я в черных очках,
Чтобы вдруг не ослепнуть от горя...
По безумным дорогам судьбы колеся,
Где меня только черти не носят,
Михаил Самуэльевич, бросьте гуся,
С нас и так по всей строгости спросят...

Про нато

Когда на душе хреновато и попросту хочется выть,
Не нато, ребята, не нато. Не нато, ребята, хандрить.

Политик нам врет нагло вато, чиновник нещадно хамит.
Послать бы их всех, но не нато, их этим же не изменить.

Я уши заткнул себе ватой, я крепко зажмурил глаза,
Не нато мне ваших не нато, не нато ни «против», ни «за».

Вожди зазывают нас в НАТО, альянс об нас будет радеть.
Не нато, ребята, не нато. Не нато, ребята, триндеть.

Подумайте, как маловато нам Богом отпущено лет.
Уйдите в сторонку, не нато собой загоразживать свет.

Мой друг, изнанка есть и у медали,
Но хуже, если в сердце пустота.
Какие нас обманывали дали,
Какая нас манила высота.
Ах, сказки детства, места нет печали.
Откуда ж беспробудная тоска?
А дали наши просто обосрали
И высоту унизили слегка.

Но мы, еще сопливые мальчишки,
Взрослели в одуванчиках из грез.
Какие мы проглатывали книжки,
На что мы только не жалели слез!
Трудна дорога в постижение смысла,
Сложны вопросы – быть или не быть?
Но славил Бога я за ясность мысли
И трижды за умение любить!

Но с возрастом яснее вижу все же,
Отбрасывая юношеский хлам,
Что сотен явных истин мне дороже
Немного возвышающий обман.
И лишь порою правящее кодро
Готов просить средь маршей и наград,
Пожалуйста, не врите слишком подло,
Ведь я и сам обманываться рад.

Литкафе

Здравствуйте! Вы пишете стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, вы нам – свое реальное стихо- или прозотворение.

Здравствуйте! Вы любите стихи или прозу? Проходите! Мы вам – виртуальную чашечку кофе, реальные стихи и рассказы, вы нам – ваше доброжелательное внимание: ведь авторы, даже очень самоуверенные с виду, всегда волнуются...

Согласно Уставу, в кафе каждый раз будут приглашаться всё новые и новые авторы. Прежним остаётся только место встречи. Его, как мы помним, изменить нельзя.

NB. *В связи с особенностью этого номера в гости на чашечку кофе мы пригласили замечательных поэтов, прозаиков и художников из Одесского юмористического журнала «ФОНТАН».*

Добро пожаловать!

ОДЕССКИЙ
ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Ронган

Михаил БЕКСЛЕР

К врагам
Великодушен,
Я сам
Съедаю ужин.

Со вздохом

Как ни грустно, братия,
Но кровопролитие
Нынче не событие,
А мероприятие.

Кошачье

Войне, рычанию и лаю
Мое решительное мяу.

Наши в городе

Люблю я, люблю я общественный транспорт
За то, что, не глядя водителю в паспорт,
Еврей, славянин, молдаванин, чуваш
Встречают трамвай восклицанием: «Наш!»

Пусть вам улыбнется...

На пластического на хирурга
Тоже, видно, бывает проруха –
В результате врачебной ошибки
Кто-то дарит проходим улыбки.

Одни за всех

Харитонов Нестор –
Человек-оркестр.
А Тамара М. –
Женщина-гарем.

Полиглот

Я владею пятью языками,
Но держу языки за зубами.

* * *

Есть у толкателя ядра
Из ДСО «Физкульт-ура»
Одна, но пламенная страсть:
Ядром в кого-нибудь попасть.

Колыбельная (Центон)

Баю-баюшки-баю,
Упоение в бою...

Ш-ш-школа

Миша в шлеме, Маша в каске,
Тише, Глеб. Учти, Илья, –
Шесть зарубок на указке
Нашего учителя.

Хамелеон –
По ситуации
Меняет секс-ориентации.

Не входит рыцарский турнир
В программу Олимпийских Игр.
А жаль.

Футбольный клуб «Корсар».
Капитанская повязка
На глазу у голкипера.

По мне, так Ной
Всему виной.

Тридцать восемь Цельсия –
Приболел за «Челси» я.

Декабрь

Хорошо зимой на пляже –
Где захочешь, там и ляжешь.

Патриотическое

У Сереги два «котла» –
Из Женевы и Орла.
Наши часики – гляди –
Иностранных впереди.

Нарцисс

Прильну от мира вдалеке
Губами к собственной щеке.

Парад

Идет по улице Юннатов
Передовой отряд приматов.

Приветствие

Своим коллегам руку жму я,
Как на дуэли, око жмуря.

Александр БЕРЕНШТЕЙН

Примечания к жизни

Историю, как правило, делают люди, которые не могут ничего больше.

Это был первый руководитель, который, выступая, говорил глупости, а не читал их.

Клановое ведение хозяйства.

Мы наш, мы новый миф построим.

Фанатизм – это огонь, в котором гибнут сомнения.

Сколько людей, о рождении которых можно было сообщать в сводках происшествий.

От великого до смешного – одна экранизация.

Спрос на дураков никогда не превысит предложения.

Возлюби ближнего своего – не выходи за него замуж.

Любовь – это болезнь, при которой больные ухаживают за здоровыми.

Юрий МАКАРОВ

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «ОБИДА»

Когда я звоню моему приятелю Фиме, первое, что он мне говорит: «Ну что ж ты никогда не позвонишь?» Это вместо здарсьте. Фима не сумасшедший. Просто он соблюдает эмигрантский этикет.

На знамени нашей эмиграции начертано одно гордое слово: «Обида».

Именно одно.

Именно гордое.

И именно «Обида».

Это чувство никакого отношения не имеет к тому, что в словарях толкуют как «несправедливо причиненное огорчение». Какое к черту огорчение! Упоение обидой. Всепобеждающая мощь поджатых губ. Веселое сверканье оскорбленных глаз. Обида, будоражащая кровь и побуждающая к действию.

В этой обиде нет ничего от унылого хныканья. Это захватывающая игра, в которой побеждает лишь тот, кто досконально владеет искусством быть обиженным. Вернее, тончайшим из искусств стать обиженным, то есть объявить себя обиженным раньше, чем это сделает партнер.

Разумеется, это высокое искусство не на чужой земле родилось. Оно было впитано с молоком матери и желчью отца, взлелеяно на родине и вывезено за океан непосредственно в крови, в виде ма-а-леньких таких пузырьков, затаившихся где-то между красными и белыми кровяными тельцами. Этот вирус до поры до времени дремлет в венах, чтобы однажды вырваться на простор и показать окружающим кузькину мать.

Да, быть обиженным бывало модно и до эмиграции. И многие были признанными мастерами этого дела. Моя теща Сима, например, пребывала в постоянном состязании, кто на кого первым обидится, со своей родной и любимой сестрой

Раей. Правду говоря, их игра в обиду особым разнообразием не отличалась и даже была нудноватой для окружающих, но сами участницы удовольствие получали несказанное.

Они умели обижаться друг на друга в любой ситуации, даже без свидетелей, один на один, но, конечно, предпочитали публичные выступления.

Количество родственников, сослуживцев и знакомых с обеих сторон, непрерывно отмечающих знаменательные события, позволяло сестрам выступать на людях не менее раза в неделю.

Конечно, обижаться эффектнее всего было гостье. Сами понимаете, тут тебе и уход с хлопаньем дверью, и знаменитое: «Чтоб моей ноги в этом доме!..», и победный клич: «Фима (Сема), что же ты сидишь?!» Но, как и в любом другом чемпионате, количество игр на чужом поле соответствовало количеству выступлений на своем. И ровно через неделю, на очередных именинах, проигравшая дома имела все шансы отыграться в гостях и так обидеться на всю жизнь, что хватало на целую неделю.

На что обижались сестры? Так я вам и сказал... Как будто можно запомнить причину... Ну хорошо, вот вам одна.

Сима в гостях у Раи. Рая подает на стол свой коронный «наполеон». Гости волнуются, они знают, что Раин «наполеон» – это что-то с чем-то. Сима сидит настороженно: уже десерт, уже конец вечера, а повода все нет! Кто-то из гостей, просто чтобы скрыть глотание слюны, просто чтобы шевелить ртом якобы для дела, задает вопрос хозяйке:

– А что, Раечка, наполеончик сегодня сладкий?

– Сладкий, Ромочка, сладкий, – кремовым голосом отвечает Рая, нарезая торт. – Слава Богу, чуть-чуть не подгорел...

На этих ничего не значащих словах Сима внутренне делает стойку борзой, услышавшей хруст ветки под заячьей лапой.

А Рая, выдавив ножом из торта очередной заварной бурунчик, заканчивает еще более ничего не значащими словами:

– ...Но чуть-чуть ведь не считается, правда, Симца? Чуть-чуть... не считается...

Всё! Курок нажат, спичка зажжена, веревка лопнула! То, что для вас невинное бормотанье, для Симы... Это ее сейчас нарезают ломтями тупым ножом! Это ее вишневую кровь разливают по стаканам вместо компота. Это у Раи чуть-чуть не подгорел, это у Раи не считается, а у Симы на прошлой неделе таки да сгорел именинный торт прямо перед приходом гостей! Сгорел до углей, так что пришлось срочно посылать Фиму в ресторан «Море» за позорными покупными пирожными. Чуть-чуть не считается? Считается! Впрочем, пылающая от восторга обиды Сима уже в дверях:

– Фима, что же ты сидишь? Ты что, не слышишь, о чем тут говорят?!

Дверь бабахает, едва удержавшись в косяке. Гости хором вздрагивают, привычно фиксируют доносящееся с лестницы: «Чтобы ноги моей в этом доме!...» – и, облегченно вздохнув, тянутся к «наполеону».

Рая, как бы извиняясь перед гостями, разводит руками, при этом роняя с ножа на лысину Семы густую сладкую каплю, и говорит с искренней любовью:

– Ну? Как вам нравится эта самашедшая?..

Вот такие бывали поводы. Но все это детский лепет по сравнению с эволюцией искусства обиды в условиях эмиграции. Поверьте мне, настоящая еврейская обида рождается все же в неволе. Я имею в виду – на свободе чужбины.

...Когда мы с женой впервые прилетели в Нью-Йорк, в аэропорту Кеннеди нас встречали близкие друзья. В разные годы мы их провожали в эмиграцию – кого из Одессы, кого из Москвы, провожали, казалось, навсегда, – и вот, надо же, они и мы опять все вместе, как ни в чем не бывало, не разлей вода, дружба навеки, ура.

Веселой гурьбой, взаимно перемазавшись губной помадой наших дам, мы поднялись на автостоянку на крыше терминала и расселись по машинам. Мы с женой естественным образом попали в машину именно той пары, которая нас официально пригласила в гости в Америку и у которой, как у хозяев, мы по-

селялись на недельку. Растроганные встречей, мы вертели головами, глядя через стекла, как наши остальные друзья рассаживаются по своим отдельным американским машинам, при ночном освещении и легком возбуждении казавшимся шикарными. Хлопнула последняя дверца, и наша кавалькада двинулась к первому в моей жизни американскому хайвею. «Вот и замечательно, – приговаривали хором наши друзья-хозяева, – стол уже накрыт, сейчас приедем, нальем, поговорим!..»

Через сорок минут мы подъехали к симпатичному двухэтажному домику. И уже осмотрев дом, восхитившись подвалом, узнав основные английские слова: «моргидж», «бэйсмент», «иншуренц» – и будучи почти укушенным японским пекинесом, я очнулся и выглянул в окно. Никакая кавалькада из аэропорта не прибыла, машина наших хозяев одиноко насупилась под навесом. Наши ближайшие друзья не приехали к своим ближайшим друзьям, чтобы отметить приезд их ближайших друзей. «А где же... все?» – попытался спросить я, но тут прибыла хозяйка и потребовала идти немедленно в «ливинг».

Надо признать, что стол был действительно накрыт полудски, и налить налили, и даже гости были. Три пары незнакомых нам людей, с которыми у нас не было ничего общего, принялись активно, наперебой расспрашивать нас о том, как именно плохо сейчас живется в России. И, не дожидаясь наших ответов, рассказывать, как именно замечательно им живется в Америке. Отчаянно захотелось соврать что-нибудь хорошее о российской жизни, но то ли от усталости, то ли от отсутствия фактажа пришлось напиться...

А наутро я узнал, что остальные наши друзья не приехали в этот дом потому, что они все уже давным-давно друг с другом даже не разговаривают. И то, что они собрались вчера вечером на территории одного аэропорта, это вообще подвиг с их стороны.

– Понимаешь, – шептала жена, – они тут все друг на друга обижены. Они мне вчера даже говорили, кто на кого и за что, но я ничего не поняла...

– Идиотизм! – возмутился я. – Что же нам со всеми теперь по отдельности встречаться? С ума посходили в этой Америке...

– Ты не понял, – жена постучала меня пальцем по лбу. – Никто с тобой не собирается встречаться. Они на нас с тобой уже тоже обиделись.

– На нас? Когда? За что?!

– За то, что мы из аэропорта поехали к Лиле с Борей...

– А куда же нам было ехать? Мы же здесь... Они же... Мы же думали... Что мы должны были делать, черт подери?!

– Не знаю, – вздохнула жена. – Наверное, не надо было нам сюда ехать...

...Это только тот, кто Богом обижен, считается в народе дураком. А тот, кто сам умеет ловко обидеться, обычно чувствует себя куда умнее остальных. С годами я стал привыкать, что чувство обиды – это неотъемлемая часть внутреннего мира эмигранта. Обида – это его достоинство. И его гордость. Даже если вам уж совсем нечем гордиться, в кармане всегда есть возможность обиды. «Я с ней не разговариваю!»... «Мы к ним не ходим!»... «Нет, если там будут Канецкие, мы туда ни ногой!»... О муки эмигранта, приглашающего родственников и друзей, к примеру, на свой юбилей! Самая грандиозная и невыносимая задача – рассадить гостей. Из ближайших друг к другу любезнейших ста двадцати персон ни одна персоне с другой рядом не сядет. Вот вам проект успешного русского ресторана: двести столов, каждый на одного человека, все столы отделены друг от друга бронированными перегородками. Вот где хорошо и безопасно собраться большой дружной семьей...

Из полной удивительных историй народной антологии эмигрантской обиды меня восхищают многие примеры. Мать, не разговаривающая с дочерью за то, что та не добавляет тертые помидоры в икру из баклажанов... Партнер, обидевшийся на партнера за то, что тот, отдыхая в Лас-Вегасе, выиграл в рулетку двести долларов... Друзья детства, обидевшиеся на своих друзей детства за то, что у тех в доме в 94-м году обедал Жванецкий... И так далее.

Но особенно я люблю историю экскурсовода, который на смерть обиделся на всю сопровождаемую им же группу туристов. Надеюсь, полюбите эту историю и вы.

Итак, русскоговорящий экскурсовод, назовем его Абрам Вареник, повез группу русскоговорящих же туристов из Нью-Йорка, скажем, во французскую Канаду. (Для тех читателей, кто думает, что я специально придумал смешное сочетание имени и фамилии героя этого рассказа, вынужден сообщить, что ничего такого смешного у меня получиться не могло, потому что настоящее имя экскурсовода Давид Суп).

Надо сказать, что Вареник был хорошим экскурсоводом, а может, даже и лучшим из лучших. Во всяком случае, он был человеком образованным и не мог себе позволить отправиться на экскурсию, не зная о ней буквально ни бельмеса, как это делали все остальные его коллеги. Что-то Абрам знал в силу своего ума и высшего образования, что-то черпал из туристических проспектов накануне тура. Как культурный человек он просто не мог иначе. Как ни странно, именно культура и подвела.

Экскурсовод Вареник был культурным человеком.

Его экскурсанты – нет.

В принципе, в любой экскурсии русскоговорящих туристов интересовали только две вещи: входит ли в ее стоимость питание и как захватить передние места в автобусе. И больше ничего. Ни чем отличался Ван Гог от Гогена. Ни в каком году индейцы продали Манхэттен. Ни сколько синих полос на американском флаге. Ни-че-го.

«Эта экскурсия с питанием?» – спрашивали туристы и, не слушая ответа, расталкивали друг друга локтями и коленками, штурмуя автобус, чтобы занять переднее сиденье раньше тех, кто имел на него билеты.

Это очень расстраивало Абрама. Не только жадность русскоговорящих туристов к питанию и передним местам. Вообще: отсутствие культуры.

Абрам Вареник был настоящий российский интеллигент и поэтому любил свой народ. Но случилось так, что впервые

в жизни он столкнулся со своим народом только в Америке. В прежней жизни Абрам был не гидом, а инженером в проектном институте и общался соответственно с людьми своего уровня. Жил Абрам на улице Щепкина, а народ в основном проживал на Привозной. По выходным, пока народ бесновался на стадионе, Абрам отсиживался в филармонии. Разумеется, и на родине Абрам мог случайно встретиться в одном автобусе со своими будущими туристами. Но тогда ему вовсе не нужно было с ними общаться, зарабатывая на хлеб, и из того автобуса можно было легко сойти на любой остановке... Здесь же он должен был терпеть их рядом целый день, а иногда даже и два. Говорить с ними. Отвечать на их вопросы. Мирить их в борьбе за питание и передние места. О ужас, расселять их в гостинице...

И поэтому иногда Абрам Вареник не сдерживался.

– Надо быть помягче, Абрам, – говорил ему после очередной жалобы бывший комсомольский работник, позже беглый новый русский, а теперь хозяин турагентства Флоткин. – Все ж таки это люди.

– Нет, – тихо отвечал Абрам.

– Что нет? – удивлялся Флоткин.

– Не люди.

Начальство Вареника прощало и снова отправляло в очередную поездку, потому что он все равно был лучшим гидом.

Поездка во французскую Канаду была последней каплей.

Абрам и сам почувствовал неладное, когда еще при посадке в автобус, сразу после битвы за переднее сиденье и вопросов о питании, выяснилось, что агентство продало на один билет больше, чем следовало. А поэтому лишний турист – огромная неопрятная дама в мохеровом берете должна была занять место непосредственно рядом с гидом, на его сиденье. Было еще свободное место в конце автобуса, но от него дама с гневом отказалась. Обычно гид располагался на двойном сиденье один, вместе со своим микрофоном и вспомогательными брошюрами, а в этот раз Абрам (к счастью, мужчина небогатырских раз-

меров) был вынужден примоститься в оставшемся от мохеровой дамы уголке.

То есть экскурсия сразу пошла как-то наперекосяк. Они еще не доехали до французской Канады и вообще до какой-либо Канады, Абрам еще не окончил свой предварительный рассказ о поэзии провинции Квебек, когда дама в берете вынула из своей сумки толстый целлофановый пакет, набитый бутербродами с домашними котлетами, и стала их есть. Луково-чесночный заряд ударил гордого Вареника прямо в его культурное сердце.

– Прекратите немедленно, – сказал он даме. – Вы здесь не одни. Полчаса назад у нас был ланч. Как вам не стыдно устраивать такую вонь!

– Шо? – крикнула дама, но вовсе не подавилась. – Он меня еще будет учить? Када хочу, тада ем! Фры кантры!

Этот ее переход на английский, видимо, окончательно сбил Вареника с рельсов.

– Да, буду учить, – прошипел Абрам мхатовским шепотом, поражающим до шестнадцатого ряда. – Буду тебя учить, дрянь, если тебя до сих пор никто не научил быть человеком!

Он попытался вырвать у дамы пакет с бутербродами, но та, более опытная в боевой жизни, изловчилась и прижала еду к груди, одновременно двинув Абрама по щиколотке острым носком туфли.

Тогда Абрам вскочил и, стоя почти на одной ноге, обратился ко всему автобусу.

– Слушайте, вы, – сказал он, срывающимся голосом человека, готового на все. – Я понимаю, что лучше обращаться к стенке. Но я заявляю вам в первый и последний раз: если это животное, – он указал перстом на мохеровую даму, все еще давящую котлеты о грудь, – если это животное сейчас же не выбросит в окно ту дрянь, которую она протащила в автобус и собирается здесь жрать, отравляя атмосферу... Не в окно, конечно, а вот в это мусорное ведро с крышкой... Если она немедленно не делает этого, я умываю руки. Больше вы от меня не услышите ни слова! Понятно вам?

Туристам было непонятно, поэтому один из них, заспанный мужчина с проволочными кустами рыжих волос в ноздрях, спросил:

– У тебя что, псих, крыша поехала? Тоже мне напугал! Ну и заткни поддувало! Очень нам надо слушать твою трескотню... Люди тут отдыхают, а не это самое! Не в Союзе, блин... Кушайте, женщина...

И автобус радостно заржал.

– Ах так? – крикнул Абрам врагам культуры. – Тогда поучайте, мерзавцы! Отдыхайте как знаете!

На этих словах он воткнул свой микрофон в ту часть мехеровой дамы, где к груди был прижат сверток с бутербродами, быстрыми шажками рванул по проходу в самый конец автобуса и уселся на пустом последнем сиденье.

С этой минуты экскурсия во французскую Канаду проходила практически без гида.

Сначала это туристам даже нравилось, но потом они слегка заскучали.

– Это что за город?.. – спрашивали туристы, вглядываясь в окошки.

– А не знаю, – равнодушно отвечал Абрам с последнего сиденья.

– А сколько еще ехать?..

– А не скажу.

– Нам бы в туалет...

– А мне наплевать!

– А мы будем жаловаться!

– Ха-ха!

Водитель привычно делал остановки в достопримечательных местах, русскоговорящие туристы выходили из автобуса и неприкаянно топтались, пялясь на непонятные соборы с памятниками. Некоторые, наиболее ушлые, пытались поначалу прибиться к чужим группам, но быстро поняли, что во французской Канаде гиды говорят даже не на английском, а вообще черт его знает на чем, и прекратили дергаться.

– Слышь, мужик, – просили они Абрама, – кончай бочку катить, скажи хоть, на каком языке они говорят в этой своей французской Канаде?

– А понятия не имею! – отвечал обиженный гид.

Лишь однажды за всю экскурсию он позволил себе более пространный комментарий. Группа застряла в музее возле огромной картины на потустороннюю тему. На картине многочисленные грешники готовились к наказанию в аду.

– Что, интересно? – весело спросил Абрам у своих туристов. – Знаете, кто тут изображен? Вы все, вот кто!

Группа в ужасе отшатнулась. А Абрам продолжал.

– Вот этого, без лба, узнали? Да вот же он среди вас, неандерталец, – и Абрам ткнул пальцем в сторону мужчины с кустами в ноздрах. – А вот этот урод – это вы, уважаемый, такое же хамло!.. А вот и наша супружеская парочка, места девять и десять, узнаете?.. А вот эти трое – вы, вы и вы, мадам. Такая же жирная свинья и такой же безмозглый взгляд!..

Туристы не догнали Абрама только потому, что тот знал в этом музее все ходы и выходы. Домой он вернулся на попутном автобусе из другого агентства.

– Знаешь, Абрам, ты меня очень обидел, – сказал ему хозяин турагентства Флоткин, которого жалобщики приходили бить. – Так что не приходи сюда больше.

– Ну и черт с тобой! – ответил бывший лучший гид.

Так обиделись друг на друга еще два эмигранта. Хотя Флоткин в данном случае был в явном выигрыше – он обиделся раньше.

Поэтому, когда звонит мой приятель Фима, я снимаю трубку и, не давая ему опомниться, спрашиваю первым: «Ну что ж ты никогда не позвонишь?» Это вместо здарсьте.

Лев ГОЛЬДБЕРГ

Кто, ответьте, кто, скажите,
кто есть истины носитель,
если истина – в вине,
а вино – уже во мне?

Стоматологическое

Старый друг, с чьей помощью питаюсь,
хватит ныть, таща меня в петлю!
Я ведь тоже иногда шатаюсь,
но при этом разве я болю?

Пройдя очень много дорог
и версты на годы умножив,
подвел я конечный итог.
И вижу, что он меня – тоже.

Всегда отыщется герой,
готовый в час суровый
гнать в шею гнусный старый строй,
чтоб нас прогнать сквозь новый.

Родина

Нет, в лужу нам
уже не сесть.
Всегда мы там,
пока мы здесь.

* * *

Был зол тогда я, и в итоге
скорблю сегодня, что со зла
ей рыкнул: «Уноси-ка ноги!»
Какие ноги унесла!..

С точки зрения генштаба

Бессмыслен кактусовый сад:
в нем трудно высадить десант.

* * *

Побыть с собою было в планах –
сбежал: боюсь я с детства пьяных.

Геннадий МАЛКИН

ФРАЗАрий

Если ударили по лицу, подставьте другое.

Не родись счастливым. Не мешай людям жить.

Последнее желание разумнее осуществлять заранее.

Не обещайте возвращать долги, и ваша честность сделает вам имя.

Протягивая руку дверной ручке первым, вы сохраните массу времени.

Хамство не выносит одиночества.

Зашел к соседке за советом и любовью...

Ночи стали длиннее, а секс – короче (заметки фенолога).

Имел феноменальную способность укоротить любую юбку взглядом.

Любовь может выдержать все. Кроме взаимности.

Любви все возрасты покорны, а браку – сопротивляются.

Венец – делу конец.

Георгий ТОЛУБЕНКО

ОТЪЕЗД КОММУНИСТА

Давным-давно, когда никто в Одессе еще и не слышал про эту самую границу, а у некоторых еще даже не было вызова, Боря Брант, скромный закройщик одесского ателье «Счастье», сел однажды утром и написал сразу два заявления. Первое – в партком, с просьбой принять его в ряды Коммунистической партии Советского Союза, а второе – в дирекцию, с просьбой уволить его с работы в связи с отъездом на постоянное место жительства в государство Израиль.

– Ты что, Боря, с ума сошел? – спросила его жена, имея в виду первое заявление.

– Нет, пусть они мне объяснят!.. – упрямо ответил Боря, и жена отошла, безнадежно махнув рукой, так как знала, что если уж Боря хотел, чтобы ему что-нибудь объяснили в этой стране, то он обычно шел до конца. То есть аж до тех пор, пока ему наконец действительно не объясняли, после чего он на некоторое время успокаивался, лечился...

Собрание, на котором Борю клеймили в связи с отъездом, было обычным. Сначала его долго обзывали крысой, бегущей с тонущего корабля. Но потом представитель райкома товарищ Коноводченко сказал, что про тонущий корабль – это, пожалуй, слишком, и в протоколе записали, что Боря бежит как крыса с нашего быстроходного лайнера.

Потом выступал ветеран ВОХРа товарищ Шварц (о котором в городе ходили слухи, что в свое время он был единственным участником еврейских погромов не с той стороны) и говорил о том, что в 29-м году его родители уезжали на жительство в Палестину и на него уже был куплен билет, но он как комсомольски настроенный пионер героически спрятался... Впрочем, его выступление Боря почти не слушал. Но когда поднялся секретарь партийной ячейки старший закройщик Кац и объявил, что перед

отъездом Боря просит принять его в партию, из чего следует, что их бывший товарищ не только негодяй, но и сумасшедший, Боря не выдержал и начал выяснять интересующий его момент:

– А почему, собственно, нет? – спросил он. – Нет, вы мне все-таки объясните!.. Партия у нас какая, интернациональная?

– Ну... – подтвердил товарищ Коноводченко.

– Так почему же тогда здесь я могу бороться за ее идеалы, а в Израиле уже нет? Я, между прочим, всегда сочувствовал большевикам, а сейчас так просто глубоко сочувствую!..

– Издеваетесь? – поинтересовался товарищ Коноводченко.

– Почему же? – искренне огорчился Боря. – Скажу вам больше! Здесь нас, большевиков, пока еще, слава Богу, никто не притесняет... А там я же буду, так сказать, на переднем крае борьбы! Так что туда вы, по-моему, вообще должны посылать лучших из лучших!

– Та-ак... – сказал секретарь партийной ячейки Кац. – Интересно... Но тогда почему же ты думаешь, Боря, что это должен быть именно ты? В таком случае среди нас есть и более достойные кандидатуры. Про себя я уже молчу, но вот, например, товарищ Шварц. Человек столько сделал для нашей сегодняшней счастливой жизни! Так пусть он хоть пару лет в Израиле поживет по-человечески!

– Товарищи! – засуетился Шварц. – В двадцать девятом году мои родители уезжали на жительство в Палестину, и на меня уже был куплен билет...

– Да слышали мы! – закричали из зала. – Слышали! Не хочешь ехать – не надо!

– Нет, вы меня не поняли, – не унимался Шварц. – Наоборот! Я хочу спросить: как вы думаете, если я сейчас приду и скажу, что я просто опоздал на поезд?..

– Ишь какой хитрый! – закричали из зала. – Тут, между прочим, многие хотели бы пожить на переднем крае!..

– Спокойно, товарищи! – сказал секретарь Кац. – Сейчас мы составим список. Как вы думаете, товарищ Коноводченко, или мы что-нибудь неправильно делаем?

– Да нет... – задумался представитель. – Раз уж сложилось такое мнение... – и неожиданно закончил: – Тогда уж, пожалуй, записывайте и меня.

Зал заплодировал.

– Товарищи! – вскочила председатель профкома Нефедова. – Раз уж мы говорим о лучших, я думаю, будет неправильно, если мы не внесем в этот список секретарей нашего райкома товарищей Брыля и Сероштаненко. Молодые, растущие партработники! Уверена, что простые израильские евреи будут нам за них очень благодарны!

– Ага! – донеслось из зала. – Сильно бы они росли, если бы их в обкоме не поддерживали!

Включили и товарищей из обкома. Собрание продолжалось долго, и уже никого не удивило, когда в конце концов под единодушные аплодисменты участников в список отъезжающих на постоянное место жительства в Израиль было внесено все Политбюро ЦК КПСС во главе с верным продолжателем дела Ленина, руководителем нового типа товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

– Минуточку! – вспомнил вдруг кто-то. – А как же Боря? Борю-то мы и не вписали!..

– А знаете что? – сказал Боря. – Я вот тут подумал... Если все эти люди уедут... То я бы, пожалуй, остался...

Вот такое собрание, говорят, было когда-то в одесском ателье «Счастье». А было ли оно таким на самом деле или нет – спросить об этом уже некого. Потому что никого из участников этой истории в Одессе давным-давно уже не осталось...

Леонид АВЕРБУХ

* * *

Когда нам можно начинать писать?
Всего не понимаешь – рановато.
Ты понял кое-что – тогда чревато.
А понял все – так лучше промолчать...

* * *

С молодых ногтей мы все грешим безбожно,
Стремясь познать поглубже жизни суть.
Жену чужую увести несложно,
Попробуй-ка назад ее вернуть...

* * *

Сменяются века,
Проходят годы мимо;
Я жив еще пока,
Но это поправимо...

* * *

Не обладают, к сожаленью,
Ряд лиц (к чему мне быть льстецом?)
Лица необщим выраженьем
И даже вообще лицом...

И на свадьбе, и на тризне
Для юнцов и старичья
Трезвость – это норма жизни,
Пьянство – форма бытия...

Дурак быть может плох или хорош,
Но вот какой досадный поворот:
Ты за бутылкой дурака пошлешь,
Так он, дурак, одну и принесет...

Александр ШЕРЛЮК

ФРАЗАрий

Любишь – гони вещественные доказательства!

Умная женщина следит за собой, не очень умная – за мужем.

За все безобразия в стране обычно приходится отвечать мужу.

Нет такой глупости, до которой мы не могли бы додуматься.

У нас прежде, чем уступят человеку место, сделают его инвалидом.

Умными нас не назовешь, дураками – только попробуй!

Благодарите Бога, что его нет!

Если консолидируются, значит, скоро будут что-то делить.

Пока не будет свободы слова, я не замолчу!

Честный политик – тот, кто искренен в своей лжи.

Марианна ТОНЧАРОВА

СОБАКА

Исключения бывают из всех законов и правил. Такой, например, закон, что хозяйева похожи на своих собак. И наоборот. Есть такое? Киваете. Есть.

Возьмем, например, доктора Карташова и его овчарку Киму. Во-первых, мощь и энергия, стремление к природе. Склонность к романтике. Прически и глаза. А во-вторых, нежная, всепоглощающая любовь к сельди атлантической пряно-го посла. Ну и общая ненависть к овсянке. Мало?

Тогда посмотрите на Чернышову и ее Хина. Их же пугают!

Ну а у Вандорских вообще. «Иди сюда, кобель пьяный!» – кричит Вандорская. Что б вы думали – идут оба – и Вандорский, и Ушик, дог.

Но не об этом. Не об этом. Об исключениях.

Лазарь Наумович Собельман, гигант силы немереной, хоть и пенсионер. Но в прошлом боксер. А боксеры в прошлом не бывают. Как и учителя, разведчики или мясники. Так ведь? Одним словом, Лазарь – Самсон-борец. А его собака кто? Такое что-то, вроде блохи или хомяка. Но оно, это что-то, растопило Лазарево сердце и оказалось последней, самой пронзительной, жалостливой и нежной его любовью.

По давней привычке к порядку Лазарь называл жену Женой, сына Сыном, кота Котом, тещу – опять же исключение – называл почтительно Мамашей. Соответственно собака получила имя Собака.

– Лазарь! – говорили ему друзья, – Это никогда не станет овчаркой, Лазарь. Тебя обманули. Отдай это где взял.

– Нет! – решительно отвечивал Лазарь. – Он остается. Собельманы своих решений не меняют.

Что говорить, Собака, ласковый, любящий, преданный, забрал душу. И, после того как Собака переболел какой-то мучительной собачьей болезнью, Лазарь стал звать его на «вы».

Умнейший парень, Собака умел выполнять все команды. Лучше всего у него выходила команда «Чужой!».

«Чужой!» – и Собака моментально прятался в самое укромное место, пролезая в невероятные углы и щели.

И еще замечательная команда: «А где любимый Собака чемпиона республики в среднем весе боксера Лазаря Собельмана?» И Собака мчался к хозяину, залиvisto лая и прыгая, радостно лизал Лазаря в нос и приговаривал собачьи нежности. Ну не счастье ли?

Остальные команды Собака выполнял разом, быстро: сиделся, ложился, подавал голос, укладывался на спину, закрывал лапками глаза – «Ах-я-так-хорош!».

Ну да, не овчарка. Но как он умел слушать и сопереживать: вертел головой, водил ушами, подымал брови, постанывал, взвизгивал и пожимал плечами. Тихо, вы! У кого нет и никогда не было собаки. Да, и пожимал плечами!

И надо ж было, чтоб фотограф Ткач в похмельном гневе пнул Собаку. Просто так пнул, ни за что. Собака завизжал от боли и обиды и быстро выполнил команду «Чужой!».

– Убью, – кротко пообещал Лазарь, – убью. Если не извинишься.

– Ну извини, Наумыч, – миролюбиво заворчал Ткач.

– У Собаки, у Собаки проси прощения.

– Щас! – пообещал Ткач – и назвал адрес, куда идти Лазарю, Лазаревой собаке, Лазаревой Мамаше и прочей родне оптом.

– Убью, – тихо попросился Лазарь. И добавил: – Собельманы своих решений не меняют.

На следующее утро Лазарь выгуливал Собаку рядом с фотографом Ткача.

– Убью, – поздоровался Лазарь. – Если не извинишься.

Ткач огрызнулся, но торопливо скрылся за дверью.

Через день Лазарь пришел к Ткачу на работу фотографировать Собаку. Все как полагается. Оплатил у приемщицы заказ на фотографии.

– На паспорт, – приветливо попросил он Ткача, а Собаку усадил в кресло. – Собака, сидеть!

Собака сел, лег, тьякнул, перевернулся на спину и закрыл лапками глаза.

– Так как?.. – робко возмутился Ткач. – Он... он же все лицо закрыл... руками... этими... лапами...

Лазарь любовно усадил Собаку. Пригладил ему чубчик:

– Ну давай, фотографируй. А то, если не извинишься, знаешь сам, Собельманы своих решений не меняют. Кто ж тогда сделает нам фотографии любимого Собаки чемпиона республики в среднем весе? Правда, Собака?

Собака пожал плечами.

Вечером Ткач ждал Лазаря во дворе.

– Слышь, Наумыч, может, мировую, а?

– Ты, Ткач, конечно, умный. Но с креном в прогрессирующий идиотизм. Я ж тебе сказал, Собельманы...

– Да, да... – уныло кивнул Ткач. – Но как же... у собаки...

– Ну ты иди, думай пока...

Лазарь истязал Ткача больше недели: гулял под окнами, приходил переделывать фотографии Собаки, потому что Собака там был на собаку не похож. Напоминал, что Собельманы своих решений не меняют.

Ткач перестал спать, есть и даже пить. Бегал муравьиными тропками от Лазаря и Собаки. Он уже твердо усвоил, что Собельманы своих решений не меняют.

В воскресенье Ткач нарядился. Как будто шел просить Собакиной руки и сердца. Лазарь открыл на стук.

– Тебе кого?

– Так это... – переминался Ткач, – я... извиниться... Так что... может...

– А где любимый Собака чемпиона республики в среднем весе боксера Лазаря Собельмана? – ласково позвал Лазарь.

Собака вышел в прихожую, настороженно и вопросительно глядя на хозяина.

– Ну?! – молча, бровями, спросил Лазарь.

– Ну?! – молча, бровями, спросил Собака.

– Это... – шмыгнул носом Ткач. – Собака... Извини, блин...

Я... это... больше не буду...

Лазарь и Собака посмотрели друг на друга. Лазарь вопросительно мотнул Собаке головой. Собака пожал плечами.

Ткач уходил. Но не было облегчения в его душе. Одна растерянность и смятение. Растерянность. И смятение.

Угорь АЛЕКСЕЕВ

Вопрос на засыпку

Спросить бы женщин длинноногих,
Вступивших в брак: а каково
Вдруг поменять вниманье многих
На невниманье одного?

* * *

К каждой женской душе есть заветная дверца,
Потому постарайся усвоить урок:
Если девушка ключ подарила от сердца,
Значит, вскоре она поменяет замок.

В ожидании помощи

Часто слышишь в разгар кулуарных шумих,
Будто нашей стране в этой неразберихе
Не поможет никто, окромя нас самих.
Остается узнать, где живут нассамихи.

Пластическая хирургия

Один хирург, вернувшись из Лаоса,
Где представлял светил родной страны,
Мне исправлял однажды форму носа,
Застав в объятых собственной жены.

Строптивница

Мужчины, по барам бесцельно снующие,
Ее причисляли к разряду упрямых,
Поскольку ей нравились только непьющие,
Тогда как она возбуждала лишь пьяных.

Прощальный поцелуй

В душе, должно быть, больше не храня
Былых страстей бушующее пламя,
Ты на прощанье чмокнула меня, –
И я подумал: «Так целуют знамя...»

Приятного аппетита

Конечно, женщины и сами
Скромны и кротки не всегда;
Но, поедая их глазами,
Не надо чавкать, господа!

Форма и содержание

Говорят, дается в виде штрафа
Глупость сильным людям неспроста:
У мужчин с пропорциями шкафа
Антресоль, как правило, пуста.

Роман ХАРЦЕВ

ФУТБОЛ И ОПЕРА

Мой папа был футболистом. Вообще у него было сто десять профессий, но в Одессе он известен как футболист. Футбол в Одессе – это как в Италии опера. В Одессе тоже неплохая опера. Есть только два оперных театра в мире, которые не стыдно поставить рядом с одесским: венский и миланский. Так их и строили те же архитекторы. Наш театр – он обладает таким мощным излучением красоты, которое облагораживает все, что попадает в его поле. Я жил напротив.

Я жил напротив оперного театра, а с другой стороны была Канавка. Это был райончик, куда вечером ходить я бы не советовал. Когда сгущались сумерки, оттуда к опере клином выходила канавская шпана. В голове шел главный бандит – Костя-капитан, он носил фуражку с «крабом» и тельник. Они направлялись к скверу перед театром. Его называли по-французски – Пале-Рояль. Немедленно били все лампочки. И если в Пале-Рояль забредал какой-нибудь поздний прохожий, выходил он оттуда уже в одних кальсонах. Это обязательно.

В молодости папа жил на Молдаванке – тоже, как известно, не институт благородных девиц. Мясники, биндюжники, налетчики, шулера, проститутки... Но папа и два его брата славились даже на Молдаванке. Жена старшего, Соня, такая была невероятная красавица, что не пристать к ней на улице было просто неприлично. И вот они пускали вперед Соню, а сами шли следом, три амбала. К Соне, естественно, чалились – и братья давали гастроль. Они были сущие артисты в драке, папа и его братья.

В общем, у меня был выбор: я мог стать бандитом или оперным певцом. Но для бандита я был слишком худой. К тридцати трем годам, уже женатый, я имел сорок семь килограммов живого веса. А в детстве меня практически не было видно. Но ка-

навские меня не трогали. Не потому, что я тесно соседствовал с оперным театром и был такой исключительный красавец, а потому, конечно, что мой папа был знаменитый футболист. А футбол в Одессе – это наше все. На Брайтоне я недавно познакомился с одним сапожником: этот старик живет в Америке уже десять лет, и до сих пор у него висит футбольная таблица, где он ведет запись всех матчей «Черноморца». Он десять лет живет в Нью-Йорке, этот тип!

Мой папа играл до старости. Он имел колоссальную выдержку. Три раза он сидел в фашистских концлагерях. И все три раза бежал. В Одессе его уже вели на расстрел. Он дал конвойному обручальное кольцо, и тот отпустил его. Отцу повезло: мальй оказался румын. А вообще папа никогда не рассказывал о войне и не смотрел военных фильмов. Это все вранье, говорил он. Папа терпеть не мог все эти враки про войну и играл себе в футбол. А мама у нас была коммунист. О, это таки была мама! Но папа имел колоссальную выдержку плюс слава, и я всегда понимал, что прав папа.

И я тоже, разумеется, играл в футбол. Я играл в футбол без остановки с десяти утра до десяти вечера. На выдержку. У меня была такая дикая выдержка, что я, конечно, мог стать оперным певцом – на одной силе воли. Я до безумия любил оперу. Мы пролезали на все спектакли. Мальчишкой после войны я слышал их столько, что мог быть профессором консерватории. Но был один спектакль, после которого, как запоют какую-нибудь арию, особенно из «Кармен», хохочу как сумасшедший. Давали Бизе. И пели: наша украинская знаменитость, русская певица, итальянец и румынский тенор. И каждый пел на родном языке. Одесситы валились из лож, так неслыханно это было смешно. Тогда я понял, что оперу надо исполнять только на итальянском.

Мне же так была дорога наша одесская интонация, что я в конце концов сделал эту изумительную речь, этот солнечный язык, пронизанный юмором в каждом звуке, своей профессией.

Сейчас мало осталось в Одессе тех одесситов, среди которых я вырос, тех, кто населял мой город, как населяет тело его душа. Они разъехались, развезли Одессу по кусочкам, и эти кусочки ставят свои интонационные ударения на улицах Израиля, Австралии, Америки, Канады...

Где, например, рыжий, который поджидал меня каждый день по дороге в школу в подворотне на Канаве? Он делал мне пальчиком «поди сюда» – и аккуратно отбирал у меня мою котлету. Иногда мама говорила: «Я не могу, я должна его видеть, кто съедает твоё питание!» – и шла со мной. И в этом случае роковая подворотня всегда оставалась необитаема. Это была такая игра. А завтра он снова делал пальчиком... Но когда ко мне приставали пацаны побольше (а меньше меня не было в Одессе, по-моему, никого), рыжий всегда оказывался рядом и бил всякого.

Где Вадик Карузо, многоженец, игрок и незначительный певец? Каждый вечер он надевал черный костюм, бриолинил свои черные кудри, брился до синевы и выходил на Дерibasовскую с коляской. Позади гордо вышагивали его пятнадцать жен, а Вадик гулял по Дерibasовской и на ходу играл с желающими в «девятку». Проигрывались костюмы, автомобили, дачи... Потом Вадик все спускал.

Или, скажем, бессмертная мадам Гризоцкая, контролер Одесской филармонии. Ей было восемьдесят лет, она уже ничего не видела, ей говорили: «Мадам Гризоцкая, идите уже на пенсию!». И она отвечала: «Я умгу на контголе!»

Или уборщица Маня из той же филармонии: если ей вздумалось мыть пол, она выгоняла со сцены симфонический оркестр. От нее я услышал лучшую рецензию на свое выступление. Она подошла ко мне после спектакля и заметила: «Вы неплохой артист, товарищ Карцев, но слишком пересаливаете лицом!»

Это были приметы Одессы – как пляж, где все непрерывно поедали домашние припасы в безумном количестве, или как китобойная флотилия «Слава» с ее легендарным капита-

ном Соляником. Ах, что творилось, когда китобойцы приходили из восьмимесячного рейса! Их голодные жены с красными губами и синими цветами давили своих моряков в объятьях, как виноград, мы прыгали прямо с причала на мелкие суда и обдирали их на сувениры, а рынок на неделю заливал заморский товар. Ой, как гуляли китобойцы, как гуляла Одесса!

Больше я не вижу ничего этого, приезжая сюда. Мой город дал сильный крен, он вот-вот опрокинется и уйдет под воду, как подбитый кит.

Но кое-что осталось. Остались блески одесского разговора. Это неистребимо, это в генах, и по этому коду я всегда узнаю Одессу – на Приморском бульваре и на брайтонской дощатой набережной.

Поднимаюсь недавно по лестнице в гостинице «Красная». Швейцар кричит снизу: «Молодой человек! Молодой человек!». Слышу, уборщица реагирует: «Ну что орешь? Он правильно не оборачивается. Какой он молодой – погляди, сколько ему осталось!».

Встречаю на Пушкинской знакомую: «Наташа! Ты прекрасно выглядишь!» – «Это я еще плохо себя чувствую!»

Идет мне навстречу мужик: борода огромная, как у Маркса, грива кустом. «Ты меня узнаешь?» – вопит. – «Конечно!» – «Не может быть! Меня никто не узнает! Ну как меня зовут?» – «Миша». – «Где я живу?» – «На Преображенской». – «Жену мою как звать?» – «Соня». – «Ну что там Ельцин?»...

Я совершенно убежден, что все это написано зря. Такие модуляции невозможно передать на бумаге. Это умеет один Миша Жванецкий. Впрочем, мне так только кажется – потому что я произношу и слышу все, что он пишет. Так же певец, вероятно, слышит оперу, читая партитуру, а футболист напрягает соответствующие группы мышц, слушая по радио репортаж с матча.

Что вовсе не означает, что можно описать оперу или футбол. Или драку. Или Одессу.

Михаил БРИФ

Полиглот

В Нью-Йорке мне все чаще
грозит душевный срыв:
не англоговорящ я –
я англомолчалив.

К ликбезам непривычен,
в Нью-Йорке сник совсем,
не столь англоязычен,
сколь англоглухонем.

* * *

Слушал бешеную вьюгу,
окна отворял.
Убежал с женою друга –
друга потерял.

Все нескладно, все неладно,
пустота вокруг...
Друг, возьми жену обратно,
возвращайся, друг...

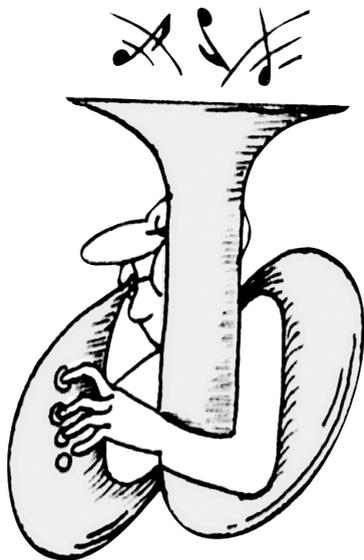
О бессмертии

Нет, бессмертным, видимо, не буду,
жребий свой влачу без интереса,
в тридцать три – прошляпил я Иуду,
в тридцать семь – прошляпил я Дантеса.

Жаль...

Я надену фетровую шляпу,
пса поглажу: хватит, брат, скулить!
Мы пойдем покорно к эскулапу
лапу поврежденную лечить.

Смажет мазью доктор нашу лапу,
хмыкнет: «Да, хреновые дела...»
Жаль, ушла жена от эскулапа, –
лучше б от меня моя ушла.

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

РЫБНЫЙ ДЕНЬ

Когда я издал свою первую книжку «Архипелаг гуляк», я посвятил ее «всем тем, кто меня любит: маме и папе».

Я себя сглазил: теперь меня любит и Лиля.

Каждое утро под своей дверью я нахожу букетик. Раньше я думал: Лилия тягает их с кладбища. Теперь я спокоен: она приносит их из мусорного бака.

Если это не любовь, то извините...

Ее любви я по наивности бежал. Я трижды топился и дважды тонул, не говоря уже про вешался. Не помогло. Я снова с вами.

Я работаю в еврейской общине Донецка. В моей трудовой так и записано: «Помощник раввина Вышецкого по внешним сношениям...»

Каждое утро она приходит в синагогу. Ко мне.

– О, сегодня в синагоге рыбный день, – говорит главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий.

И как всегда он прав: Лилина фамилия – Карасик.

Ее письма нельзя читать без слез. А где слезы – там, наверное, и смех...

Славонька, так и передайте себе, когда будете трезвый: вы хороший!

В нашей синагоге очень много верующих хорошо покушать.

Славонька, вы правы, что вернули мне мой желтенький букетик. Теперь я понимаю и сама: почему желтый – цвет разлуки? Потому что зеленый цвет успокаивает, а желтый – успокаивает навеки...

Водитель ехал так быстро, что деревья в испуге шарахались.

Славонька, нужно чай пить тихо, чтоб не побеспокоить чанки, спящие на дне. Вот так нужно и жить, тихо и не рыпаясь, а не так, как вы, Славонька Верховский.

Зачем делать тайну из мелочи? Родиться – проще простого: нужно вовремя попасть под размножение...

Славонька, я в вас вижу очень умного человека, но постоянно приходится разговаривать с каким-то идиотом, что тоже вы...

Пыль, Славонька, это никакая не пыль, а семена, из которых вырастает запустение...

А начальник нашей синагоги Юдочка Келерман то кричит, а то болеет; в нормальном состоянии в живых его еще никто у нас не видел.

Цыганок я, Славонька, не перевариваю. Однажды нагадали мне не то. С тех пор я по нагаданному и живу...

Я пеку такие торты, как никто и как никак.

Мне, Славонька, повезло, мне жара не страшна. Я могу отдыхать в тени собственного носа. Я знаю, вам смешно. Но мой нос рассчитан не на это...

У нас в синагоге шизофреник на шизофренике. Согласитесь, Славонька, но ведь это же разврат!..

Вы думаете, Славонька, что я плачу по поводу несправедливости. Нет, Славонька, как раз по поводу справедливости: я ее оплакиваю...

А вчера меня оскорбили. «А у вас кривые ноги!» Но я, Славонька, не заплакала, а не растерялась: «Таким ногам, между прочим, я училась у вас!»

Славонька, не хотела, но сигнализирую: вы дарования такого среднего, что не про вас будет сказано...

О, теперь я знаю, что такое справедливость! Так, вчера меня обворовали. И тогда, Славонька, я подумала: ну что ж, побеждает сильнейший...

Ах, Славонька, иногда вы произносите такое!

Согласитесь, Славонька, что язык, завязанный на бантик, это не только красиво, но и молча...

Представьте, Фимка время знает наизусть! Я: Фимочка, который час? Отвечает: семь. Проверяю. Это ж надо: ровно!

Ну надо же, привидится такое! Если не будете вы думать о плохом, оно придет к вам тоже не раздумывая...

Вчера Фимке запретили ругать матом прихожан. Но природа берет свое. Уже сегодня слышала сама: вы не поверите, но он их матом хвалит. Мягко говоря, он не дурак...

У вас в кабинете, Славонька, такой бардак, что тараканы должны вам ноги целовать! А я такая чистюха, что забыла их и видеть...

А однажды зимой у меня вдруг запотели очочки, я протерла, глянула на зиму – а это лето...

Почему я, Славонька, хожу по похоронам? Если с покойником не попрощаешься, значит, скоро с ним увидишься опять.

Я страшно переживала, что эта Дуся ходит в синагогу. Она же русская по папе и по маме! Как узнаю: раввин ее простил. Тогда конечно. Лучшая подруга!

А другая прихожанка говорила: «В Кировоградском музучилище я училась с Игорем Крутым, но прошу вас – только никому!» И тут я, каюсь, Славонька, сдержаться не смогла: «Скажите честно, вы хотите, чтоб я проболталась?!»

Славонька, негров неграми называть нельзя, это расизм. А нужно просто и доходчиво: темные люди они...

Раньше, Славонька, я не знала, что я нефотогеничная. Уродка и уродка. А теперь я знаю, меня Фимка научил: нефотогеничная – это когда птичка вылетает – и, пугаясь, залетает обратно...

Злые люди интересуются про вас и про меня: а какая разница в возрасте? А действительно, Славонька, какая нам разница?!

В синагогу позвонила одна старушка, чтоб поторговаться: «А если, между прочим, я умру, то сколько это будет стоить, а?» Глухая, а туда же – умирать. Похоронщик в трубку ей кричит: «Бесплатно, вам бесплатно!», но выхватывает Фимка: «Вы не верьте, если б хоронили забесплатно, в Донецке не осталось бы евреев!»

Знаете, Славонька, что о вас говорят? Только сядьте, а не то взлетите. Ангел вы!

– Славонька, оставьте ваш автограф!

На что я ей крепко пожал руку.

– А автограф?!

– Рукопожатие, Лиля, это тот же автограф. Но как воздушный поцелуй.

– А не проще ли, Славонька, поцеловать, как в жизни, чем расписываться в собственном бессилии?..

Евгений Мучник

Юбилейное

Сегодня десять лет со дня
рождения мысли у меня
прочсть творенье гения –
«Онегина Евгения».

Повесть о свете

Нет повести печальнее о свете:
спешит Ромео как-то раз к Джульетте,
заскакивает в лифт, в руках букет –
и в это время... отключают свет.

Возрастное

Была когда-то славная пора,
когда нас партия под громкое «ура»
вперед по линии партийной направляла,
но эта линия меня не вдохновляла,
а вдохновляла линия бедра...

Путин и Распутин

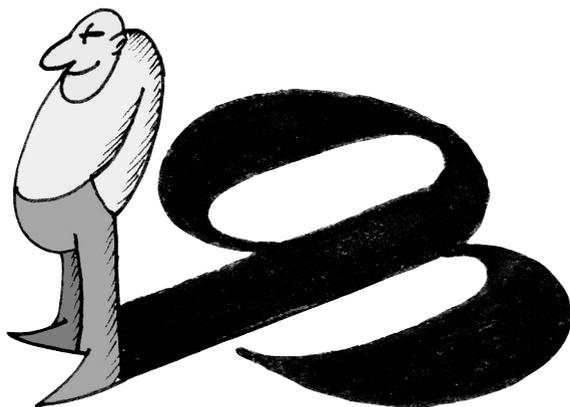
Что общего у них – никто не знает.
Хороший заголовок пропадает...

Тем, кому далеко за тридцать

Будет жизнь, как раньше, так и впредь,
всевозможных радостей источником.
Важно только сердцем не стареть,
печенью, желудком, позвоночником...

Происшествие

Вчера один большой оригинал
в трамвае людям деньги раздавал,
и в этой необычной обстановке
проехали свои мы остановки.

Владимир ГОРДОН

ДИНАСТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Из одесских легенд

Не клевало. Полдюжины мелких бычков – вот и все, что висело у меня на кукане. У соседа по пирсу, высокого, с седой головой и орлиным «рупелем», на кукане болталось на пару «песочников» больше...

Я начал сматывать удочки, седой тоже засобирался. Снял черные очки, согнул сутулую спину над моей добычей, спросил:

– Вы это домой понесете? Для кошки?

– Не-а, нет у меня кошки. Если хотите – можете взять.

Я протянул ему жалкий свой куканишко.

– Вот-вот... Я этого и хотел. Вместе на небольшую ушницу наберется. Не для меня. Фима-Три помирает, уши просит...

– Вы прямо как в кино «Чапаев», – улыбнулся я.

– Нет, это из жизни, – ответил он серьезно, – сам Фима-Три помирает...

– А кто это?

– Вы не знаете Фиму-Три? Вы что, приезжий? Ах, одессит... Так никому не говорите про то, что не знаете Фиму и его семейство! С вас будут смеяться! Это же такое семейство! Династия! Короли – и не меньше! Пошли, вы возьмете нам по паре пива, сядем в холодок под тот чумак, и я про них расскажу...

1. Фима-Раз, или Специалист по первому классу

Он начал еще в том веке вместе с императором Николаем II. Талантливо начал. Первым среди одесских воров сообразил применить в своем деле сложную машинерию. Делом он был за-

нят доходным – брал чемоданы, самые дорогие, на выбор. А как красиво работал! Пижоном, одетым во все самое модное, заявлялся он на вокзал, в роскошный зал ожидания первого класса. Входил, садился на дубовый резной диван, ставил у своих ног большой дорогой чемодан из крокодиловой кожи, закуривал питерскую папиросу, сидел, смотрел на публику и ее багаж...

Спокойно вставал, с трудом поднимал свой чемоданище, шел, не торопясь, к кассам... И вот уже шум, гвалт, собирается толпа, и какой-то толстый вспотевший коммивояжер поднимает крик, требует полицию, в который раз сбивчиво рассказывает. Мол, вот только что, сейчас, сию минуту, его чемодан с дорогими образцами – новейшими парижскими жилетками и дамскими гарнитурами – стоял вот тут, туточки, рядом с его новыми лаковыми штиблетами, и что он – ну вот только что – чувствовал его коленом... И никто вроде не подходил и не отходил, а чемодана нету...

В самом центре возбужденной толпы собственников чемоданов, саквояжей и баулов стоял Фима-Раз и не меньше других возмущался одесскими и российскими беспорядками, бездеятельностью полиции, железнодорожным начальством: «И это в Одессе называется первый класс?! Тоже мне первый класс!» – солидно басил он, покидая зал ожидания.

Потом он вальяжно выходил на привокзальную площадь, нанимал извозчика и катил себе домой на Молдаванку с отменной добычей...

– Ах, вы хотите знать, в чем тут был фокус? Все просто и гениально – чемодан из крокодиловой кожи и был тем великим достижением воровской техники конца прошлого века. Это был еще тот чемодан! У него не было дна. И Фима-Раз аккуратно накрывал облюбованный чемодан своим! Нажимал на рычажок под ручкой, и под чужой чемодан выдвигались стальные штырьки...

Оставалось только поднять и нести себе куда хочешь! Или стоять рядом с обворованным, громко ему сочувствовать или брехать ему на утеху про то, как совсем недавно в Москве, на

Казанском вокзале, у него самого увели два чемодана с очень дорогим и редким товаром...

На этом деле Фима-Раз не погорел ни разу. Тайна чемодана стала известна его родственникам и друзьям только после его кончины.

2. Фима-Два, или На Ришельевской снимается кино

Ефим Ефимович работал уже в нашем веке и в применении техники пошел дальше своего батьки. Его операция летом 1913 года стала легендарной.

В те июльские дни на Ланжероне снимали кино. Снимали прямо с автомобиля, на ходу и с остановок. И там, в толпе зевак, Фима-Два придумал и разработал все детали этой операции. В его честной банде налетчиков был один штымп – Леня Крац. Так этот Леня умел ехать на автомобиле. Мог запустить мотор и крутить руль.

И вот, когда киношники сделали перерыв на своих съемках и все бросились на пляж освежиться перед обедом, Леня Крац завел мотор и угнал автомобиль вместе с аппаратом и мотками толстой бельевой веревки. На малом ходу в машину вскочили налетчики, и Фима приказал ехать на Ришельевскую. Поехали, а у Коммерческого банка остановились.

Там они спокойно вылезли из машины, деловито огородили белыми веревками площадку у входной двери, с двух сторон перегородили тротуар – сразу стала скапливаться публика.

Фима-Два через жестяной, очень блестящий рупор оповестил мосье и мадам, всю уважаемую публику: не напирать, за ограждение не заходить, стоять себе и смотреть, как будет идти съемка очень важного эпизода для новой фильмы-боевика – ограбление Коммерческого банка...

Когда подошли два младших полицейских чина – городовые, то Фима им очень обрадовался и выразил уверенность,

людей, на городских, на разбросанные деньги, потом кричит истерично: «Что же это, Господи?» – и вдруг бросается собирать деньги. Публика ахает. Кто через белые веревки, а кто под них, бросаются к золоту, к ассигнациям. Заваривается такая каша! Такая куча-мала! Фима-Два хорошо знал, что делал, когда будто бы невзначай разбросал денежки...

Полиция и жандармы, конечно же, прискакали – шесть всадников, но тогда, когда на земле не осталось ни одной монетки, когда публика разбежалась и только белые веревки ограждения тихонько покачивались на ветру.

Автомобиль с аппаратом полиция обнаружила через два часа в проходном дворе на Херсонской...

3. Фима-Три, или Галантные кавалеры

Этот Фима трудился в новую эпоху – эпоху становления и упадка нэпа. Он раздевал нэпмановских жен и любовниц – сдирал с них самые дорогие по тем временам меха: манто из каракуля, котика, обезьяны, беличьи шубки.

Фима прощался с нэпом с печалью – женщины ответственных работников не радовали его. «Не то манто!» – говаривал он. Пришлось переключиться на деятельниц культуры и искусства – лауреатов сталинских премий, из тех, кто приезжал в Одессу на гастроли... Следил за афишами, за карьерой. Заранее знал дни приезда и отъезда. Работал с напарником под видом встречающих «от имени и по поручению». Извозчик, букетик. «Как доехали?» «Это ваши вещи?»

Как-то встречали вокальный дуэт из Питера. А те не приехали. Досада! Замерзли и не ужинали... Что делать? Тут же толкнули одному фраеру букетик из подмерзших гвоздичек, спустились в винный подвальчик, опрокинули по стакану мадеры, пирожком с горохом закусили и злые потопали домой. И тут видят: пересекает привокзальную площадь дамочка с

чемоданчиком, а на ней манто заграничное. У-у-ух какое! Пошли следом. В начале Пушкинской догнали, финки показали, попросили вежливо: манто надо снять, так нужно. А та дамочка:

– Что вы? Что вы? Такой мороз! Почти под двадцать. А ветер? Нет, мне нельзя, могу простыть, а завтра я в опере должна петь. Давайте так: дойдем до гостиницы «Красной», и у входа получите свое манто. Идет?

– Идет, – вдруг согласился Фима-Три, – только смотри, не баловаться мне!

– А я не балованная. Пошли, что ли? Чемоданчик возьмите – пальцы в перчатках мерзнут. Тоже мне кавалеры, а еще одесситы.

Идут, разговаривают за неожиданную одесскую погоду, за очень сильный мороз в Москве и про совершенное тепло в Париже и Риме. И тут, как на грех, «газик»-легковушка к самому тротуару подъезжает, останавливается. Выпрыгнул мужчина, здоровый такой, в костюме и без шапки. Перед дамочкой заюлил, заизвинялся:

– Прошу простить, что опоздал вас встретить, мадам. Садитесь, пожалуйста! В машине очень тепло...

А дамочка ему в ответ:

– Езжайте с Богом, голубчик. Погода как на заказ, пройдуся, подышу, товарищи меня проводят... Интересные люди...

А что тут скажешь, когда ребрышками финку ощущаешь?

Уехал автомобиль. Дошли до гостиницы «Красной», остановилась мадам у входа, пуговицы пушистые на манто стала расстегивать. А Фима-Три вдруг руку ей пожал, чемоданчик отдал и сказал, уходя:

– Мы с товарищей не берем...

А назавтра та певица пела в оперном и поимела успех. Хлопали ей – дай Боже! А под конец большой шикарный букет белых роз преподнесли. Это в январе-то! А в том букете конверт розовый, а в конверте записочка: «От товарищей!»

4. Фима-Четыре, или Новогодний спектакль

Про Фиму-Четыре я знаю больше, чем про остальных Ефимов Ефимовичей – воевал вместе с ним в полковой разведке на Калининском фронте. Он тогда вошел в самую силу после пятилетней отсидки за неудачно «взятую» сберкассу на Пересыпи... Недосидел всего год. После нескольких докладных с просьбой «отправить на фронт громить ненавистных захватчиков» этой чести удостоился и осенью сорок четвертого после прохождения курса молодого бойца прибыл в действующую армию, а там сразу попал в разведку.

Вы спросите, почему? Так он три раза подряд поднял руку... Это когда построили молодое пополнение и комполка скомандовал:

– Кто из Одессы – поднять руку!

– Я! – ответил Фима и поднял руку.

– Кто сидел по уголовке – поднять руку!

– Я! – крикнул Фима и поднял руку.

– Кто знает немецкий язык – поднять руку!

– Их! – выкрикнул Фима и поднял руку в третий раз, добавив: – Читайте и пишу!

Комполка приказал ему выйти из строя и бросил начальнику полковой разведки:

– Этого – тебе, капитан!

Нет-нет! Фима-Четыре никаких университетов-инъязов не кончал. Просто, когда в девятнадцатом году Фима-Три случайно родил себе сына, его мутерша оказалась немка из Люстдорфа – из Черноморки, значит... Потом она увезла Фиму-Четыре в Зельцы, в немецкую колонию... Там он учился в немецкой школе. Мать умерла, и когда ему было четырнадцать лет, после семилетки, отец забрал его к себе для обучения семейной профессии...

Как солдат Фима-Четыре приносил командирам один гембель, а как разведчик был что надо. Про «коники», которые он

выкидывал в разведке, писали фронтовые газеты и даже сама «Красная звезда»... А вот про одно приключение я знаю от и до.

Под новый сорок четвертый год на Калининском фронте, в самых болотистых местах, ожидали вражеского наступления. Будто как ударит мороз, болота замерзнут, тогда и начнется. Надо было провести разведку, достать карту полка или батальона, а в крайнем случае добыть «языка», и желательно офицера. Перед рассветом тридцать первого декабря в немецкий тыл пошли трое, Фима за старшего. Надели немецкую форму, просочились в тыл, вышли на очень интересное место: с запада тянется лесом просека и заканчивается у болота. Болото подмерзло, и от просеки по нему в трех направлениях тянулись узкие тропки, отмеченные аккуратными вешками.

Разведчики лежали у троп, наблюдали, ждали. Они видели одну, другую, третью машину с солдатами, офицерами и какими-то грузами в мешках и ящиках. Рассвело, потом стало совсем светло, но никто больше на просеке не появлялся... Лежали в снегу, по очереди отбегали в гущу попрыгать, погреться, пожевать сухой паек, перекурить. Дождались – шла легковушка. А в ней лишь двое. Вот «опель» остановился, открылась задняя дверь, и на снег опустился огромный чемодан, потом второй такой же, а затем появился очень крупный полный немец в блестящих сапогах и кожаном пальто с широким меховым воротником, в русской шапке с опущенными ушами. Ремень опоясывал его талию, кожа на пальто топорщилась, но кобуры на ремне не было. Зато на ремешке через плечо свисала новенькая, из блестящей клеенки, очень объемистая и пухлая полевая сумка.

– Ага, – шепнул ребятам Фима. – Вот это чин! А в сумке карты... Блеск! Не тащиться же с этим боровом через фронт... Шлепнем, а карты в штаб... Наведем шмон в чемоданах... Полковник? А может, генерал?

А «чин» пожал руку водителю, «опель» развернулся и уехал. Немец сел на чемодан, достал портсигар, закурил, улыбнулся белке, которая сбежала вниз головой по стволу сосны.

Спокойно докурил, притушил окурок, затоптал в снег и понес чемоданы к тропам. Почитал что-то на одной из вешек, пошел по тропе, ведущей влево, и вот тут-то и услышал негромкое, но требовательное:

– Хенде хох, оберст!

Немец бросил чемоданы, неуклюже вздернул руки в наших меховых рукавицах, повернулся и увидел двух немецких солдат с русскими автоматами, с заиндевелыми бровями и бородами.

– Я не полковник, – сказал он доброжелательно.

– Майор? – спросили сзади.

– Нет, я не майор... Я Николаус.

– Взяли его! Там разберемся, – решил Фима.

Заставили взять чемоданы, повели в глубь леса, положили пленника на снег, обыскали, отняли часы, портсигар, серебряный перстень. Фима занялся сумкой, шепча: «Карты, карты, карты...» Но в сумке только бутерброды, полотенце, бутылочка шнапса и термосок с горячим кофе. В чемоданах тоже карт не оказалось, там было много самого несуразного, не фронтового: костюм Деда Мороза из красной материи, парик, борода, коробка с гримом, крохотная гармошечка-концертино, бенгальские огни, множество картонных коробочек насыпью и еще пачки листовок. Вот и все!

Что показал допрос? Оказалось, что это артист дрезденского театра приехал в командировку изображать Деда Мороза, по-ихнему – Николауса. Привез он два чемодана подарков: для каждого солдата батальона по упаковке с презервативами и по коробочке с часами – завалыщенькие такие часики, штамповка и дешевка. И еще – листовки с поздравлением солдатам батальона капитана Августа Крайса от самого фюрера.

Вот тебе и карты! Вот тебе и «язык», вот тебе и провал задания! Зря мерзли, уже темнеет, домой так идти нельзя – командир устроит «вырванные годы»... Да и начальство капитана по головке не погладит.

Разведчики подогрели себя шнапсом и кофе пленного, закусили его бутербродами с маслом, сыром и ветчиной, угос-

тили немца своим сухим пайком: дали сухарь, кусок сахара и большую селедку...

И тут, может, от шнапса и кофе, а может, и от ветчины, Фиму-Четыре осенило, и он начал репетиции. А когда до Нового года осталось чуть больше часа – начался и сам спектакль, в котором главную роль играл «Николаус». Фима на репетиции очень убедительно показал, как он умеет стрелять через карман, и немец согласился на главную роль.

По тропе к штабу немецкого батальона шли четверо. Впереди, одетый в костюм Николауса, при парике и бороде, шествовал дрезденец, чуть позади в трофейном кожане шагал сам Фима, а по бокам два разведчика попеременно несли чемодан (другой, с часами, остался пока в лесу).

Удивительно благополучно прошли две заставы боевого охранения, где их встречали с радостью, потому что каждому вручалась листовка и резиновый презент... К тому же «Николаус» поздравлял солдат, читал им хорошо поставленным голосом сопливенькие стишки с отменной жестикуляцией и персональными обниманиями...

У большой землянки взвода охраны их встретили уже проводившие старый год солдаты – распахнули дверь и показали елку, всю в игрушках, блестках и свечах. Но «Николаус» им спел только одну песенку под свое концертно, высыпал на снег у входа листовки и коробочки и пообещал вернуться, как только поздравит самого командира батальона.

Им показали, как пройти к штабу. У землянки штаба стоял одинокий часовой... Он на процессию ужасно психанул – думал, что идет уже смена, проворчал, что «сменить его должны еще в этом году...» Потом злорадно заявил, что они опоздали: комбат и начштаба уже десять минут как ушли в штаб полка на офицерский ужин.

– Доннерветтер! – выругался Фима. – А зачем тогда ты тут торчишь? В такую ночь стоять у пустой землянки!

– Не пустая, – возразил часовой, – там рация, радист и сейф с документами.

Короче. Через пару минут у фашистов стало на два солдата (часового и радиста), на два автомата, на две пары валенок и на одну рацию меньше... Артиста решили не обижать, но и не отпускать. Да и нужен он был: ему нагрузили на холку тяжелую железную шкатулку-сейф.

Пошли домой. И опять их останавливали бдительные солдаты охранения. Но все было хорошо отрепетировано... А вот перед нашими окопами залегший в снег секрет, увидев красного Деда Мороза, чуть не перестрелял всех. Пришлось залечь, и Фима несколько раз подавал условный сигнал фонариком и кричал кукушкой (это зимой-то!).

А потом случилось сразу две хохмы... Когда начальнику разведки вручили шкатулку-сейф, он спросил:

– Открывали?

– Никак нет! – ответил Фима.

– Так-так... – довольно протянул капитан и стал осматривать сейф со всех сторон. – Жалко портить такую вещь, нам самим пригодится... Кто может открыть? – спрашивал всех, а сам смотрел на Фиму.

– Я могу, – отвечал Фима, – только надо подобрать кое-какой инструмент.

– Хорошо, я распоряжусь! – капитан продолжал осматривать трофей, даже почему-то понюхал замок, потом приложил ухо к дверке, отшатнулся, побледнел, поднял шкатулку, на вытянутых руках понес к двери, выбросил и что есть мочи закричал: – Мина! Всем разбежаться! Быстро! Бегом!

Всех «выдуло» из землянки, рванул было и Фима, но немец схватил его за плечо и сказал, улыбаясь:

– Там не мина! Там часы, будильник! Я слышал, когда нес это. В двенадцать ночи будильник звенел.

– Ага, звенел, – подтвердил Фима, – а я думал: откуда этот звон? Может, у меня в ушах?

Фима вышел из землянки, позвал народ назад, в тепло... Потом открыл сейф. Там оказался маленький будильник и целая

куча карт, пакетов с сургучными печатями, линеек, цветных карандашей, немецких денег...

Вторая хохма случилась просто как чудо в новогоднюю ночь. Вдруг исчез чемодан с «урами» – часами, значит. Был тут, стоял, все видели, а тут вдруг – нет. Искали-искали – нетушки! Хоть тресни! Что за чертовщина такая? А фокус в том, что, когда началась суматоха с «миной», Фима ловко вынес чемодан, вдавил его в сугроб, снег полой кожанки разровнял...

Позже, когда сейф и «Николауса» увезли в разведотдел дивизии или корпуса, схлопотав благодарность и обещание представить к ордену, Фима пошел в свое подразделение, с опозданием отметил с друзьями Новый год. А чуть свет он откопал чемодан, пересыпал половину коробочек с часами в свой вещмешок, хорошо его спрятал и с чемоданом смылся в самоволку – перелесками добрался до ближайшей тыловой деревни. Там он обменял чемодан на две четверти самогона у местного сапожника. Тот был очень рад толстой коже, сказал, что может из этого товара выкроить с десяток моделёвых дамских туфель. Потом Фима пошел по избам – делать сельскому народу новогодние подарки. Всем вручил штамповку – и старым, и малым, за что его одарили кто картофельниками, кто салом, кто рыбой, а кто и квашеной капустой...

Приволок Фима все это в разведвзвод и устроил такой выпивон, что вместо ордена его на медаль «За боевые заслуги» представили. Да и ту не дали – набедокурил опять... Так и пошло... Отличится, к награде представят, а он что-нибудь «отмочит» – и прощай, орден! Так и отвоевался без орденов...

А потом, сразу после окончания войны, Фима-Четыре исчез. И никто не знает, куда. Говорили разное: будто в разбомбленном здании он откопал сейф, вскрыл, а там валюты навалом. Был разговор и про то, что видели Фиму в Западном Берлине, весь в гражданское одет, за рулем шикарной машины...

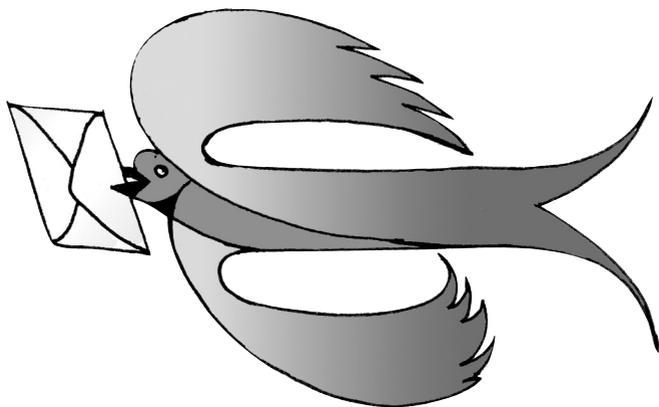
А батя его, Фима-Три, на запросы две бумаги получил. На одной писано, будто сын его «погиб смертью храбрых в боях за Родину», а на другой – «пропал без вести». А кто знает правду?

Вместо эпилога, или Игра в поддавки

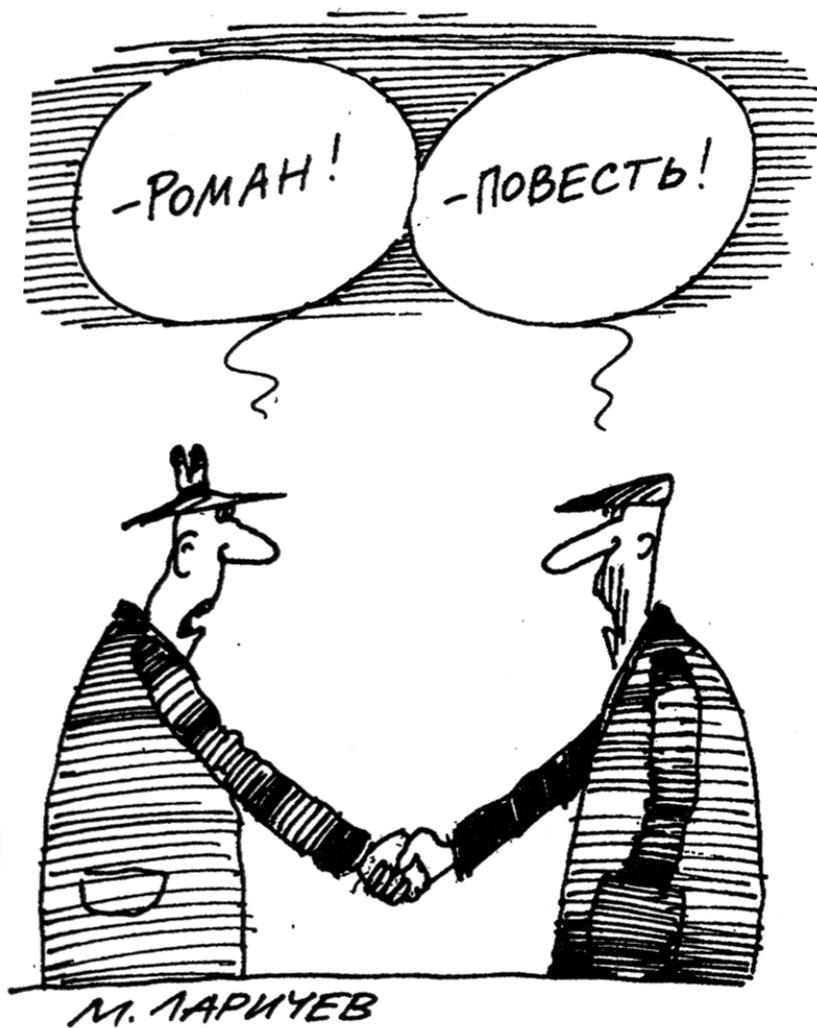
Долго горевал Фима-Три. Старый он теперь. Один живет. У старика пенсии нету. Он ее и не добивался. Стаж-то у него только тюремный, за четверть века... С чего живет? А промышляет. На Привозе. Костюм отпарит, оденется прилично: шляпа, галстук-бабочка, трость, перчатки. Сумку в руку – и пошел по рядам. Ходит медленно, степенно, солидно, смотрит ястребом, а как заметит, что продавец зазевался, – хватить яблоко – и в сумку, хватить грушу – и туда же... Все по одному берет: бурачок, морковину, луковицу, редьку, картошину или еще что. Много ли ему надо? Уверен, что воровством кормится, горд этим...

А на деле все не так. Все его знают, как облупленного, знает весь Привоз, что берет только по одной штучке. Увидят, что подходит Фима-Три, – для блезиру отворачиваются, дают себя украсть, в поддавки играют. Пусть берет себе! Не жалко, живая легенда же...

Ну вот, пиво допили, домой пора. К Фиме зайду, ухи ему сварю... Просил он...

Михаил ЛАРИЧЕВ

М.ЛАРИЧЕВ

- ВАНЯ?... ПЕТЯ?... ДИМА?
КОЛЯ?... ЖЕНЯ?...

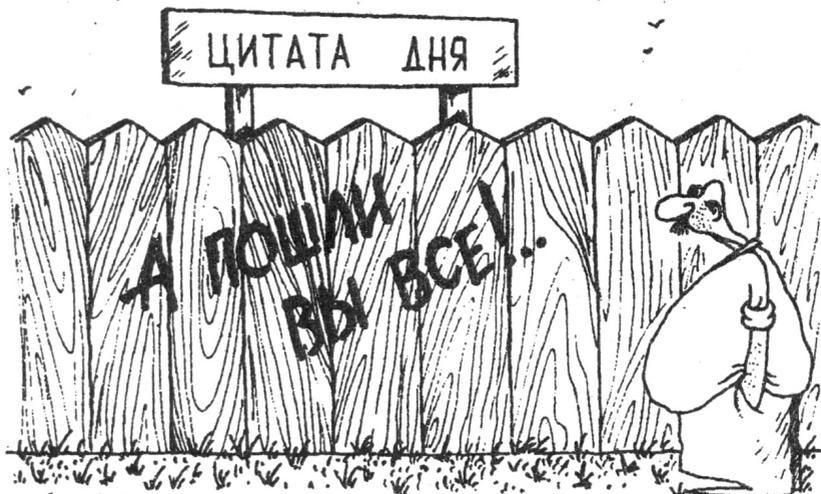
М. ЛАРИЧЕВ

- Я ТЕБЕ КАК
ГЛАВА СЕМЬИ
ГОВОРЮ...

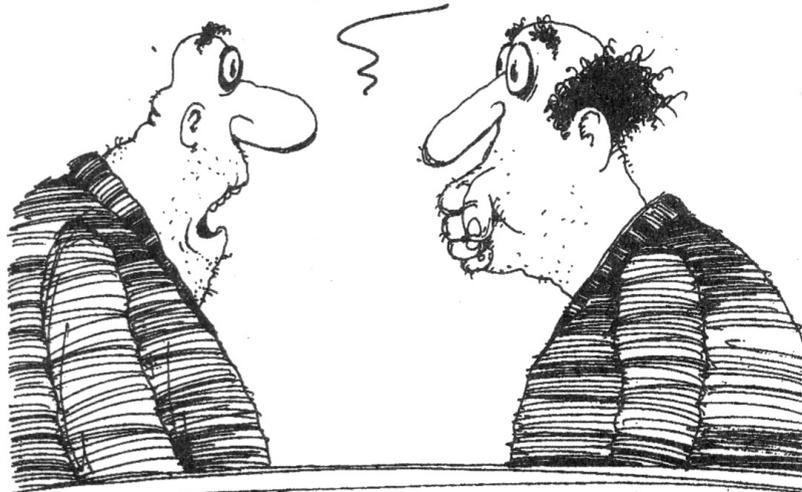
М. ЛАРИЧЕВ

М. ЛАРИЧЕВ

- НУ, И ЧТО ТЫ ЕМУ
ОТВЕТИЛ ?!

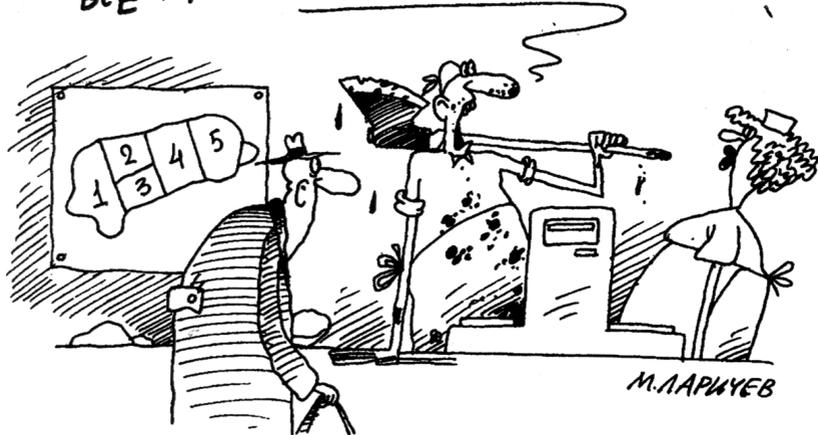
М. ЛАРИЧЕВ

- НЕ БОЙСЯ, ПРЫГАЙ! БРЕВНО
ДВОИХ ВЫДЕРЖИТ !!

М.ЛАРИЧЕВ

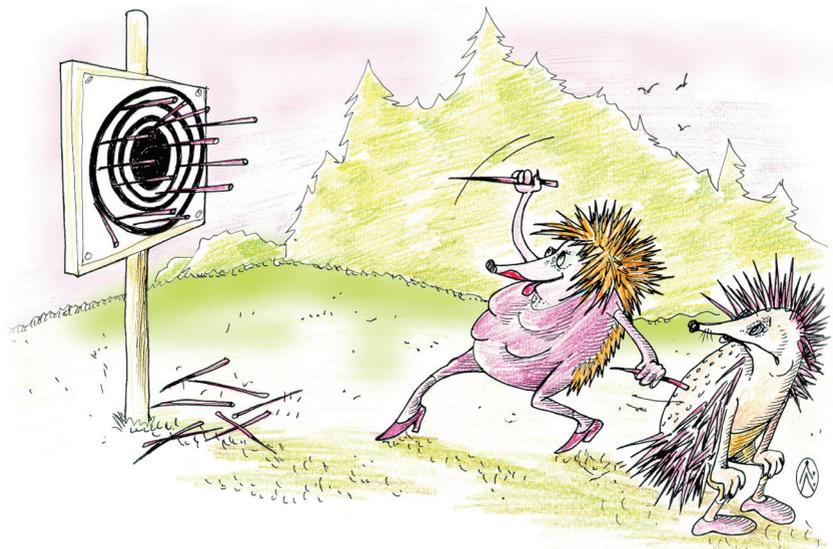
- А ПОМНИШЬ, ЗИНА, ОДИН ТУТ ТОЖЕ
ВСЁ ЖАЛОВАЛСЯ, ЧТО ЕГО ОБВЕСИЛИ...

М.ЛАРИЧЕВ

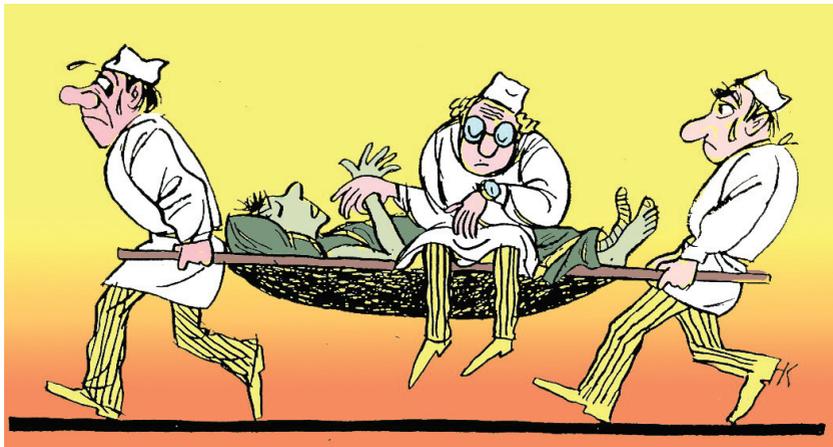
Леонид ЛЕВИЦКИЙ

Лёд и пламень

Жарина БАХМУТСКАЯ

АГНИЯ БАРТО: ЗАГАДКА ДЕТСКОГО ПОЭТА

Опыт пародии

Имя детского поэта Агнии Львовны Барто известно всем, чьим родным языком является русский. Не всем, но, возможно, многим известны некоторые факты её биографии – например, что она родилась 17 (4) февраля 1906 года в Москве, в семье ветеринарного врача Льва Николаевича Волова; что она окончила хореографическое училище, но, по рекомендации Луначарского, занялась литературной деятельностью и уже в 19 лет начала печататься как автор стихов для детей; что Барто – фамилия её первого мужа Павла, тоже поэта; что её сборник «Братишки» был запрещён в гитлеровской Германии и горел в кострах аутодафе вместе с томами Шиллера и Гейне; что она была автором ряда киносценариев, в том числе знаменитого «Подкидыша» (совместно с Риной Зелёной); что она создала радиопередачу «Найти человека», благодаря которой за девять лет около тысячи семей, разлучённых войной, смогли воссоединиться, а многие люди, потерявшие в военные годы, найти друг друга; что она была членом Международного Андерсеновского жюри, лауреатом международной премии и медали Андерсена; что она возглавляла Ассоциацию деятелей литературы и искусства для детей; что после её смерти 1 апреля 1981 года астроном Л. Черных дала имя «Барто» одной из открытых ею планет.

Но многие ли знают о том, что Агния Львовна принадлежала к числу пламенных публицистов, истинных патриотов, которые по мере своих сил несли людям свет правды?

В данной статье мы проанализируем, пожалуй, один из самых известных циклов стихотворных миниатюр Барто, который называется «Игрушки». Он вышел в свет в 1936 году и без преувеличения относится к лучшим образцам гражданской ли-

рики, хотя и написан, что вполне объяснимо с учётом реалий того времени, столь привычным для нас эзоповым языком.

В первую очередь привлекает внимание само название цикла. Оно выбрано не случайно. Первая ассоциация, которая напрашивается сразу же, – «игрушки судьбы», что неоднократно отмечалось литературоведами. Но это поверхностный взгляд. В тогдашнем (да и только ли?) СССР люди становились не только игрушками судьбы, но прежде всего игрушками режима, бесправными куклами в жутком театре абсурда усатого Карабаса-Барабаса.

Знаковой датой для нас является 37-й. Но, как известно, обильную жатву в миллионы уничтоженных и искалеченных жизней собрали и другие, как предшествующие, так и последующие годы.

В крохотных, нехитрых с виду стихотворениях Барто последовательно рисует ужасную картину существования, исполненного страха, трагедий и лишений (вспоминается мандельштамовское «Мы живём, под собою не чуя страны»).

Вот это стихотворение с полным основанием можно было бы назвать «В ожидании «воронка». Дальнейшие комментарии, пожалуй, излишни – текст говорит сам за себя:

*Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу.
Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду.*

А вот печальная история жертвы партийных чисток: Зайку бросила хозяйка (читай – родная коммунистическая партия, из которой его исключили) // Под дождём (вне надёжной защиты партии, под градом презрения, под угрозой дальнейших преследований) остался зайка. // Со скамейки (с позорной скамьи обвиняемого в измене партии) слезть не мог (не смог оправдаться) – // Весь до ниточки промок (стал конченным человеком, которому остались лишь слёзы).

Следующее стихотворение посвящено ещё более нелёгкой судьбе якобы детской игрушки. Но внимательному читателю, как всегда, ясно, что всё не так просто.

*Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Всё равно его не брошу,
Потому что он хороший!*

Трудно оспорить мнение Дины Волковой, высказанное ею в статье, посвященной анализу цикла «Игрушки» (литературный альманах «Серая птица», № 4, 1998 г.), что «выразительное по своей простоте, это стихотворение несёт глубокий философский смысл и скрытый подтекст». Впрочем, как мы уже показали, это характерно и для других стихов этого цикла. Однако нельзя согласиться с ней, будто под «мишкой» автор якобы подразумевала Россию, символом которой, как известно, является медведь, и провидчески имела в виду постигавшие в то время страну и последующие экономические кризисы, а под оторванной лапой следует понимать сокращение экспорта почти на 70%.

В действительности вдумчивому исследователю несложно понять, что речь в стихотворении идёт – по нарастающей! – об очередной жертве репрессий (прежде всего основанных на национальной принадлежности) и связанных с ними взаимоотношениях в семье. Для начала зададимся простым вопросом: среди какой части населения особой популярностью пользуется имя Михаил, Мишка? Отож, как говорят украинцы. Итак, Мишку – мы теперь смело можем писать это слово с прописной буквы – уронили на пол (уронили – сбросили – сняли с должности – выкинули из жизни – бросили в застенок – избивали ногами), при этом серьёзно повредив ему руку (ни к чему искать скрытую символику в каждой строчке!). Однако его жена, в отличие от многих других членов семей так называвшихся «врагов народа», не отреклась от него, и, убеждённая в его невиновности и высоких морально-нравственных качествах, готова ждать его из неизвестности.

Здесь вспоминается симоновское «Жди меня», по последним данным, также написанное от лица узника сталинских лагерей.

В то время, когда Барто были написаны «Игрушки», слово «диссидент» было ещё не в ходу. Однако это вовсе не означает, что в стране отсутствовали инакомыслящие. Об одном из таких людей рассказывается в следующем стихотворении:

*Спать пора. Уснул бычок,
Лёг в коробку на бочок.
Сонный мишка лёг в кровать,
Только слон не хочет спать.
Головой качает слон –
Он слонихе шлёт поклон.*

Итак, перед нами могучая личность (недаром она обозначена «слоном»!), которая не желает, подобно другим конформистам (например, Бычку, жвачному животному, нередко кончающему свои дни на бойне), забываться всеобщим обманчивым сном. Нет, Слон не боится выразить своё отношение к происходящему в стране – он КАЧАЕТ головой! Качает – значит, отрицает. Ведь в случае согласия, как известно, головой кивают. Кроме того, как мы видим, супруга Слона – естественно, Слониха – разделяет его убеждения и, скорее всего, помогает ему в борьбе (вспомним хотя бы А. Сахарова и Е. Боннер). Ведь недаром Слон именно своим качанием головы шлёт ей поклон! Очевидно, это является определённым сигналом...

И в заключение разберём ещё одно стихотворение, на этот раз лишённое политической подоплёки. Но от этого оно не становится менее смелым, его можно и следует понимать не только буквально. Оно повествует о женской доле.

*Наша Таня громко плачет –
Уронила в речку мячик.
Тише, Танечка, не плачь!
Не утонет в речке мяч.*

Задумывались ли вы над тем, почему о Тане говорится «наша»? Ясно, что речь идёт о русской женщине, воспетой и отпетой ещё Некрасовым. И судьба её нелегка – от хорошей жизни громко не плачут... Мячик... Новенький, яркий, прыгучий... Простой и ясный символ детского, да и вообще человеческого счастья. Не удержала его Таня, упустила, не успев насладиться. Да и могли ли слабые ручки обхватить огромный шар? Непривычно русской женщине со счастьем, не приспособлена она ловко с ним обращаться.

Лирическая героиня стихотворения успокаивает Таню, не указывая при этом на беспочвенность, неоправданность столь резкой, даже несколько истеричной реакции на происшедшее. Она не говорит девочке что-либо типа: «Прекрати, к чему реветь из-за такой ерунды!» Наоборот, она как бы признаёт, что повод для слёз есть. И это чётко выражено в коротком слове «тише». «Тише, не плачь! – Увещевает ребёнка, юную девушку, умудрённая опытом женщина. – Я понимаю, как тебе горько, как больно. Но бывают более серьёзные невзгоды, которые, к сожалению, неизбежно ещё встретятся на твоём пути...»

Интересно, что это стихотворение в обратном переводе с японского – а стихи Барто были переведены на многие языки мира – звучит так:

*Потеряла лицо Тана-тян –
плачет о мяче, укатившемся в пруд.
Возьми себя в руки, дочь самурая.*

(обратный перевод Леонида Каганова)

Любопытно, что Барто мотивирует обращенный к Тане призыв прекратить плач не тем, что мячик можно ещё достать, вернуть, что он в данный момент не утрачен для бывшей обладательницы окончательно. Нет, поэтесса лишь обращает внимание Тани на то, что мяч не прекратил своего существования, что он продолжает быть, иными словами, что счастье, олицетворением которого выступает мяч, всё же существует, а коль скоро это так, жива надежда на лучшее...

Сергей ЗУБКОВ

ШЛЮКЕРЫ

Трактат

В обычном значении немецкого глагола schlucken – «глотать» нет ничего страшного, но существует также разговорный перевод этого слова, означающий «пожирать». Если попробовать образовать из глагола schlucken отглагольные существительные, то получится не только der Schlucken – икота, das Schlucken – глотание или der Schluck – глоток, но и der Schlucker – ПОЖИРАТЕЛЬ. В сочетании, допустим, со словом «кровь» (der Blutschlucker) получается отнюдь не вампир – мифологическая или фольклорная нечисть, а именно:

СУЩЕСТВА, ПОЖИРАЮЩИЕ (ШЛЮКАЮЩИЕ) КРОВЬ.

Учитывая же то, что кровь является основной субстанцией человеческого тела, можно предположить, что все эти существа – ЧЕЛОВЕКОПОЖИРАТЕЛИ.

Естественно, если мы захотим объединить таких особей в отдельный класс, с применением правил российской грамматики, то получается коротко и ясно – ШЛЮКЕРЫ.

Не так страшны шлюкеры во время разговора по телефону, но, как только вступаешь с ними в аудиовизуальный контакт, то кровь твоя начинает сворачиваться со скоростью молока, разбавленного лимонным соком.

Хорошо, когда между вами и шлюкером нет порядка подчинённости и его можно попробовать просто «послать и забыть». Но бывает что шлюкеры руководят целыми коллективами, и тогда всё их окружение сполна чувствует на себе всю «шлюкерскую» силу.

Один-единственный шлюкер, даже если он и не руководитель, может испортить настроение множеству порядочных людей, пожирая их по одному или даже всех сразу. Иногда,

в моменты наивысшего счастья или радости, рядом с нами вдруг возникает силуэт шлюкера и одним словом, да что там словом – взглядом – разрушает наше щенячье упоение миром.

Шлюкер точно знает: когда, куда и как нас «ударить», полностью обескураживая и делая абсолютно беспомощными перед его враждебной нам и беспощадной логикой. Стоит только сделать попытку защититься, как мы немедленно убеждаемся, что такая попытка лишь добавляет шлюкеру сил и задора. Это всё равно что устроить соревнование по скорости между двумя лошадьми, одна из которых в это время делает себе прямое переливание крови второй лошади. Кто победит в такой гонке, надеюсь, понятно!

Встречу со шлюкером, содрогаясь, вспоминаешь потом много лет подряд, словно повстречался с существом из другого, враждебного нам, мира.

Не только шлюкеры вызывают плохое настроение, но и, наоборот, плохое настроение – всегда причина вспомнить о шлюкерах, которые когда-либо уже основательно терзали вашу душу и тело.

Мне известны некоторые индивиды, которые вообще не пересекаются со шлюкерами. Очевидно, что это – особенные люди, обладающие очень высокими возможностями распознавать шлюкеров до вхождения с ними в непосредственный контакт. Таким людям тоже можно дать имя, например – «супершлюкерраспознаватели». Они умеют избежать общения со шлюкерами задолго до того, как такое общение вообще может возникнуть. Как великие шахматисты, просчитывают «супершлюкерраспознаватели» все возможные комбинации развития событий наперёд, и – просто исчезают из «поля шлюкерского воздействия» за мгновение до того момента, как шлюкеры успевают их обнаружить.

Как же должны поступать обычные люди, если встреча со шлюкером всё-таки произошла или неизбежна?

В первую очередь, нужно чётко понимать, что мы и шлюкеры – существа разного порядка и разных энергетических

уровней. Чтобы защититься от шлюкера, никогда не играйте по его правилам и не соглашайтесь перейти на его уровень! Вспомните «крестики-нолики». Если он – «крестик», то вы должны быть только «ноликом», и наоборот.

Допустим, ваш собеседник (шлюкер) с участливым видом говорит вам, что вы «за последнее время очень сильно похудели (поправились)». Ни в коем случае нельзя оправдываться, почему это произошло или парировать, что сам шлюкер тоже сильно изменился! Такая реакция предполагает уже первую «подпитку» шлюкера, и в ответ вы получите более основательный и коварный удар, нацеленный на другие ваши многочисленные слабости.

При такой игре вы всегда будете проигравшей стороной, поскольку шлюкер обладает гораздо более разнообразным инструментарием и более широким негативно-ассоциативным рядом, который нам, нормальным людям, просто не может прийти в голову. Поймите, всё, что происходит, – это жизнь шлюкера, страсть шлюкера, работа шлюкера, которую он знает и выполняет лучше нас. Нужно попытаться играть не против шлюкера, а параллельно с ним. Меняйте поля и пользуйтесь иными плоскостями общения! Итак, если он начинает «шлюкать» о том, что вы похудели, вы, в ответ, – что сроки службы на товары длительного пользования увеличились до двух лет. Он – о том, что видел вашу 15-летнюю дочь с местным бандитом, вы – что посадили у себя дома лимонное дерево и уже появились первые маленькие листочки. Он – что налоги на такую машину, как у вас, выросли в полтора раза, вы – что начали изучать латынь, поскольку это базовый язык для всех языков романо-германской группы. При известном везении можно выйти из такой игры почти без потерь. Дополнительно помогают различные народные или описанные в литературе средства. Так, например, против одной «шлюкерши», вместе с которой я некоторое время работал, мне помогал мешочек с намоленной (заговорённой) солью в кармане. В некоторых случаях вас могут выручить «психовизуальные заслонки»,

одна из которых описана в романе Л.Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине». Помните? «Не думать об обезьяне с голлой задницей!» Так вот: яркое представление именно такой обезьяны позволит вам высвободиться от влияния шлюкера на некоторое время.

Конечно, чего там греха таить, все мы – немного шлюкеры! Стоит почувствовать рядом более слабое существо, которое тебя ещё и любит, как мы начинаем «шлюкать» его «по полной программе».

P.S. Эти мысли, посетившие мою голову как раз перед Прощённым воскресеньем и началом Великого поста, наталкивают на единственно правильное решение:

**ПРОСТИМ ВСЕХ ШЛЮКЕРОВ, ТЕМ САМЫМ ЛИШИВ
ИХ ВЛАСТИ НАД ЛЮДЬМИ!**

ВОЛНА

И

КАМЕНЬ

Валерий ГОЛЬШЕЙДЕР

Не с куклами же нам играть!

Не валериана, конечно, но...

Атланты держат папу...

Проклятые мышцы, всю ночь не спал!

Натюрморт «Овощи» А вы подумали?..

Кто-кто в теремочке живёт?

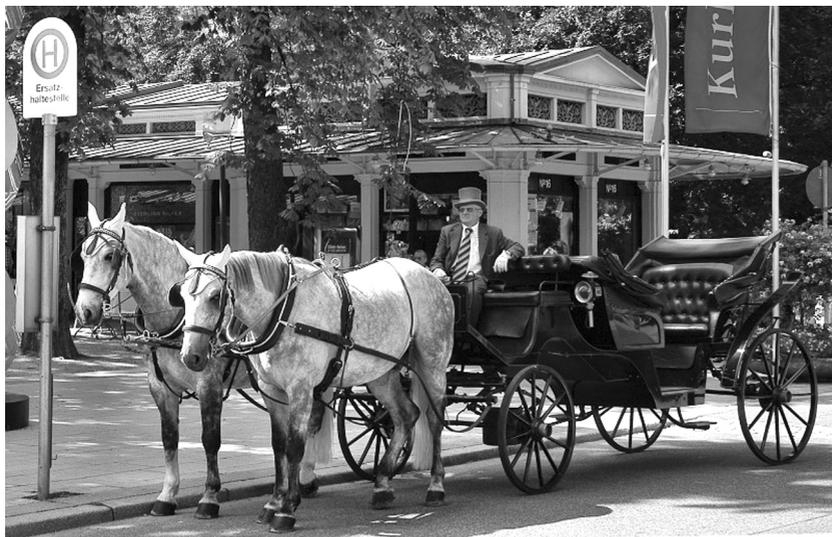
Служили два товарища

Натюрморт с «вечно живым»

Владимир СЕМЧУК

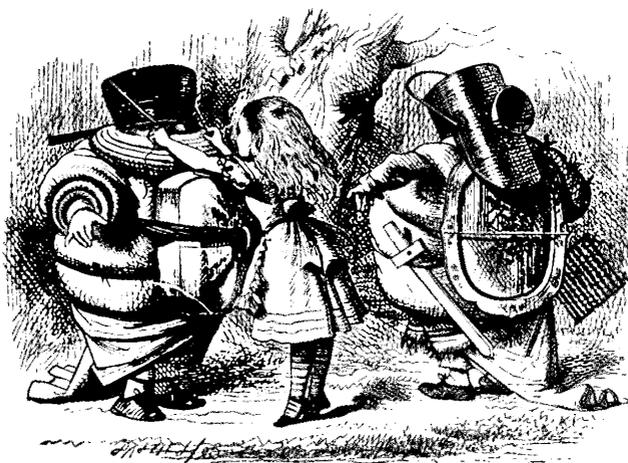

Они сошлись

Вячеслав ВЕРХОВСКИЙ

ИЗ РАССКАЗОВ ПРО АКИМА

Маленький Аким Верховский:

– Моя любимая сказка – «Лягушка-происшественница».

Баха уже знает, но в фамилии еще путается:

– Иоганн Себастьянович... Трах.

Чтобы Донецк замело, хватило одной ночи. А утром, глядя в окошко, Аким:

– Слава, ты погляди, какие заросли сугробов!

Загадка. Придумал Аким. А не отгадал никто.

– После театрального спектакля мама и гардеробщица ведут мальчика в больницу. Почему?

Ответ: палец застрял в номерке.

– Иди ко мне! – кричит бабушка Акиму.

Ноль внимания.

– Считаю до трех! Раз, два...

Ноль внимания.

– Десять, девять, восемь, семь...

На симфоническом концерте перед Акимом уселась крупная женщина.

– Вот, всю музыку закрыла!..

* * *

Аким – маленькой соседке:

– Да ты по сравнению со мной просто девочка!

* * *

О родителях:

– Мама и папа познакомились в консерватории: мама училась на скрипке, а папа – на дирижерской палочке.

* * *

Делает яичницу.

– Ты посолил?

– Я еще не попробовал...

* * *

Акиму три года:

– Бабушка, а где Бог?

– На небе.

– Ну, царство ему небесное!

* * *

Аким в Одессе. На Ришельевской старичок любопытствовал:

– Девочка, как тебя зовут?

Аким:

– Я мальчик!

– Хорошее имя!..

* * *

Аким:

– Тушите телевизор, хочу спать!

Выглядывает снова:

– За тушку телевизора – спасибо!

Горазд на комплименты:

– Из всех соседских бабушек наша – самая взрослая!

Из дневника Акима: «Ехали поездом. Из окна проезжали природу»...

Аким рассказывает анекдот.

Я:

– Не смешно.

Аким – смущенно:

– Ну тогда я пошутил...

Аким изучал иврит. Когда он научился читать – справа налево, – он, под впечатлением, стал ходить задом наперед. На этом учеба была своевременно прервана...

– Никак не могу понять, – удивлялся Аким, – Бог – он злой волшебник или добрый?..

Рената МУХА и Владимир ЛЕВИН

ДУЭТОМ С РЕНАТОЙ

**Как английская кошка и английская мышка
играли в Cats and Mice,
то есть в кошки-мышки**

... Теперь помолчи и послушай немножко
английскую сказку, малыш.

Жила у нас мышка по имени Кошка.

И кошка по имени Мышь.

Когда в нашем доме – in our house –

гасили the light, то есть свет,

английская кошка по имени Mouse

шла к мышке по имени Cat.

А Cat в это время ждала у окошка.

В углу разгорался камин...

«Тук-тук», – осторожно стучала к ней кошка.

И Cat приглашала:

«Come in!»

Хозяйке пожав с удовольствием лапы,

без лишних вступительных фраз

the cat говорила:

«It`s time to have supper».

Пожинать, мол, самый раз.

Садись они по-приятельски близко

за круглый a table, то есть стол.

«Please, take this сосиска» («Возьмите сосиску!»)

«Спасибо, my Friend». – «Not at all».

Камин догорал и the cat предлагала:

«Сыграем, чтоб стало теплей».

И мышка на это всегда отвечала:

«Ну, что же, to play так to play».

Что после бывало? Сужу понаслышке –
мне кошкин сосед говорил:
часами играли они в кошки-мышки.
Но кто убегал? Кто ловил?
Так вот,
в нашем доме – in our house –
ещё не открыли секрет:
Who всё же is who? То есть, кто есть a mouse
а кто, в самом деле, a cat?
Подумай, малыш, над the secret немножко
и, может быть, мне объяснишь:
так кто в этой сказке английская кошка,
а кто English mouse – the мышь.

КРАБ, КОТОРЫЙ ИГРАЛ МОРЕМ

Пересказка из Редьярда Киплинга

Это было давным-давно и даже немного раньше, в дни, когда всё на земле начиналось с самого начала и даже само начало начиналось сначала.

В тот день, моя девочка, Главный Волшебник встал пораньше, чтобы привести в порядок сушу и море. Он налил воды в реки, посыпал свежим песком берега, аккуратно разложил камни вокруг моря, а вокруг лесных полей посадил леса.

И сказал зверям:

– Теперь можете играть.

– Во что играть? – спросили звери.

– А я покажу, – ответил Главный Волшебник, потому что настало Время-Учиться-Самой-Первой-из-Первых-Игр.

Он подозвал Слона, вернее – Пра-пра-пра-пра-Слона, от которого произошли все слоны на земле, и сказал:

– Ты играй в слона.

И Пра-пра-пра-пра-Слон стал играть в слона.

Он подозвал Пра-пра-пра-пра-Корову и сказал:

– Ты играй в корову.

И Пра-пра-пра-пра-Корова стала играть в корову.

Он подозвал Пра-пра-пра-пра-Бобра и Пра-пра-пра-Черепаху и велел ему играть в бобра, а ей в черепаху.

* * *

Так он подзывал к себе зверей и объяснял каждому Самую-Первую-из-Первых-Игр.

А к вечеру, когда все устают и начинают капризничать, появился Человек.

(– Со своей дочкой?)

– Конечно, со своей собственной, самой любимой дочкой, и его Маленькая Девочка сидела у него на плечах.)

Он появился и сразу спросил:

– Что это за игра, Главный Волшебник?

– Это Самая-Первая-из-Первых-Игр, с неё начинаются все игры. Ты, Человек, для неё уже слишком умный. Тебе будет неинтересно.

– Да, я слишком умный для этой игры, – согласился Человек, – пусть уж в неё играют звери. Только смотри не забудь: научи их, чтобы слушались меня.

Так они разговаривали, а тем временем Пау Амма, Краб (вернее – Пра-пра-пра-пра-Краб, который ещё не научился играть, потому что его очередь учиться ещё не подошла) боком-боком – отполз к морю и скрылся в нём со словами:

– Как бы не так! Пусть он учит других, а я не стану слушаться Человека. Такая игра не для меня. Я лучше уйду на дно моря и там придумаю себе игру сам.

Никто не видел, как он уполз. Только Маленькая Девочка видела, потому что сидела на плечах у Папы. Но она ничего не сказала.

А Главный Волшебник показывал игру всё новым и новым зверям, и скоро все они уже знали, во что им играть. Тогда он снял передник, умылся и пошёл по земле поглядеть, правильно ли звери играют.

Сначала, моя девочка, он пошёл на Север и увидел, что там новенькой землёй (а эту землю Главный Волшебник сам приготовил ему ещё с утра) играет Пра-пра-пра-пра-Слон.

А играет он так: вонзил огромные бивни в новую гладкую землю и бегаёт по этой земле, и взрывает её своими бивнями, и топчет своими слоновьими ногами.

– Кун? – спросил Пра-пра-пра-пра-Слон, и это означало: «Ну как я играю? Правильно?»

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник, и это означало: «Правильно, правильно! Не беспокойся». И он дунул на борозды, которые взрыл Пра-пра-пра-пра-Слон, и они стали Великим Гималайским хребтом, а не веришь – посмотри на карту.

Потом Главный Волшебник отправился на Восток и увидел, что там зелёной лесной поляной (а эту поляну – ты помнишь? – Главный Волшебник сам приготовил ей ещё с утра) играет Пра-пра-пра-пра-Корова, и играет она так: выщипала всю траву на поляне, огляделась, слизнула своим огромным языком сразу весь лес вокруг поляны и легла на соседнюю лужайку, чтобы не торопясь его прожевать.

– Кун? – спросила она, вставая.

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и дунул на выщипанную поляну, где паслась Пра-пра-пра-пра-Корова, и на лужайку, где она лежала. И поляна стала Великой Индийской пустыней, а лужайка пустыней Сахарой, а не веришь – посмотри на карту.

Дальше Главный Волшебник направился на Запад и увидел, что там широкой и глубокой рекой (а эту реку – ты не забыла? – Главный Волшебник сам приготовил ему ещё с утра) играет Пра-пра-пра-пра-Бобр, а игра у него такая: валит самые толстые деревья и перегораживает запрудой реку.

– Кун? – спросил Пра-пра-пра-пра-Бобр.

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и дунул на поваленные стволы и неподвижную воду, и они стали знаменитыми Флоридскими болотами (эвергледами), а не веришь – посмотри на карту.

После этого Главный Волшебник отправился на Юг и увидел, что там свежим жёлтым песком (а этот песок – ты, конечно, помнишь! – он сам приготовил ещё с утра) играет Пра-пра-пра-Черепеха: роет берег задними лапами и отшвыривает песок и камни подальше в море.

– Кун? – спросила Пра-пра-пра-Черепеха.

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и дунул на песок и камни, и то, что улетело далеко в море, стало прекрасными островами Суматра, Ява и Целебес, а то, что упало поближе, – Малайским архипелагом, а не веришь – посмотри на карту.

Прошло какое-то время, и вот однажды Главный Волшебник встретил на берегу реки Перак Человека.

– А, это ты, Человек! – сказал Главный Волшебник. – Ну что, все звери слушаются тебя?

– Все, – ответил Человек.

– И вся земля?

– И земля.

– И всё море?

– А вот море – нет, – ответил Человек. – Раз в день и раз в ночь оно врывается в реку Перак и поворачивает речную воду, и гонит её против течения обратно в лес, и она разливается вокруг моего дома и даже заливают порог и стены, так что в моём доме теперь всегда сыро. А ещё один раз в день и один раз в ночь море отступает назад, уводит с собой всю речную воду, и в реке остаётся один ил, а моё каноэ лежит кверху дном. Это ты придумал морю такую игру?

– Нет, – сказал Главный Волшебник, – это какая-то непонятная игра, и она мне не нравится.

– Смотри, – крикнул в это время Человек, и Главный Волшебник увидел, что море стало подниматься и поднялось выше прибрежных камней, и морская вода хлынула в устье реки Перак, а речная вода побежала от неё вверх и разлилась, затапливая тёмные леса на мили и мили вокруг, и докатилась до жилища Человека, и окружила его дом со всех сторон.

– Ну нет. Это никуда не годится, – сказал Главный Волшебник. – Ставь своё каноэ на воду. Посмотрим, кто это играет морем.

И они сели в каноэ, и Маленькая Девочка села с ними. А Человек взял крис – такой кинжал, который изогнут, как месяц, и блестит, как месяц, – и они поплыли по реке Перак.

Как раз в это время море отхлынуло и потянуло их каноэ за собой – в устье реки. И их лодка понеслась

мимо Пинджанга, Селангора, Кланга,
Клинга, Малакки, Паданга, Буданга
до самого острова Битанг, –

как будто её тащили на верёвке. Там Главный Волшебник встал в каноэ во весь рост и крикнул:

– Эй вы, звери, птицы и рыбы, которых я нянчил, когда всё начиналось с самого начала, и даже немного раньше; которых я научил играть в Самую-Первую-Игру! Кто из вас играет морем?

И все звери, и птицы, и рыбы ответили в один голос:

– Это не мы, Главный Волшебник.

– А кто же?

– Этого мы не знаем. Мы играем так, как ты научил нас когда-то. И наши дети так играют, и дети наших детей тоже. Никто из нас не играет морем.

В это время над морем взошла полная Луна, и Главный Волшебник крикнул Горбатому Рыбаку, тому, что сидит на Луне, плетёт сеть и надеется, что когда-нибудь в неё попадётся Земля:

– Эй, Лунный Рыбак, уж не ты ли играешь морем?

– Нет, – ответил Рыбак, – я плету сеть, в которую когда-нибудь поймаю Землю. Морем я не играю.

И он снова взялся за свою работу.

А ещё на Луне есть Крыса, которая тоже трудится над сетью. Только Старик плетёт сеть, а Крыса её перекусывает, и работа у неё продвигается так же быстро, как у Старика.

– Эй, Лунная Крыса, так, может быть, ты играешь морем? – крикнул Главный Волшебник. И Крыса ответила:

– Мне хватает забот и без моря, я едва поспеваю за Стариком.

И она снова принялась за свою работу. Вот тогда-то Маленькая Девочка протянула к Главному Волшебнику свои смуглые ручки в браслетах из белых ракушек и сказала:

– Послушай, Главный Волшебник, когда Папа разговаривал с тобой, а я сидела у него на плечах, и всё начиналось с самого начала, и звери учились играть, – так вот тогда один непослушный зверь не подождал, пока ты объяснишь его игру, а уполз в море.

И Главный Волшебник сказал:

– До чего мне нравятся маленькие дети, которые всё замечают и не задают никаких вопросов. Ну-ка, расскажи, что это был за зверь?

– Он круглый и плоский, – ответила Маленькая Девочка, – глаза у него на палочках, он ходит боком – вот так! – А на спине у него панцирь.

– До чего мне нравятся маленькие дети, которые всегда говорят правду! Теперь я знаю, куда делся Пау Амма. Ну-ка, дайте мне весло!

И он взял весло, но грести ему не пришлось, потому что вода всё ещё несла их мимо островов, и вскоре они оказались у места, которое называют Пусат-Тасек – Самая-Середина-Моря. Там на дне есть глубокая яма – до Самой-Середины-Земли. В этой яме растёт Волшебное Дерево Пау Джанги, а на нём – волшебные орехи-двояшки.

Тут Главный Волшебник опустил руку в тёплую морскую воду по самое плечо и между корнями Волшебного Дерева Пау Джанги нащупал Краба Пау Амму и положил ладонь на его широкую и твёрдую спину. И Краб шевельнулся под его ладонью, и вода всколыхнулась в море, как она колышется в корыте, если поболтать в нём рукой.

– Ага, – сказал Главный Волшебник, – теперь я знаю, кто играет морем. – И он окликнул Краба:

– Ты что это творишь, Пау Амма? Что за игру ты придумал?

– Ничего я не творю, – ответил Пау Амма из глубины. – И ни во что не играю. Один раз в день и один раз в ночь я выхожу

поеть. А ещё раз в день и раз в ночь я возвращаюсь обратно. И оставь меня в покое.

Тогда Главный Волшебник сказал:

– Послушай, Пау Амма, когда ты выходишь из этой ямы, морская вода устремляется в Пусат-Гасек, и так много моря уходит сюда, что оголяются берега всех островов. И умирают маленькие рыбки, и Раджа Мойянг Кейбан, Король Всех Слонов, стоит по колено в грязи. А когда ты возвращаешься в свой Пусат-Гасек, воды моря уходят оттуда и затопляют половину маленьких островов, и окружают дом Человека, и Раджа Абдуллах, Король Крокодилов, глотает противную солёную воду.

Тогда Пау Амма засмеялся и сказал из глубины:

– Вот уж не знал, что я такая важная особа. Раз так – буду выходить семь раз в день.

– Послушай-ка, что я тебе скажу, Пау Амма, – ответил Главный Волшебник. – Когда было Время-Учиться-Самой-Первой-из-Первых-Игр, я собирался дать тебе хорошую, лёгкую игру. Ты тогда убежал, а теперь ты чересчур большой для таких детских игр. Но мне всё-таки хотелось бы тебя чему-нибудь научить. Поднимайся, если не боишься, – поговорим.

– А чего мне бояться? – сказал Пау Амма и поднялся на поверхность моря. Луна осветила его, и все поняли, что ничего такого большого они не видели до сих пор. Потому что Пау Амма был Краб Крабов, Король. Не просто краб, а Король Всех Крабов. Одним краем своего огромного панциря он коснулся берега Саравака, а другим – берега Паханга. И он был выше, чем дым от трёх вулканов. А когда он поднимался сквозь ветви Волшебного Дерева Пау Джанги, он задел большой орех-двояшку (волшебный орех с двойными зёрнышками: кто съест его, снова становится молодым), и Маленькая Девочка увидела, что орех, покачиваясь, плывет рядом с каноэ. Она вынула его из воды и стала выковыривать мягкие ядрышки своими маленькими золотыми ножницами.

– Ну, – сказал Главный Волшебник, – не покажешь ли ты нам какое-нибудь чудо, Пау Амма, чтобы мы увидели, что ты и в самом деле важная особа?

Пау Амма вытаращил глаза, задрогал ногами. Но никакого чуда не получилось, только по воде пошла рябь. Потому что краб, даже если он Король, это всё-таки только краб – и ничего больше.

– Да, Пау Амма, не такая уж ты важная особа! – засмеялся Главный Волшебник. – А теперь я попробую.

И он шевельнул левой рукой, одним только мизинцем левой руки – и – представь себе, моя девочка! – произошло чудо: твёрдый сине-чёрно-зелёный панцирь Пау Аммы спал с него, как кожа с кокосового ореха. И Пау Амма стал весь мягкий. Мягкий, как маленькие крабы, которых ты непременно увидишь, если побываешь на берегу моря. Так-то, моя девочка.

– Вот вам и важная особа, – сказал Главный Волшебник и повернулся к Крабу:

– Ну что, Пау Амма, может быть, попросить Человека, чтобы он порезал тебя своим крисом? Или позвать Раджу Кейбана, Короля Слонов, чтобы он проткнул тебя бивнями? Или послать за Раджой Абдуллахом, Королем Крокодилов, чтобы он перекусил тебя пополам?

И Пау Амма сказал тогда:

– Я больше не буду. Отдай мне мой твёрдый панцирь, и я опять спрячусь в Пусат-Тасеке и только раз в день и раз в ночь буду выходить оттуда, чтобы поесть. Но Главный Волшебник ответил:

– Нет уж, Пау Амма, панцирь я тебе не отдам. Ведь ты ещё подрастешь, станешь ещё сильнее, ещё больше зазнаешься и, чего доброго, забудешь своё обещание.

Тогда Пау Амма сказал:

– Что же мне делать? Я такой большой, что могу спрятаться только в Пусат-Тасеке. А если я выйду куда-нибудь такой мягкий, меня съедят акулы и крокодилы. Но если я буду сидеть в Пусат-Тасеке и бояться выйти за едой, – я умру от голода.

И он замахал ногами и заплакал.

– Ну вот, – сказал Главный Волшебник, – теперь он плачет. А когда было Время-Учиться-Самой-Первой-из-Игр, он не послушался и убежал. Ладно, перестань хныкать, Пау Амма. Хочешь, я совершу чудо – и за каждым кустиком водорослей, в каждой ямке, под каждым камешком в каждом море ты сможешь прятаться, как в своём Пусат-Тасеке. Ты и твои дети, и дети твоих детей. Ну как, больше не будешь обижаться?

– Ещё не знаю, – ответил Пау Амма. – Это, пожалуй, неплохое чудо, но как же тогда Человек? Ведь если бы не он со своими разговорами, ты в тот день не забыл бы обо мне, и мне бы не надоело ждать, и я бы не убежал в море, и ничего этого со мной не случилось бы. Он разве не сделает для меня какое-нибудь чудо?

И Человек сказал:

– Хорошо, Пау Амма, я совершу чудо – и суша тоже станет для тебя домом. И ты сможешь прятаться не только в море, но и на земле. Ну как, доволен?

– Ещё не знаю, – ответил Пау Амма. – И это неплохое чудо. Но остаётся ещё Маленькая Девочка. Она видела, как я убежал, и никому не сказала. А если бы она сказала тогда Главному Волшебнику, что я убегаю, он позвал бы меня, и я бы вернулся, и ничего этого со мною не случилось бы. Она для меня не сделает никакого чуда?

И Маленькая Девочка сказала:

– Смотри, Пау Амма, я ем орех! Он очень вкусный. Хочешь, я совершу чудо и дам тебе мои ножницы: видишь, какие они острые. Если у тебя будут эти ножницы, ты сможешь целыми днями щёлкать орехи, когда выйдешь на сушу. И ещё ты сможешь этими ножницами вырыть себе Пусат-Тасек, когда поблизости не окажется ни ямы, ни камня. А если земля будет слишком твёрдой, ты сможешь влезть на дерево, если у тебя будут эти ножницы. Ну что, теперь тебе не обидно, да?

– Не знаю, – ответил Пау Амма, – я ещё не решил. Это, конечно, тоже хорошее чудо, но всё равно ваши чудеса мне ни к чему, если я такой мягкий. Лучше отдай мне мой панцирь, о Главный Волшебник, и я буду играть в какую захочешь игру!

И Главный Волшебник сказал:

– Так и быть, я отдам тебе панцирь, Пау Амма. Хотя я уже вижу, что из этого всего получится: ты станешь слишком храбрым, если сможешь бегать и под водой, и на суше. А если ты ещё научишься лазать по деревьям, щёлкать орехи и копать ямы своими ножницами, ты станешь слишком жадным, Пау Амма. И всё-таки я отдам тебе панцирь. Но только на одиннадцать месяцев в году. На двенадцатый ты снова будешь становиться мягким. Ты и твои дети, – чтобы вы не забывали о Человеке, который умеет творить чудеса, и не переставали слушаться его. Договорились?

Тогда Пау Амма подумал ещё немного и сказал:

– Ладно уж, делайте ваши чудеса.

И тут Главный Волшебник совершил чудо. Он совершил его правой рукой, всеми пятью пальцами правой руки. И – представляешь, моя девочка! – Пау Амма начал уменьшаться. И он делался всё меньше, и меньше, и меньше, пока не стал совсем маленьким зелёным крабиком, который плавал вдоль каноэ и кричал тоненьким голосом:

– А ножницы! А ножницы!

Маленькая Девочка вынула его из воды, подержала на смуглой ладошке, а потом посадила на дно каноэ и дала ему свои ножницы. И он стал размахивать ими, и открывать, и закрывать, и щёлкать, и сказал:

– Я могу колоть орехи и есть их, я могу рыть ямки, я могу лазать по деревьям, я могу жить на суше и могу устроить себе Пусат-Тасек под каждым кустиком водорослей. Я и не знал, что я такая важная особа! Кун?

– Пайя кун, – ответил Главный Волшебник и засмеялся.

А маленький Пау Амма перекатился через борт каноэ и поплыл. И был он такой крохотный, что мог бы спрятаться в тени сухой травинки на земле и пустой ракушки в море.

– Ну как, вам понравилось творить чудеса? – спросил Главный Волшебник.

– Да, это очень интересно, – ответил Человек, – но чудеса чудесами, а как мы будем возвращаться? Знаешь, сколько грес-

ти до Перака? По-моему, было бы гораздо лучше, если бы вода сама несла нас домой.

– Неплохая мысль, – сказал Главный Волшебник. – Эй, Лунный Рыбак, подтяни-ка нашу лодку к Пераку!

– Э, нет, – сказал Человек. – Сейчас-то, когда ты с нами, он нас подтянет. А мне ведь каждый день выезжать в море рыбачить. Вот сделал Пау Амму маленьким, теперь пускай Лунный Рыбак играет морем два раза в день!

Тогда Главный Волшебник снова засмеялся и сказал:

– Пайя кун! – что означало: «Ты прав. Так и сделаю, не беспокойся!»

И тут Лунная Крыса перестала перекусывать сеть, и Лунный Рыбак опустил сеть до самого моря и потянул всё глубокое море вдоль берега

мимо Буданга, мимо Паданга,
мимо Малакки, Клинга и Кланга,
мимо Селангора, мимо Пинджанга
в устье реки Перак.

– Кун? – спросил Лунный Рыбак.

– Пайя кун! – ответил Главный Волшебник. – Только смотри, не забывай всегда дважды в день и дважды в ночь тянуть море, чтобы Человеку не приходилось грести. И его детям тоже. Да не тяни слишком сильно, а то и тебе попадёт, как Пау Амме.

Потом они поднялись по речке Перак домой, а дома пошли спать, моя девочка.

А вот теперь слушай внимательно!

С того самого дня и до сих пор Луна всегда тащит и тащит море то вверх, то вниз. И получается то, что мы называем приливами и отливами.

Иногда Лунный Рыбак тянет чуть-чуть сильнее, чем нужно, и поднимает воду так высоко, что случаются весенние разливы. А иногда он тянет чуть слабее, чем следует, и тогда вода стоит совсем низко.

Но обычно Лунный Рыбак осторожен, ведь он помнит, что сказал ему Главный Волшебник. Так-то.

А как же Пау Амма?

Если ты выйдешь на берег, моя девочка, то увидишь, как маленькие дети Пау Аммы роют себе маленькие Пусат-Гасеки под каждым камешком, под каждой травинкой – в песке, на дне моря. А есть такие страны, где крабы в самом деле живут и на суше, лазают по пальмам и едят орехи – точно так, как обещала Маленькая Девочка.

Но раз в год все пау аммы должны сбрасывать свою броню и на целый месяц делаться мягкими, чтобы не забывать, какие чудеса может творить Человек.

Конечно, их легко ловить в такое время, но это нехорошо. Хотя нельзя не признать, что их дедушка Пау Амма вёл себя очень глупо и грубо в давние-давние времена и ещё немного раньше.

Но ведь внуки Пау Аммы в этом не виноваты. И если им не очень нравится, когда кто-то вынимает их из маленьких пусат-гасеков и несёт домой в консервных банках, и они из-за этого щипают кого-то своими клещами-ножницами, то так кому-то и надо. Правда?

Анна ЛУКАШЕВА

Выйду замуж

Выйду замуж за Сиркова Даню,
С ним сидим за партой мы одной.
Скажем папе с мамой «до свиданья!»
И поедем жить к себе домой.

Буду я теперь замужней дамой,
Самой важной в нашем классе «Б».
В школу вызывать не станут маму –
Рядом Даня, он глава в семье.

Жить мы вместе будем очень дружно:
Есть конфеты, допоздна гулять.
И не скажут нам: не лезьте в лужу.
И не скажут: ну-ка в девять спать.

Хорошо быть замужем – все можно:
По утрам не заправлять кровать,
И не мыть посуду осторожно,
И еще в шкафу не убирать.

Ну а если станет грязно очень
(То-то позавидует нам класс),
Мы родим и дочку, и сыночка,
Чтобы убирали вместо нас.

Шоколадные стихи

Мне на днях сказала мама:
– Ты уже большой поэт,
Весишь сорок килограммов,
Обойдешься без конфет.

Знаю точно – от запретов
Больше пишется вдвойне.
Все великие поэты
Говорят об этом мне.

Я держусь и днем, и ночью.
Я конфет вообще не ем.
Но терпеть уже нет мочи.
И не пишется совсем.

Съел с утра кусочек жадно –
Рифмы, строчки так легки.
У меня особый жанр –
Шоколадные стихи.

Маргарита БОРЦОВА

АНДРЮША

Андрюша долго молчал, когда маленький был, разговаривать не хотел. На небо смотрит – молчит, на бабушку – молчит, игрушку новую ему принесут – молчит. Кошка ли, собачка мимо бегут, глядит на них Андрюша, серьёзно так глядит, и молчит.

Все уж беспокоиться начали: что за молчун такой Андрей? Всё ли с ним в порядке? Только мама не волновалась. С ней-то Андрюша как раз часто беседовал.

– Это кто? – спросит.

– Стрекоза.

– Есть можно?

– Нет.

– Бить надо?..

За пальчик оса Андрюшу укусила. «Ой, мама!» – кричит.

За городом увидел озерцо, по уши в воду забежал и вдруг поплыл. «Я плаваю, как минтай», – гордится.

– Грушу будешь? – мама спрашивает.

– Бу гру, – сын отвечает.

А вот когда четыре года Андрюше исполнилось, словно ключиком кто его открыл, так заговорил, что и остановиться не может. Идёт по улице с мамой, птицы чёрной ленточкой по небу вьются, домой торопятся. Андрюша тут же в телефонную будку просится:

– Можно, мама, я с птичками поговорю?

– Поговори, сынок, – мама скажет.

– Птички, птички, куда вы летите? Смотрите, о тучки крылышки не испачкайте. Возвращайтесь, птички, поскорее. – И «до свидания» ещё скажет.

Кузнечика в клумбе увидит: «Кузнечик, кузнечик, что поёшь? Кто тебе скрипочку подарил?»

Маму за руку осторожно по тропинке ведёт: «Смотри, на травку не наступи, травке больно». И уж с другого конца сада Андриюшин голосок звенит: «Бабушка, смотри! Тут продукты на деревьях растут!».

– А вон цветочек какой. Глядит на нас и улыбается.

То вдруг маму попросит: «Мама, смажь мне все уголки, пожалуйста, а то комары накусили».

За стол сядет, на маму хитро так посмотрит: «Я буду есть быстро и дефективно. Ты только скорлупу с картошки сними».

С мамой Андриюша дружил крепко.

«Я, мам, тебя приватизировал. Родился и приватизировал. Моя ты теперь. Таких женщин я ещё не встречал», – похвалит.

«И как это папка на тебе жениться успел, пока ты молодая была, а я не успел?» – сокрушается.

«Мама – красавица письменная,нибудь-когда и женюсь», – решил про себя.

– Ты, мама, больше не расти, а то я тебя догнать не успею.

– Кого ты, Андриюша, больше всех любишь? – спрашивают папа-мамины знакомые.

– Маму и меня, Андриюшу.

А потом вдруг пригорюнится: «Мама, я когда умру, один, что ли, буду под землей лежать? Страшно там одному. Я спать ночью не буду, а то вдруг возьму и умру».

«Как бессмертным стать?» – подумав, спросит.

А ещё интересуется: «Где у земли глазки? Спичкам в коробке не жарко? А у машин мозоли на ногах бывают?»

Весь мир Андриюшу занимает. Вот поймал светлячка. Светлячок лежал себе на ладонке и светился мягким таким зеленым огоньком, да вдруг разом погас. «Перегорел!» – Андриюша расстроился.

Бегал-бегал по полянке мокрой босиком, простудился, заболел.

– Мама, я не умру? Сделай честное лицо и скажи мне.

– Нет, сынок. С чего бы это?

– Болезнь у меня такая страшная – брахония!

Доктор таблетки Андрею прописал, не хочет он их пить.

– Это злая, хитрая таблетка, она глюкозой притворилась. Мама, будь чувственной, дай мне попить, пожалуйста. И руки потом не забудь вытереть, а то будут детёночки по рукам бегать, цыпы, всю руку исклевают.

Стала мама в школу сына собирать. Ранец купила, тетрадки, краски новые, гуашевые. Краски Андрею больше всего понравились: «Я эти краски как сидорову козу всю жизнь буду беречь».

Привели Андрюшу к учительнице знакомиться.

– Ты, мальчик, на какой улице живешь?

– Я дома живу, а не на улице, – обиделся Андрюша.

– А папа у тебя кем работает?

– Грузином. Он вещи всякие тяжёлые на работе таскает.

– А книжки ты какие читать любишь?

– Те, которые писатель Тигр Толстой написал.

Не понравился Андрюша учительнице. Посадила она его в одиночку на последнюю парту. Сидит он тихо, больше в окно, чем на доску, смотрит. За окном птички поют, солнышко улыбается, деревца друг с дружкой перешёптываются. Жизнь кипит, через край переливается. Пока Андрей взаперти томится, всё самое интересное кончиться запросто может.

– Журавлёнков! Опять спишь-дремлешь на уроке! Да что за ученик на мою шею достался!

– Ольга Петровна, можно выйти?

– Сиди, шалопутный! Уйдешь, до конца урока тебя не увидим. Ну что у тебя, Журавлёнков, за тетрадки? – к самой парте учительница подошла. – Все строчки посреди листа написаны, как стихи какие. Так тебе тетрадок никаких мать не накупится.

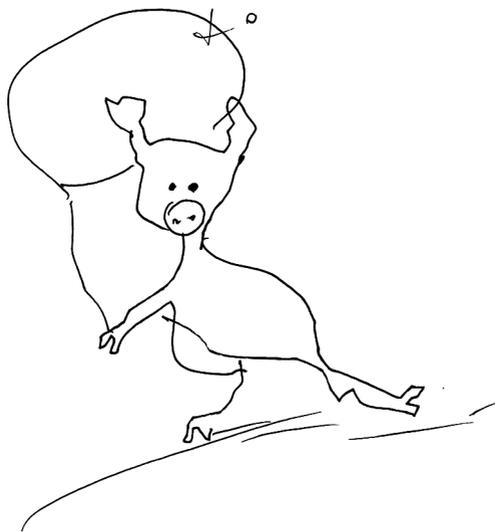
На переменках другие ребяташки вокруг учительницы крутятся, а Андрюша на своём месте камчатном сидит: «Что я, малоразвитый, что ли, к ней подходить? Если бы я около неё вертелся, пятьсплюсником бы был, наверное». А так у Андрюши тройки одни.

– Для чего у тебя, Журавлёнков, голова? – учительница интересуется.

«И правда, для чего? – думает Андрюша. – Не буду зимой с горки кататься. А то упаду – остатки мозгов выбьются. Вот буду отличником, тогда можно, у-ударюсь головой если, ударником стану».

Школьный год охо-хо как долго тянется... А каникулы – раз, только обрадоваться успеешь, и вот они пролетели. В школу скоро Андрею, во второй класс. Достал мальчонка из-под дивана ранец свой прошлогодний.

– Мама, и как это я раньше бессмертным стать хотел. Как вспомню, что завтра в школу, так бы тут же и умер.

Светлана **ЖУРАЛЕХ****Азбука-вертушка**
(Ксюшкина подружка)

«Ах, – говорила мне как-то акула,
я непременно бы к вам заглянула
и привела бы своих акулят,
только аквариум ваш маловат».

– Бычок, зачем бодаться,
на всех подряд кидаться?
– Я потому бодаюсь,
Что в жизни утверждаюсь!

Ветер волосы взъерошил,
ветки в парке растревожил,
прогулялся над рекой...
Вот ведь ветреный какой!

Гром над крышею грохочет,
напугать меня он хочет.
Не боюсь любого грома,
Потому что мама дома.

Дождик идёт за окном понемногу.
Дождик деревья умыл и дома.
Дождик с утра умывает дорогу.
А девочка Ксюша умылась сама.

Есть ель, есть ёлка – как похожи!
Да это же одно и то же!
Ёжик очень дружит с ёлкой –
их роднит характер колкий.

Жирафу жук сказал: «**Жу-жу**,
с тобой, **жираф**, я не дружу.
Зачем ты на меня – **жука** –
всё время смотришь свысока?»

Зебры счастливы и **змейки**,
скачут **заячьи** семейки:
у **звериного** народа
в **заповеднике** – свобода!

Иголкой укололся **йог**
и не на шутку занемог.
Скорей ищите **йогу йод** –
и всё у **йога** заживёт.

Какая компания: курица, кошка,
коза, кукуруза, капуста, картошка,
корова, кузнечик... И хватит пока,
чтоб нам познакомиться с буквою «к».

Ленивцу лесною тропую
отправиться **лень** к водопою,
и **лень** от удава бежать,
и даже – от страха дрожать!

– **Можно, милая корова,**
Молочка попить парного?
– **Мне** не жалко **молочка**.
Напою сперва бычка.
Молоко останется –
Всем его достанется!

Нотку «до» и нотку «ре»
спели птицы на заре –
это в небе прозвучало
новой песенки начало!

Ох и вкусные оладушки
получаются у бабушки!

Полосатенький живот,
крылышки из шёлка.
Добывает людям мёд
труженица-пчёлка.

Радость распахнула окна все,
радость пробежалась по росе,
к солнышку руками потянулась,
радугую в речку окунулась!

Солнышко-солнце над лесом взошло –
сразу же стало тепло и светло.
Села сорока на свежий пенёк.
Солнечный будет сегодня денёк!

Тук-тук! Кто там, в углу, притих? –
Тик-так, тень-тень, топ-топ, шмыг-шмыг...
Когда ты в темноте сидишь,
Кто тут, кто там – не разглядишь.

Упрямый утёнок не хочет учиться –
увидишь, не станет он умною птицей.

«Фа и соль, фа и соль», –
пела всем мадам Фасоль.
А теперь поёт в кастрюле:
«Не забудьте бросить соль!»

Хрю-хрюкты – яблоки и груши
жевала **Хрюша** без конца –
вот почему у нашей **Хрюши**
такой **хороший** цвет лица.

– **Цып-цып**, кто там за хрупкой
яичною скорлупкой?
Чей голосок так тонок?
– Да это я, **цыплёнок!**

Чижик часы человеку чинил,
Раза **четыре** он их уронил.
С этой поры на **часах** **чудеса**:
круглые сутки – **четыре** часа.

Шиншиллке-дочери **шиншила**
ко дню рожденья **шубку** сшила
и написала на листочке:
«На память драгоценной дочке».

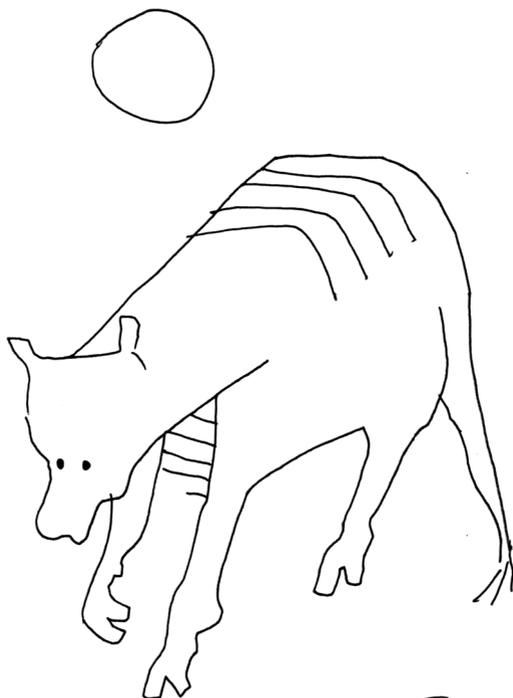
Щенок случайно в сад забрёл,
а там среди ветвей
о чём-то **щебетал** **щегол**
и **щёлкал** соловей.

Нету слов на «**твёрдый** **знак**»,
нету слов на «**мягкий** **знак**»,
слов на «**ы**» вы не встречали –
этих букв нет в начале,
но в конце и в серединке
их найдёте на картинке.

Экскаватор землю роет –
это кто-то что-то строит.

Юля на юге не даром была –
солнышко **ю**жное всё забрала,
только загар стал слезать с неё вдруг –
видно, решил возвратиться на **ю**г.

Яблочко с яблоньки где-то упало.
Ясное солнышко за день устало.
Яркая лампочка в доме включается.
Азбука наша на этом кончается.

ЗЕБРА